

Яакко Хинтиikka

О Гёделе

Курт Гёдель

Статьи

Составление, редакция и перевод
В.В. Целищева и В.А. Суровцева

МОСКВА
КАН Н⁺

2014

УДК 1/14
ББК 87.2
Х47

Издание подготовлено при поддержке
РФФИ (грант № 12-06-00318-а)

и РГНФ (грант № 13-03-00073)

Хинтиikka Я.
Х47 О Гёделе / Я. Хинтиikka; Статьи / Курт Гёдель / Со-
ставление, редакция и перевод В. В. Целищева и В. А. Су-
ровцева. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. —
256 с.

ISBN 978-5-88373-420-4

Монография Я. Хинтиikka «О Гёделе» представляет собой экспозицию основных результатов, достигнутых К. Гёделем в исследованиях по основаниям математики. В частности, рассматриваются знаменитые теоремы о неполноте и доказательство независимости континуум гипотезы. При интерпретации этих результатов широко привлекаются взгляды Гёделя на философию математики. близкие платонизму, и анализируется его своеобразный подход к синтаксическим и семантическим аспектам формальных систем. При рассмотрении отдельных концепций Гёделя привлекается аппарат, разработанных Я. Хинтиikka дружественно-независимых логик.

В сборник также включены некоторые работы К. Гёделя по философии математики, позволяющие лучше понять его взгляды.

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

**УДК 1/14
ББК 87.2**

ISBN 978-5-88373-420-4

© Хинтиikka Яакко., 2014
© Составление, редакция и перевод.
В. В. Целищева, В. А. Суровцева
© Издательство «Канон+»
РООИ «Реабилитация», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Яакко ХИНТИККА. О ГЁДЕЛЕ (перевод В.В. Целищева
и В.А. Суровцева, при участии К.А. Родина)

Предисловие	7
I. Пролог: Кёнигсбергская бомба	8
II. Жизнь и личность Гёделя	14
III. Гёделевское обоюдоострое доказательство полноты	19
IV. Фон работ Гёделя	31
V. Гёделевское озадачивающее доказательство неполноты	43
VI. Следствия неполноты	58
VII. Философские взгляды Гёделя	69
VIII. Гёдель и теория множеств	81
IX. Диалектика гёделевской интерпретации в Диалектике	91
X. Машины Тьюринга или машины Гёделя?	99
Литература	103

Курт ГЁДЕЛЬ. СТАТЬИ

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ОСНОВАНИЯХ МАТЕМАТИКИ (1933) (перевод В.А. Суровцева и Р.Ф. Галимуллина)	108
РАССЕЛОВСКАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА (1942) (перевод В.В. Целищева)	125
НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕМЫ В ОСНОВАНИЯХ МАТЕМАТИКИ И ИХ СЛЕДСТВИЯ (1951) (перевод В.В. Целищева)	166
СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ОСНОВАНИЙ МАТЕМАТИКИ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ (1961) (перевод В.В. Целищева)	201
Целищев В.В. ФИЛОСОФИЯ КУРТА ГЁДЕЛЯ	212

Яакко Хинтиikka

О Гёделе

Перевод *В.В. Целищева* и *В.А. Суровцева*,
при участии *К.А. Родина*

Jaakko Hintikka

On Gödel

Wadsworth, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курт Гёдель (1906–1978) был одним из величайших логиков всех времен. Его результаты, и особенно доказательство того, что каждая система аксиом элементарной арифметики дедуктивно неполна, полностью изменили – или должны были изменить – наш способ осмысления оснований математики. Гёделя также интересовали философские идеи и идеалы, главным образом, идеалы рациональности. И вся его собственная жизнь напоминала название одной книги по теории игр, а именно «*Парадоксы рациональности*». Гёдель верил в идеал рациональности, в том числе за пределами логики и философии, но его собственная личная жизнь поражала своей абсурдной иррациональностью. Он получил самые радикальные результаты в области логики в XX веке, но предпочел проводить свои исследования в общепринятом духе. Парадоксальным было влияние идей Гёделя. Самые лучшие его результаты, особенно упомянутая выше первая теорема о неполноте, часто интерпретируются диаметрально противоположно в отношении его собственных взглядов.

Таким образом, легко убедиться в том, что работы Гёделя следует представить в новом, более точном, свете, даже в области логико-математических исследований, не говоря уже о философском и историческом аспектах. Эта книга представляет собой попытку сделать первый шаг в направлении такой переоценки. Я полагаю, что недавние исследования в логике и основаниях математики, отчасти, позволяют представить работы Гёделя в новой перспективе.

При подготовке этой книги я широко использовал уже имеющуюся литературу, особенно биографию Гёделя, написанную У. Доусоном, сочинения Хао Вана и проницательные работы Соломона Фейермана. Однако за все интерпретации, предложенные на последующих страницах, ответствен я один.

I. ПРОЛОГ: КЁНИГСБЕРГСКАЯ БОМБА

Герой этой книги, Курт Гёдель (1906–1978), был не только величайшим логиком с интересными философскими идеями. Мерой значимости Гёделя является то, что наиболее важный момент в его карьере представляет наиболее важный момент в истории логики двадцатого века и, быть может, истории логики вообще. Это обстоятельство проливает свет на достижения Гёделя, их восприятие и их значимость. Следовательно, имеет смысл посмотреть, как все это происходило.

Этот Sternstunde¹ имел место 7 октября 1930 г., на конференции по основаниям математики в Кёнигсберге (5–7 октября 1930 г.). Это не было узкой конференцией. В первый день именитые докладчики представляли три основных подхода к философским и концептуальным основаниям математики. Доклад Рудольфа Карнапа назывался «Основные идеи логицизма», доклад А. Гейтинга – «Интуиционистские основания математики», а великий Джон фон Нейман, представлявший школу Давида Гильберта в Геттингене, говорил об «Аксиоматических основаниях математики». Как отмечал репортер, в последнюю минуту к этим докладам добавили доклад Фридриха Вайсмана, представлявшего позицию Витгенштейна, но в конечном счёте согласились, что идеи Витгенштейна не были

¹ Звездный час (нем.). – *Прим. ред.*

представлены в достаточно зрелом для дискуссии виде. (см.: Dawson 1997, p. 68–71).

На второй день свои доклады представили трое других видных философа и математика, за которыми следовали двадцатиминутные выступления ещё трех докладчиков. Среди последних был молодой логик из Вены по имени Курт Гёдель. Это был элегантный, хотя и весьма сжатый доклад, который не вызвал особого удивления, – по крайней мере, так казалось остальным. Гёдель показал то, что многие работающие в области оснований математики давно подозревали, а именно, что наша основная работающая логика, – или скорее, что всеми принималось за таковую, – полна в естественном смысле понятия полноты. Эта базисная логика была тогда известна как исчисление логики предикатов или низшее функциональное исчисление, а в наши дни – как (обычная) логика первого порядка, а иногда как кванторная теория. Природа этой логики и доказательство ее полноты Гёделем будут объяснены детально в *Главе 3*. Здесь же достаточно сказать, что в качестве примитивных логических констант в ней берутся два квантора «существует индивид x такой, что», сокращенно $(\exists x)$, и «для каждого индивида u », или сокращённо $(\forall u)$, отрицание $\sim$, конъюнкция $\&$ и дизъюнкция $\vee$. Предполагается, что x и u в кванторах «пробегают» над всеми членами некоторой данной области индивидов, или же «универсума рассмотрения». Гёдель полностью показал, что всякий раз, когда формула такой первопорядковой логики не может быть опровергнута, она может быть интерпретирована как истинная. Отсюда следует, что всякий раз, когда формула истинна в каждой возможной интерпретации («в каждой модели»), она может быть доказана. Эта универсальная доказуемость и есть то, что подразумевается под полнотой: Все логические истины доказуемы. И понятие доказуе-

мости используется здесь в чисто механическом смысле, т.е. как выводимость формулы из точно сформулированных «аксиом логики» посредством чисто механических «правил логического вывода». Эти правила в принципе могут быть запрограммированы в компьютере. Гёделевское доказательство полноты, таким образом, ободрило логиков тем, что оно показало, что развитые ими методы доказательства настолько хороши, насколько они вообще могли быть таковыми, по крайней мере, в том отношении, что они позволяют доказать то, что вообще должно быть доказано.

Но вернемся в Кёнигсберг. Третий день был посвящен общей дискуссии по основаниям математики в свете докладов на конференции в предыдущие два дня и другим сходным вопросам. В этой дискуссии молодой венский логик сделал озадачивающее замечание. Как будет объяснено ниже, кёнигсбергская конференция проходила под сенью программы Гильберта, призванной обезопасить математические аксиомы через доказательство их формальной непротиворечивости. Гёдель показал, что такой непротиворечивости недостаточно. Даже если никакое материально ложное утверждение не доказуемо в аксиоматической системе, может случиться так, что не все материально истинные утверждения будут доказуемы. И может случиться не только это. Молодой человек из Вены объявил о результате, согласно которому такая неполнота не только превалирует, но она попросту неизбежна. Гёдель сформулировал свой результат так:

«Даже предполагая формальную непротиворечивость классической математики. можно привести примеры утверждений (а на самом деле такого же типа, как теоремы Гольдбаха и Ферма), которые будут действительно контекстуально (материально)

истинными, но не доказуемыми в формальной системе классической математики».

И Гёдель на самом деле доказал этот результат. Он известен как первая его теорема о неполноте. Этот результат вполне заслуженно считается одним из наиболее важных и вызывающих открытий в науке XX века, сравнимым с теорией относительности Эйнштейна и принципом неопределенности Гейзенберга. Некоторые авторы называют его «землетрясением» в основаниях логики и математики. Он одним ударом представил всю дискуссию предыдущих двух с половиной дней в новом свете – или, используя более подходящую метафору, погрузил ее в новый мрак, из которого вся философия математики начала медленно выходить только сейчас, семьдесят лет спустя.

Еще до того как мы обратим более пристальное внимание на два представленных и объявленных Гёделем в Кёнигсберге результаты, мы должны оценить революционный характер его теоремы о неполноте. Эта теорема показала, что вся предшествующая методология математики была неудовлетворительной. Со времен античных математиков вроде Евклида исследование какой-либо ветви математики в идеале мыслилось в форме аксиоматической теории. Идея состояла в том, что основные истины этой ветви математики суммировались в некотором числе аксиом. Если аксиоматическая система полна, то все другие истины этой части математики могут быть выведены чисто логически. Примеры таких аксиоматических систем (полны они или нет, здесь вопрос не существенный) включают *Начала* Евклида, а в относительно недавние времена – *Основания геометрии* Давида Гильберта (1899 г.). Гёдель показал, что эта стратегия не работает даже в такой простой и базисной математической теории, как элементарная арифметика,

т.е. в изучении структуры натуральных чисел 0, 1, 2, ... в терминах сложения, умножения и отношения последующего числа. Независимо от того, какую аксиоматическую систему вы выберете, и, независимо от того, какие будут выбраны формальные правила логического вывода, всегда будут истинные утверждения о натуральных числах, которые не выводимы из этих аксиом с помощью данных правил. Доказывание теорем часто мыслится как альфа и омега математического метода. Но из результата Гёделя следует, что это не может быть всей математикой.

Какова же была реакция ученой публики на важнейшее заявление Гёделя? Заметен ли был при этом хор возражений и вопросов? Бросились ли великолепные математики к телефонам сообщить сенсационную новость своим коллегам и студентам? Удивительная правда состоит в том, что ничего такого не случилось. Результат Гёделя был столь новым и методологически озадачивающим, что он не дошел до публики. Подводящий итоги конференции даже не упомянул результат Гёделя. Это недопонимание не было облегчено даже тем фактом, что Гёдель обсуждал результат с Карнапом еще до начал конференции.

Единственным исключением при таком отсутствии реакции был Джон фон Нейман. У него была легендарная репутация человека, который немедленно схватывает любую математическую идею. (Говорят, что он мог войти в аудиторию в середине доклада и уже через пять минут поправлять докладчика). Джон фон Нейман немедленно ухватил ход мысли Гёделя и отвел его в сторону после дискуссии. Он вернулся домой и начал объяснять другим результат Гёделя. Более того, он заметил вскоре воистину замечательное следствие доказательства. Гёдель дал условное доказательство: Если аксиоматическая система, содержащая элементарную арифметику, непротиворечива,

тогда можно найти специфическое предложение G , которое истинно, но недоказуемо в этой системе. Отсюда, если можно доказать непротиворечивость этой системы в элементарной арифметике, тогда можно было бы доказать в этой системе истинность G . Но, согласно первой теореме Гёделя о неполноте, G недоказуемо в этой системе. Отсюда исходное предположение должно быть неверным, или, другими словами, непротиворечивость системы нельзя доказать внутри этой самой системы. В частности, непротиворечивость такой слабой системы как элементарная арифметика не может быть доказана в самой элементарной арифметике.

Джон фон Нейман сообщил этой результат Гёделю, который вежливо информировал фон Неймана, что он пришёл к этому результату ранее. Этот результат известен как вторая теорема о неполноте Гёделя. Именно он, прежде всего, привлек особое внимание. Он был воспринят как крушение великого проекта Давида Гильберта в основаниях математики, безусловно, величайшего математика того времени. Для того чтобы понять воздействие результатов Гёделя, следует сделать обзор ситуации в философии математики, начиная с 1931 года. Это будет сделано в *Главе 4*. К тому же в качестве части этого фона при обсуждении результатов Гёделя нам следует больше узнать о его жизни и личности.

II. ЖИЗНЬ И ЛИЧНОСТЬ ГЁДЕЛЯ

Открытия Гёделя были главными событиями в истории логики и математики. Даже сейчас видно, насколько драматическим событием были его теоремы о неполноте. В противоположность этому, жизненная история Гёделя не была столь богата драматическими событиями. Даже наиболее экстраординарная особенность саги Гёделя, а именно причина его смерти, скорее была заурядным событием, а не поразительным проявлением воли Бога, природы или человека. Согласно свидетельству о его смерти, он умер от «недоедания и истощения», последовавшими в результате «психического расстройства». Попросту говоря, он голоданием довел себя до смерти.

Ясно, что мы имеем дело с крайне необычным человеком. Однако внешние обстоятельства его жизни мало что прибавляют к пониманию личности Гёделя. Курт Фридрих Гёдель родился 26 апреля в Брно, Моравия, которая сейчас является частью Республики Чехия. Его родители были скорее немецкого, а не чешского происхождения. Его отец, директор и совладелец текстильной фабрики, умер в 1929 г., до того как Гёдель начал профессиональную карьеру. Мать Курта была хорошо образованной женщиной и умелой домохозяйкой. У него был старший брат, Рудольф Гёдель, ставший успешным врачом.

Курт Гёдель всегда был близок с матерью. Пожалуй, единственное, что он сделал против её желания, это женитьба на Адели Поркерт 20 сентября 1938 г. Согласно биографу Гёделя, с точки зрения его родителей, «Адель

имела много недостатков. Она была не только разведенной женщиной, старше их сына на шесть лет, но еще и католичкой, происходившей из низших классов, на её лице выделялось родимое пятно и, что хуже всего, согласно некоторым источникам, она была танцовщицей в венском ночном клубе» (Dawson 1994, с. 34). Тем не менее, брак оказался удачным. Адель защищала Курта от внешнего мира и заботилась о нем, и не только как домохозяйка. Когда однажды в Вене к ним пристали два нацистских отморозка, именно Адель отогнала их, нанося удары зонтиком.

Получив солидное школьное образование в Брно, в 1924 г. Гёдель поступил в Венский университет. В разговорах с Хао Ваном он описывал свои студенческие годы (в третьем лице) так:

«[Он] приступил в 1924 г. в Вене к изучению теоретической физики. Его заинтересованность точностью увела его от физики к математике и математической логике. Он с удовольствием посещал лекции П. Фюртванглера [кузена знаменитого дирижера] по теории чисел и углубился в этот предмет, например при применении им китайской теоремы об остатках в выражении примитивно рекурсивных функций в терминах сложения и умножения. В 1926 г. он перевелся на отделение математики и одновременно стал участником кружка М. Шлика. Однако он никогда не был позитивистом, а только разделял некоторые из их взглядов в то время. Он завершил свое формальное образование в университете летом 1929 г. Он также посещал в этот период лекции по философии Генриха Гомперца, отец которого был знаменитым антиковедом».

Руководителем диссертации Гёделя был Ганс Ганн, прекрасный математик с философским уклоном, который являлся одной из центральных фигур знаменитой группы философов, математиков и естествоиспытателей, известной как Венский кружок. Именно эта группа позитивистов упоминается выше в пассаже Хао Вана.

После прорывных результатов, объявленных в Кёнигсберге в 1933 г., Гёдель стал доцентом (лектором) в Венском университете. Он посетил Соединенные Штаты в 1933–1934, 1935 и 1938–1939 гг. Хотя он и не был евреем, ситуация в Вене становилась все более неприятной, особенно после аннексии Австрии нацистской Германией в 1938 г. Как следствие, Курт и Адель покинули Вену 18 января 1940 г. и прибыли в Сан Франциско 4-го марта. Гёдель работал в Институте высших исследований (ИВИ) в Принстоне, стал его постоянным членом в 1946 г. и затем профессором в 1953 г. В ИВИ Гёдель стал другом Альберта Эйнштейна, знаменитым членом этого института.

Психическое здоровье Гёделя было очень хрупким. Он постоянно страдал от депрессий, паранойи, ипохондрии и много раз попадал в больницу. Он не доверял докторам и часто отказывался от предлагаемого ему лечения. Когда Адель в 1977 г. была госпитализирована, паранойя Гёделя достигла высшей точки. Он отказывался от лечения и даже от помощи друзей. Его подозрительность в отношении обычной еды развилась в серьезную анорексию, которая и убила его 14 января 1978 г.

Психические проблемы Гёделя не имеют прямого отношения к пониманию его работ по логике и математике или его философским идеям. Однако, вопреки в высшей степени абстрактным результатам Гёделя, я полагаю, что понимание его характера помогает нам понять его позицию в отношении к своим собственным идеям, включая философские. Паранойя Гёделя была отражением его общей

уязвимости. Эта уязвимость носила весьма специфический характер. Гёдель нуждался в безопасном принятом каркасе, внутри которого можно работать. В рамках этого каркаса Гёдель был способен в полной мере проявить свой восхитительно критический и конструктивный интеллект. Однако он никогда не бросал серьезного вызова этому каркасу ни интеллектуально, ни политически. В своем проницательном очерке Соломон Феферман говорит об «убежденности и осторожности» Гёделя. Феферман отмечает следствия «осторожности Гёделя»:

«Мне кажется, что он [Гёдель] мог бы быть вовлечен в развитие фундаментальных понятий современной логики – истинности и вычислимости – в гораздо большей степени, чем это случилось на самом деле...

В ходе 30-х он уклонился от нового понятия как объекта исследования, предпочитая новые понятия в качестве средства получения результатов».

Сделать новые понятия «объектом исследования» означало бы выйти за пределы старого каркаса, внутри которого работали логики, тогда как в качестве средств получения новых результатов эти понятия использовались в рамках старого каркаса.

Установка Гёделя живо иллюстрируется историей его получения американского гражданства в 1947 г. Как и всякий претендент, он должен был ответить на вопросы об американской правительственной системе, включая вопросы о Конституции. Тут был принятый каркас, в рамках которого Гёдель привык оперировать. Он применил в этом деле всю свою изобретательность и вскоре обнаружил определенного рода изъяны, благодаря которым возможен найденный им способ конституционного превращения Соединённых Штатов в диктатуру. Конечно, он ни в коей ме-

ре не рассматривал такую возможность как предлог для изменения Конституции. Но его друзья по ИВИ поняли, что экзаменуемый судья мог бы не уловить этого, и старались отвлечь Гёделя. Однако в решающий момент Гёдель не смог сдержаться и начал развивать свои соображения. К счастью, его друзья объединили свои усилия с просвещенным судьей для восстановления подобия нормальности процесса. Чтобы добавить пикантности этой трагикомедии, следует заметить, что одним из её участников был Альберт Эйнштейн.

Эта история сопровождалась и другими в том же духе. Все они иллюстрируют потребность Гёделя в большой сохранности социального порядка. В 1952 г. Эйнштейн с озадаченным видом сообщил коллегам: «Вы знаете, Гёдель окончательно свихнулся». И что же он сделал? «Он голосовал за генерала Эйзенхауэра!»

Как можно ожидать на основании этих зарисовок, взгляды Гёделя были – как в логике, так и за её пределами – смесью чрезвычайно острой проницательности в суть вещей и странных, иногда параноидальных, убеждений. В логике и основаниях математики его проницательность была поразительной и быстрой, и часто его посетители получали впечатление, что они не могут сказать чего-то такого, чего он бы ещё не знал. В то же самое время он искренне верил в некоторую версию онтологического доказательства существования Бога. В философии он признавал гений Лейбница. И в то же самое время он верил, что определенные силы пытаются подавить не только лейбницеанские, но и его собственные идеи.

Даже в этом странном ассортименте взглядов проявляется гений Гёделя. Он мог представить изобретательные аргументы даже в пользу самых одиозных идей, что делает чтение его трудов неизменно интригующим занятием.

III. ГЁДЕЛЕВСКОЕ ОБОЮДООСТРОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПОЛНОТЫ

Как было сказано в *Главе I*, презентация Гёделем приглашенного доклада в Кёнигсберге привлекла мало внимания, даже меньшее, чем объявление результата о неполноте. Мы упоминали также, что суть доклада состояла в доказательстве полноты обычной логики первого порядка. И все же в исторической перспективе – или, как говорят, задним умом – мы понимаем, что этот ожидаемый результат, безусловно, воздействовал на последующее развитие логики и основания математики почти столь же фундаментальным образом, как и неожиданный результат о неполноте. Друга Гёделя Альберта Эйнштейна как-то спросили, как он достиг своих революционных результатов. Он ответил: «Задавая вопросы, которые запрещают задавать детям». В статье о полноте Гёдель поднял вопрос, который просто не поднимался в печати и который многие философы запретили бы нам задавать сейчас. К несчастью, Гёдель задал этот вопрос таким образом, что (правильный) ответ на него был ожидаем. Это дало философам и логикам ложное чувство безопасности.

Гёдель доказал как раз то, что базисная элементарная часть логики, известная как обычная логика первого порядка, полна. Для того чтобы понять, что это значит, нужно понять, что подразумевается под логикой первого порядка и что подразумевает её полнота. Отсюда, наша первая задача заключается в том, чтобы понять, что такое логика первого порядка.

Эта логика есть часть той логики, которую сформулировали Фреге, а также Рассел и Уайтхед. Первопорядковый фрагмент её впервые был выделен в лекциях Гильберта, которые он прочитал в 1917–1918 гг. (при содействии Поля Бернайса). Они появились в печати только в 1928 г. в качестве учебника *Grundzüge der theoretischen Logik* Гильберта и Аккермана².

Природу языков первого порядка можно безболезненно понять через описание не просто стандартных языков как таковых, но через описание чего-то такого, с чем можно как-то работать. В качестве полусерьезного примера того, как можно использовать язык первого порядка, можно рассмотреть любимое развлечение двух групп людей, усилиями которых логика шагала семимильными шагами. Любимое развлечение – это распускание слухов. Оно охотно практиковалось как древними афинянами, так и знаменитой группой интеллектуалов, по большей части выпускников Кембриджского университета, которая обычно называется группой Блумсбери. Первые были объединены работами основателя логики Аристотеля. Вторая группа объединялась социальным контекстом работы Бертрана Рассела и А.Н. Уайтхеда, авторов монументального труда *Principia Mathematica* (1911–1913), который представлял собой первую совершенно зрелую (и непротиворечивую) кодификацию современной символической логики³.

Так какого рода должен быть язык для сплетен? Ваши сплетни должны быть о некотором множестве людей. Логика называют обобщенные аналоги этих людей *индивида-*

² Русский перевод см.: Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики. М.: ГИИЛ, 1947. – Прим. ред.

³ Русский перевод см.: Уайтхед А.Н., Рассел Б. Основания математики. Т. I–III. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005–2006. – Прим. ред.

ми, а класс, образуемый ими, *универсумом рассмотрения*. (Вместо универсума рассмотрения логики часто говорят об области индивидов.). В нашем языке первого порядка мы используем переменные, значения которых берутся из универсума рассмотрения и которые обозначаются буквами x, y, z и т.д., возможно, с индексами. Нами используются также индивидуальные константы, обозначаемые буквами a, b, c и т.д. Ясно, что мы должны нечто говорить об индивидах, т.е. нам нужны *свойства*, которые им приписываются, и *отношения*, которые имеют место между ними. Свойства и отношения выражаются в языке тем, что называется *предикатами*. Например, мы могли бы говорить о свойствах вроде $M(x)$ и $W(x)$, интерпретируемые как « x есть мужчина» и « x есть женщина» соответственно, и отношениях вроде $L(x,y)$ и $C(x,y)$, которые могут прочитываться как « x любит y » и « x умнее, чем y » соответственно.

В некоторых языках первого порядка нам также нужны функции. Если наша область индивидов есть множество натуральных чисел $0, 1, 2, \dots$, тогда в словарь языка первого порядка могут быть включены следующие функциональные символы:

$$\begin{array}{ll} f(x,y) = z & \text{для } x + y = z, \\ g(x,y) = z & \text{для } x \times y = z, \\ h(x) = y & \text{для } y \text{ есть последующий элемент } x. \end{array}$$

Мы, конечно, должны быть способны комбинировать наши утверждения-сплетни друг с другом. Это может быть сделано посредством таких пропозициональных связок, как $\&$ (и), $\vee$ (или), $\sim$ (отрицание), $\supset$ (если, то), $\leftrightarrow$ (если, и только если). Технические имена для этих образующих предложения операций – конъюнкция, дизъюнкция, отрицание, импликация и эквивалентность. Тот факт, что эти переводы формального языка на обыденный язык, требует дальнейших уточнений, не должно нас здесь занимать. Например,

мы должны понимать, что $(A \vee B)$ выражает нестрогую дизъюнкцию, вроде латинского выражения *vel*, а не латинского выражения *aut*, т.е. оно должно читаться как «А или В, или то и другое вместе».

Мы также хотим выразить вечную уловку, используемую людьми для того, чтобы придать сплетне большую достоверность, вроде «ну это всякий знает» и «но некоторым это нравится». Подобные реплики могут быть выражены посредством так называемых кванторов. Есть два вида кванторов. Квантор существования $(\exists x)$ интерпретируется так: «По крайней мере для одного элемента области, назовем его x , имеет место, что». Квантор всеобщности $(\forall x)$ интерпретируется так: «Для каждого индивида, назовем его x , имеет место, что». Примечательным фактом здесь является то, что допустимыми значениями кванторных переменных всегда являются индивиды, и они всегда охватывают всех индивидов в соответствующих универсумах рассмотрения. Конечно, мы должны быть способны выразить также квантификацию над некоторым подмножеством индивидов, например над теми индивидами x , которые удовлетворяют $A(x)$. Такая квантификация выражается в обыденном языке посредством выражений вроде «некоторый мужчина» или «каждая женщина», в общем случае «некоторый А» или «каждый В». В нашем формальном языке они могут быть выражены полными выражениями следующего вида:

$$\begin{aligned} &(\exists x) (A(x) \& \text{----}), \\ &(\forall x) (B(x) \supset \text{----}). \end{aligned}$$

Нам также нужен символ $=$ для равенства. Его отрицание может быть записано в виде $\neq$.

В полученном таким образом языке мы можем выразить все виды зажигательных сплетен. Предположим, что у нас есть следующие имена (константы) для индивидов (в дей-

III. Гёделевское обоюдоострое доказательство полноты

ствительности, это имена или прозвища подлинных участников Блумсбери):

b	=	Берти (Рассел),
m	=	Мейнард (Кейнс),
v	=	Вирджиния (Вульф),
c	=	Каррингтон (Дора),
l	=	Литтон (Стрэчи),
e	=	Леонард (Вульф).

Тогда сплетни (возможно, истинные, возможно, нет) об этих индивидах будут представлять следующие утверждения:

- (1) $(\forall x) (L(l, x) \supset M(x))$,
- (2) $(\forall x) (L(c, x) \supset c = l)$,
- (3) $L(v, e) \ \& \ L(e, v)$,
- (4) $(\exists x)(\exists y)(L(m, x) \ \& \ L(m, y)) \ \& \ M(x) \ \& \ W(y))$,
- (5) $(\forall x)(L(b, x) \leftrightarrow \sim L(x, x))$,
- (6) $(\forall x) (M(b) \ \& \ ((M(x) \ \& \ (x \neq b) \supset C(b, x)))$.

Незначительное размышление показывает, что (1)–(6) может быть выражено в идиоматических фразах обыденного языка следующим образом:

- (1)' Литтон любит только мужчин,
- (2)' Каррингтон любит только Литтона,
- (3)' Вирджиния и Леонард любят друг друга,
- (4)' Мейнард любит как мужчин, так и женщин (то есть, он любит некоторых мужчин и некоторых женщин),
- (5)' Берти любит тех и только тех людей, которые не любят самих себя,
- (6)' Берти самый умный из всех мужчин.

Как только читатель усвоит эту разновидность языка первого порядка, он может использовать его для выражения приличной и неприличной информации.

Тем не менее, некоторые люди предпочитают – по крайней мере, в своей профессиональной роли – сплетни-

чать о числах, а не о людях. Они известны как специалисты в теории чисел. Один из них – в действительности в большей степени логик, нежели специалист в области теории чисел – сформулировал аксиоматическую систему для элементарной арифметики (теории натуральных чисел), известную как арифметика Робинсона. В ней используются три вида функций, упомянутых выше. В качестве единственной константы можно использовать 0 (нуль).

Аксиомы Робинсона имеют следующий вид:

- (A1) $(\forall x)(\forall y)((h(x) = h(y)) \supset (x = y)),$
- (A2) $(\forall x)(\sim(x = 0) \supset (\exists y)(x = h(y))),$
- (A3) $(\forall x) \sim(0 = h(x)),$
- (A4) $(\forall x)(f(x, 0) = x),$
- (A5) $(\forall x)(\forall y)(f(x, h(y)) = h(f(x, y))),$
- (A6) $(\forall x)(g(x, 0) = 0),$
- (A7) $(\forall x)(\forall y)(g(x, h(y)) = f(g(x, y), x)).$

Здесь базисные символы включают индивидуальную константу 0 и функции f , g , h . Если константа 0 интерпретируется как нуль, а функции как сложение, умножение и последующий элемент, и если сложение и умножение записать в обычной форме, а функцию последующего элемента – как $s(x)$, мы получаем следующие аксиомы для арифметики:

- (A1)' $(\forall x)(\forall y)((s(x) = s(y)) \supset (x = y)),$
- (A2)' $(\forall x)(\sim(x = 0) \supset (\exists y)(x = s(y))),$
- (A3)' $(\forall x) \sim(0 = s(x)),$
- (A4)' $(\forall x)(x + 0 = x),$
- (A5)' $(\forall x)(\forall y)((x + s(y)) = s(x + y)),$
- (A6)' $(\forall x)(x \times 0 = 0),$
- (A7)' $(\forall x)(\forall y)((x \times s(y)) = ((x \times y) + x)).$

Здесь (A1)' – (A7)' могут рассматриваться как система аксиом элементарной арифметики. Легко видеть, что эти

аксиомы выражают истины о натуральных числах. Другие арифметические истины могут быть выведены из них с помощью чисто логического рассуждения.

Эти объяснения, тем не менее, только часть истории о логике первого порядка. Они говорят вам, на что похожи языки логики первого порядка, т.е. языки, чья логика есть логика первого порядка. Но что мы можем сказать о самой логике? Для ответа на этот вопрос приглашаем читателя пристальнее взглянуть на утверждение (5'). Это утверждение выглядит довольно невинно. Но в нем имеется некоторая странность: Оно не может быть истинным. Потому что если вам преподносят (5') как сплетню, вы можете отреагировать вопросом: Любит ли Берти самого себя? Если он не любит самого себя, он один из тех несчастных, кого Берти должен любить. Если требуется, чтобы он любил себя, Берти один из тех счастливиц, которых Берти не любит. Обе альтернативы невозможны. Отсюда следует, что (5) и (5') не могут быть истинными, независимо от того, какими бы ни были отношения между индивидами в некоторой области, а на самом деле, независимо от того, кем являются или могут являться Берти и его возлюбленные.

Формальный аналог этой линии размышления состоит в том, что истинное обо *всех* (every) истинно о *каждом* (each). Следовательно, то, что (5) говорит обо всех, должно быть истинно и о каждом. Иными словами, если (5) истинно, тогда истинно и

$$(7) \quad L(b,b) \leftrightarrow \sim L(b,b).$$

Но это явное противоречие. Отсюда, (5) не может быть истинным. Этот результат не зависит никоим образом от того, каково отношение L и каков индивид b . Предложение типа (5) не может быть истинным ни при какой интерпретации (ни в каком «возможном мире»). Такие предложения называются противоречивыми. И наоборот, их отрицания

истинны при любой интерпретации, или как говорят логики, в каждой модели языка. Такие предложения называются логическими истинами или (логически) общезначимыми предложениями.

Эти высказывания истинны при любой интерпретации входящих в них символов (кроме логических). Например, если в (5) переменные пробегают над областью множеств, и $L(x, y)$ интерпретируется как « x есть член y », тогда (5) говорит, что

(5'') b есть множество всех множеств, которые не являются членами самого себя.

При рождении теории множеств делалось предположение о существовании такого множества. Однако, как впервые указал Рассел, (5'') столь же противоречиво, как и (5) и (5'), а его отрицание является такой же логической истиной, как и их отрицания.

Система логики может рассматриваться как метод механического перечисления логически истинных предложений. Такая система логики состоит из некоторого числа аксиом и некоторого числа правил вывода. Идея состоит в том, что эти правила вывода являются полностью механическими, зависящими только от формальной структуры посылок (входов) вывода. Отсюда система может быть в принципе преобразована в идеализированный компьютер. Вы программируете аксиомы и правила вывода, и тогда компьютер будет выдавать все больше и больше теорем из аксиом посредством правил вывода. Множества предложений (формул), получаемые таким образом, называются рекурсивно перечислимыми. Основанная идеализация состоит в том, что этот «компьютер» имеет бесконечную ленту, на которой можно писать символы из конечного перечня символов. Предполагается также, что компьютер не имеет временных ограничений. Такие идеализированные машины

известны под названием машин Тьюринга, по имени британского логика и зачинателя компьютерных исследований Алана Тьюринга (1912–1954).

Если такая система логики перечисляет все логически истинные предложения языка, в котором она сформулирована, о ней говорят, что она *семантически полна*. Естественно, требуется также, чтобы система была *обоснована* (sound), т.е. перечисляются только логически истинные формулы.

То же самое можно сказать в несколько иных терминах. Что именно Гёдель доказал относительно логики первого порядка? Что такое полнота? Логика традиционно воспринимается как средство достижения определенных заключений, идеально их доказывая. Для того чтобы придать смысл полноте некоторой части логики, мы должны сперва точно определить, каков метод доказательства, чтобы понять, чего мы можем достичь. Во-вторых, независимо от этих методов доказательства, мы должны определить пределы, до которых они должны простираются, чтобы быть полными. Короче говоря, мы должны установить как то, что логика (или система логики) действительно может сделать, так и то, что ей следует делать.

При таком подходе мы сразу наступаем на множество мозолей. Многие Протагоры от логики скажут вам, что в логике мерой всех вещей являются наши действительные методы доказательства. Например, они говорят, что значение логических констант типа пропозициональных связок и кванторов определяется правилами доказательства, которые ими управляют. Если это так, то не имеет смысла говорить о том, что логике следует делать, а в их мире это влечёт, что никто не может осмысленно говорить о полноте в логике. Одна версия таких взглядов рассматривает логику как наиболее общее исследование нашего действительного мира. Как однажды заметил Рассел, логика имеет дело с реальным миром точно так же, как и зоология, хотя и в

наиболее абстрактных его аспектах. До тех пор пока мы не имеем некоторого априорного знания об этих абстрактных объектах, мы не можем предвосхитить образ того невидимого, которое существует в мире абстрактных объектов, другими словами, того, что может быть доказано в логике.

Вопреки этому скептицизму, в результатах Гёделя есть воистину замечательные вещи. Наиболее важной из них является, вероятно, само концептуальное различие между тем, что можно доказать в логике, и тем, что должно в ней доказываться. Эту особенность делает примечательным то обстоятельство, что идея «о должном» является *теоретико-модельным* понятием, а не *теоретико-доказательным*. Полнота в отношении этого «должного» неформально означает то, что все логические истины определенной части логики могут быть формально доказаны. И логическая истина здесь имеет теоретико-модельный характер, а не теоретико-доказательный. Здесь термин «теория моделей», иногда называемой «логической семантикой» или «общей теорией моделей», имеет дело с отношением языка и реальности, которую язык представляет. В противоположность этому, «теория доказательства» имеет дело только с исследованием формальных доказательств и «логического синтаксиса», имеющего отношение к исследованию формальных свойств некоторого языка. Но что значит мыслить «теоретико-модельно»? Если вы специалист по теории моделей, вы считаете логику прежде всего не средством доказательства, а методом очерчивания класса реализаций или интерпретаций («моделей» логика) логического языка, а именно тех моделей, в которых данное предложение, например конъюнкция аксиом, истинно. Чтобы разобраться с этой идеей, мы должны выразить понятия модели и истины. Эта задача была выполнена Альфредом Тарским примерно в то же самое время, когда делал свои открытия Гёдель. Результаты Тарского представили результаты

Гёделя в более широкой перспективе. В частности, Тарский показал, как определить истину в модели языка первого порядка. Все это может быть сделано в более богатом метаязыке без всякой ссылки на правила вывода.

Проблема полноты логики первого порядка сейчас становится вопросом о том, исчерпывают ли формальные методы доказательства класс логических истин (истин в каждой модели). Хотя вопросы о полноте можно проследить до проекта Гильберта, все-таки главным достижением Гёделя было осознание природы проблемы полноты, что в существенной степени было равносильно различию между теоретико-модельными концепциями (типа логической истины, или же истинности в каждой модели) и теоретико-доказательными понятиями, такими как формальная доказуемость. И действительно, теоретико-модельные вопросы являются Гёделевским аналогом тех вопросов, которые спонтанно задаются только детьми и Альбертом Эйнштейном.

В то же самое время, действительный результат о полноте Гёделя имел, исторически говоря, эффект минимизации различий между теоретико-модельными и теоретико-доказательными понятиями. Потому что он показал, что класс логических истин принятой логики первого порядка может быть схвачен чисто синтаксическими методами доказательства. Другими словами, после введенного важнейшего различия между теоретико-модельными понятиями, по крайней мере, в специальном случае логических истин первого порядка и формальной доказуемостью в логике первого порядка, Гёдель показал, что в этом случае различие между ними не имеет смысла. Я подозреваю, что этот аспект результата Гёделя воспрепятствовал интересу к теории моделей со стороны логиков и философов, по крайней мере, воспрепятствовал их вере в значимость теории моделей в философском плане и в вопросах оснований математики. То, что обычно называется «теорией моделей», на самом

деле является относительно специализированной дисциплиной, основанной Тарским и его сотрудниками, начиная с конца 1950-х. Сам Тарский не верил, что на этом пути мы можем достигнуть прогресса в логике обыденного языка.

Таким образом, доказательство полноты языка обычной логики первого порядка Гёделем явилось причиной уверенности логиков и философов, что они могут радостно практиковаться в теоретико-доказательных проблемах. Увы, это чувство безопасности оказалось обманчивым. Один из способов раскрыть этот заслуживающий порицания секрет заключается в обнаружении того, что принятая логика первого порядка, к которой относится результат полноты Гёделя, не является полной неограниченной логикой кванторов, как то рекламировалось. Следовательно, доказательство полноты Гёделя не является репрезентативным для концептуальной ситуации в логике в целом. Его эйнштейновский вопрос, вопрос о семантической полноте, задавался относительно неправильной логики.

Это утверждение многим читателям может показаться удивительным и даже спорным. Принятая логика первого порядка обычно рассматривается как наша основная логика или, по крайней мере, как *единственная* логика кванторов. Когда я однажды выразил сомнение в таком статусе обычной логики первого порядка как верной репрезентации логики обыденного языка видному представителю философии языка, он посмотрел на меня с комичным ужасом, воскликнув: «В философии больше не осталось ничего святого». И все же можно показать, что так называемая обычная логика первого порядка не является полной неограниченной логикой квантификации первого порядка, т.е. квантификации, пробегающей над областью индивидов, отличающихся от сущностей более высоких порядков. Я ещё вернусь к этому вопросу, а именно, покажу, как это удивительное развитие логики соотносится с идеями Гёделя.

IV. ФОН РАБОТ ГЁДЕЛЯ

Для того чтобы понять воздействие результатов Гёделя, требуется описать фон, на котором происходила его работа. Развитие оснований математики в XIX веке часто описывается как поиск строгости и определенности. Однако это не самая важная часть истории. Одним из наиболее важных новшеств в математике XIX века было все более усиливающееся использование математических и логических средств концептуального анализа. Например, в теории поверхностей, развитой Гауссом и Риманом, такие дотеоретические геометрические понятия, как «кривизна», были проанализированы с точки зрения понятий дифференциального исчисления. В качестве другого примера можно назвать работу по основаниям анализа, осуществленную Карлом Вейерштрассом, для определения таких базисных понятий анализа как «непрерывность», «сходимость», «дифференцирование» и т.д. Эти определения не взывали к нашим дотеоретическим представлениям о непрерывности, бесконечности или бесконечно малым, а осуществлялись в терминах натуральных чисел и логики. В силу такой онтологической экономии работа, проделанная в русле этой традиции, помогла устранить множество загадок и путаницу, ассоциирующихся с анализом «бесконечно малых». Значительная часть логики, используемая в таком предприятии, оставалась неформальной. Когда она впоследствии была проанализирована, оказалось, что она была по большей части разновидностью логики первого порядка, объясненной выше.

Это развитие в определенном смысле достигло кульминации по большей части в работах таких математиков, как Георг Кантор, Готтлоб Фреге и Рихард Дедекин, которые получали результаты параллельно. Кантор развил то, что сейчас называется теорией множеств, которая представляет собой изучение множеств и классов любого рода, особенно разнообразных бесконечных множеств. К удивлению многих, оказалось, что бесконечность не является простым понятием в том смысле, что существуют иерархии бесконечных множеств различной величины, технически называемые кардинальностями. Например, кардинальность $\aleph_0$ множества натуральных чисел есть наименьшее бесконечное число. Далее, Кантор показал, что для данного множества кардинальности α множество всех его подмножеств имеет кардинальность 2^α , которое больше, чем α .

Вопросы, касающиеся бесконечных кардиналов, иногда очень трудны. Например, кажущийся простым вопрос, есть ли кардиналы между $\aleph_0$ и $2^{\aleph_0}$, все еще остается без ответа. Этот знаменитый вопрос известен как *проблема континуума*, и отрицательный ответ называется (частной) *континуум-гипотезой*. Более общий вопрос – это вопрос о существовании кардиналов β между некоторыми кардиналами α и 2^α , известный как обобщенная континуум-гипотеза.

Вопреки таким нерешенным проблемам, в той или иной форме и в том или ином объеме теория множеств часто рассматривалась – и все еще часто рассматривается – как подлинное основание математики.

В это же время Фреге впервые разработал точную логику, посредством которой может быть выполнен такой концептуальный анализ. Часто такой анализ принимает форму редукции. Например, Дедекин показал, как теория действительных чисел может быть сконструирована как часть теории бесконечных множеств рациональных чисел. Рациональные числа могут считаться упорядоченными парами

целых чисел. Таким образом, говорить о рациональном числе a/b , где a и b не имеют наибольшего общего делителя, значит, говорить просто об упорядоченной паре $\langle a, b \rangle$.

Фреге предпринял еще более смелый шаг и попытался определить натуральные числа в чисто логических терминах. Если такое определение окажется успешным, это будет означать сведение всей математики – возможно, с исключением геометрии – к логике. Утверждение, что такое сведение возможно, известно под названием логицизма. Но для такой задачи (обычной) логики первого порядка недостаточно. Например, Фреге определил своё понятие числа, используя понятие эквикардинальности двух множеств A и B . Под этим прихотливым термином логики подразумевают просто то, что A и B имеют одно и то же число членов. Соответственно логика, которую развивал Фреге, на самом деле была логикой более высоких порядков.

Что имеется в виду под логикой более высоких порядков? Простой ответ можно дать, обратившись к логике первого порядка, объясненной в *Главе 3*. В этой логике значениями квантифицируемых переменных являются индивиды, т.е. субъекты сплетен. Другими словами, под «все» и «некоторые» в логике первого порядка мы всегда подразумеваем «все индивиды» и «некоторые индивиды». Мы перепрыгиваем в логику второго порядка, когда начинаем осуществлять квантификацию над классами, свойствами, отношениями индивидов и/или над функциями от них. Мы даже можем прибегнуть к логике второго порядка в наших сплетнях. Мы можем вообразить членов Блумсбери, говорящих друг другу вещи вроде: «Берти обладает некоторыми извиняющими его качествами», «Я не понимаю, что хорошего находит Каррингтон в Литтоне», «Клайв состоит членом по крайней мере шести клубов» или же «Не могу понять, какие отношения могут быть у Мейнарда

с Ванессой». Мы переходим от логики второго порядка к логике третьего порядка, когда начинаем проводить квантификацию над свойствами и отношениями свойств и отношений и т.д.

Подобная квантификация более высоких порядков может пониматься двумя различными способами. В логике первого порядка два основных квантора не только индивидуалистичны, но также вполне демократичны. Они всегда пробегают над индивидами из универсума рассмотрения. Например, при конструировании теории чисел $(\exists x)$ означает «для некоторого числа, назовем его x , истинно, что». Здесь x может быть некоторым числом. Но что в точности означает квантификация более высокого порядка? Такая квантификация сама по себе неоднозначна. Если я говорю о множестве всех натуральных чисел, мои слова можно понять двумя разными способами. Если моё имя – Фрэнк Рамсей, я буду понимать под этим все возможные множества, членами которых являются индивиды, независимо от того, могу ли я их поименовать один за другим или определить совокупность, которую они образуют. Но если мое имя – Бертран Рассел, то я предпочёл бы говорить обо всех классах чисел, которые могут быть определены или как-то иначе выделены с помощью той или иной характеристики. Эти два вида интерпретаций иногда называются стандартной и нестандартной соответственно, но сама эта терминология может быть в чем-то нестандартной. Это различие, хотя оно играет чрезвычайно важную, пусть и неявную, роль в основаниях математики, остается до наших дней чем-то вроде профессионального секрета. В последующем изложении под терминами «логика второго порядка» или «логика более высоких порядков» я обычно буду иметь в виду логику со стандартной интерпретацией.

Логика более высоких порядков со стандартной интерпретацией сильнее, чем логика первого порядка. Это уси-

ление должно приветствоваться математиками и философами, поскольку логика первого порядка недостаточно сильна для того, чтобы служить настоящим основанием математики, несмотря на упования некоторых логицистов. Например, мы не можем выразить в обычном языке первого порядка тот факт, что два класса, скажем, классы тех индивидов, которые удовлетворяют $A(x)$ и $B(x)$, имеют одно и то же число индивидов. А в терминах второго порядка это делается легко (предполагая стандартную интерпретацию), например, следующим образом:

$$(1) \quad (\exists f)(\exists g)(\forall x)(\forall y)((A(x) \supset B(f(x)) \& (B(y) \supset A(g(y))) \& (x = g(y) \leftrightarrow (y = f(x)))).$$

Минутное размышление показывает, что это выражение на самом деле схватывает эквикардинальность. Например, можно заметить, что функции f и g являются обратными по отношению друг к другу. Как только вы это видите, из первых двух предложений можно понять, что f одно-однозначно отображает множества индивидов, удовлетворяющих $A(x)$ и $B(x)$, друг в друга, т.е. они имеют одно и то же число элементов. Точно также такой важный принцип, известный под названием аксиомы выбора, нельзя сформулировать в первопорядковой логике, но можно сформулировать в терминах второго порядка в виде аксиомной схемы:

$$(2) \quad (\forall x)(\exists y) S[x, y] \supset (\exists f)(\forall x) S[x, f(x)].$$

Таким образом, может возникнуть искушение основать все математические теории на логике второго и более высоких порядков, а не на первопорядковой логике. Именно это попытались сделать как Фреге, так и Рассел с Уайтхедом. Но такой подход не популярен в наши дни по историческим причинам, которые в значительной степени связаны

с работой Гёделя, по крайней мере, косвенно. Во-первых, логика более высоких порядков семантически неполна. Это следует из первой теоремы Гёделя о неполноте. Действительно, в логике второго порядка можно легко сформулировать систему аксиом для элементарной арифметики, которая будет иметь только одну модель (вплоть до изоморфизма). Все, что нам нужно сделать существенного, состоит в добавлении к аксиомам подходящей первопорядковой теории чисел второпорядковой аксиомы индукции, например:

$$(3) (\forall X)((X(0) \& ((\forall z)(X(z) \supset X(s(z)))) \supset (\forall z)X(z)).$$

Если лежащая в основании системы логика семантически полна, т.е. если бы каждое логическое следствие системы аксиом второго порядка было формально доказуемым, мы могли бы обладать методом формального выведения каждой истины элементарной арифметики в нарушение первой теоремы Гёделя о неполноте.

На этом этапе читателю может показаться, что он полностью запутался. Как же логика второго порядка может быть более мощной, чем логика первого порядка, и делать больше для оснований математики, если она сама неполна? Я подозреваю, что если читатель действительно запутался, то он оказался в приличной компании. Существует широко распространенное заблуждение или, по крайней мере, неясность в отношении понятия полноты. Здесь уместны некоторые объяснения и определения.

Поскольку логика более высоких порядков неполна, важным является вопрос, из какого рода предпосылок о ней может исходить математик. Фреге работал, исходя из одного такого множества предпосылок целые десятилетия, без какого-либо сочувствия или одобрения. Тем не менее, в 1903 году он завершил труд всей своей жизни, итогом

которого стал двухтомник *Grundgesetze der Arithmetik* (*Основные законы арифметики*). И как раз во время чтения верстки второго тома он получил письмо от молодого английского логика-философа по имени Бертран Рассел. Рассел указал, что в основных предпосылках Фреге есть противоречие. Эти предпосылки влекли существование множества всех (и только тех) множеств, которые не являются членами самих себя. Но, как указано в *Главе 3*, такого множества не существует.

Указанное Расселом противоречие оказалось чрезвычайно трудно изгнать из фрегевской логики более высоких порядков, не разрушив при этом её полезности для целей, которые ставил перед собой Фреге. Появившаяся в результате неопределенность остро чувствовалась не только философами математики и логиками, но даже математиками. Одна из причин этого состояла в том, что неопределенность в отношении оснований теории множеств задевала те способы мышления, которые использовались самими математиками в своей работе. Например, если дано бесконечное множество непустых множеств, можно ли всегда предполагать, что имеется функция, которая выбирает из каждого множества точно один элемент? Предположение о том, что такое возможно, известно под названием аксиомы выбора, и многие математики и философы относятся к ней с подозрением.

Эта неопределенность глубоко задела общий способ размышления об основаниях математики в начале XX века. Люди стали говорить о «кризисе оснований» (*Grundlagenkrisis*) математики.

Из различных реакций на «кризис оснований» особенно существенны два типа. Один из них в сущности сводится к ограничению логики логикой первого порядка. Но как мы тогда должны обращаться с множествами? Ответ, предложенный специалистами по теории множеств, столь же

прост, сколь и сомнителен. Множества рассматриваются как своего рода индивиды. Теория множеств тогда формулируется точно таким же образом, как любая первопорядковая аксиоматическая теория. Принципы рассуждения, которые выходят за пределы логики первого порядка, будут в этом случае схвачены – если это вообще возможно – в форме первопорядковых аксиом или аксиомных схем, ибо этот первопорядковый выбор должен быть сформулирован как теория первого порядка. Единственным примитивным нелогическим понятием этой теории является отношение членства, обычно выражаемым символом $\in$. Например, аксиома выбора должна быть сформулирована как первопорядковая аксиома или аксиомная схема.

Начало аксиоматической трактовке теории множеств положил Эрнст Цермело в 1903 г. Сейчас она располагает повсеместной монополией на подход к теории множеств. Но при этом она не безупречна, в чем мы убедимся позже.

Во-первых, исключительно теоретико-множественный подход оставляет неясной природу и законы логики более высоких порядков. Например, является ли аксиома выбора просто принципом, относящимся к природе множеств, или же это логический принцип? Одна из версий аксиомы выбора может быть сформулирована как истина в логике второго порядка:

$$(4) (\forall x)(\exists y) S[x, y] \supset (\exists f)(\forall x) S[x, f(x)].$$

Здесь множество множеств, упомянутое в исходной формулировке аксиомы выбора, имеет в качестве своих членов все классы индивидов y , удовлетворяющих $S[a, y]$ для некоторого константного индивида a . Весьма далекий от того, чтобы признать аксиому выбора подходящей теоретико-множественной предпосылкой, Гильберт зашел на-

столько далеко, что выразил надежду, что дальнейшее развитие оснований математики сделает аксиому столь же очевидно истинной, как $2 + 2 = 4$.

Между тем другой ответ на *Grundlagenkrisis* был даже более важен философски. Это был подход к основаниям математики великого немецкого математика Давида Гильберта. Однако мотив этого подхода в общем понимается неправильно. Гильберт был выдающимся представителем аксиоматического метода. Любая математическая теория, да и достаточно развитая научная теория, с точки зрения Гильберта, должна быть сформулирована в форме аксиоматической теории, где все существенные предпосылки формулируются в виде точных аксиом. Все другие истины соответствующей теории должны быть теоремами аксиоматической системы, т.е. логическими следствиями аксиом. Если используемая логика семантически полна, тогда все эти теоремы могут быть выведены с помощью точных формальных правил логического вывода из аксиом. Таким образом, если данная аксиоматическая система имеет модели, выведение теорем в ней является осмысленным предприятием. Даже относительно тех аксиоматических систем, которые на первый взгляд кажутся неестественными, если не сказать, противоестественными, подобно аксиомам неевклидовой геометрии, может оказаться, что они имеют такие реализации, которые достойны систематического изучения.

Но все это верно в предположении, что данная аксиоматическая система имеет, по крайней мере, одну модель, или другими словами, что она не является противоречивой (самопротиворечивой). А как мы можем это узнать? Можем ли мы узнать, что та или иная аксиоматическая система теории множеств не является противоречивой? Пример с Фреге показывает, как иногда трудно это распознать. Например, Феликс Клейн смог доказать непротиворечи-

вость определенных систем неевклидовой геометрии через интерпретацию их в евклидовой геометрии. Другие неевклидовы геометрии на плоскости могут быть интерпретированы как геометрии, которые могли бы быть истинными на поверхности сферы или гиперболической поверхности. Здесь сферы и гиперboloиды должны быть, конечно, специфицированы полностью евклидовыми методами – по крайней мере, так представляется. Но для самих оснований математики нет ничего более фундаментального, что могло бы использоваться в качестве цели переинтерпретации.

Гильберт по новому пытался доказать непротиворечивость различных аксиоматических систем в смысле наличия у них моделей. Взамен рассмотрения моделей и их интерпретируемости друг в друге, Гильберт рассмотрел, что может быть доказано в формальной системе геометрии. Если может быть доказано, что невозможно вывести противоречие из аксиом с помощью формальных правил логики, и если используемая логика семантически полна, тогда аксиоматическая система непротиворечива в строгом смысле, имея модели, в которых все аксиомы истинны.

Эта гениальная идея была инспирирована пониманием Гильберта, что логическое выведение теорем из аксиом не зависит от интерпретации внелогических понятий, используемых в аксиоматической системе. Однажды Гильберт пояснил ее колоритным образом, сказав, что общезначимый вывод геометрической теоремы из геометрических аксиом остается общезначимым, если вместо точек, прямых и окружностей мы будем говорить в аксиомах о столах, стульях и подставах под пивные кружки. Рабочая гипотеза Гильберта состояла в том, что доказать непротиворечивость в смысле невыводимости формального противоречия легче, чем конструировать модель, в которой все аксиомы истинны.

Этот проект получил известность как Программа Гильберта. Он доминировала в дискуссиях по основаниям математики в 1920-х гг. Однако программа Гильберта зиждилась на определенных предпосылках помимо и сверх чисто формального характера отношений логического следования, которые ответственны за переход от аксиом к теоремам. Наиболее важной из этих предпосылок является семантическая полнота (по крайней мере, частичная) используемой логики. Для того чтобы убедиться в этом, вспомним, что Гильберт пытался показать теоретико-модельную непротиворечивость систем аксиом в смысле обладания ими моделями (интерпретациями, которые делают все аксиомы истинными) демонстрацией их теоретико-доказательной непротиворечивости. Другими словами, демонстрацией того, что из них нельзя формально вывести противоречие посредством лежащей в основе логики L . Как было объяснено выше, такая семантическая полнота означает, что все логически общезначимое, т.е. истинное во всех моделях, может быть действительно доказано средствами соответствующей логики. Отсюда, если логика не является семантически полной, могут быть предложения, которые не истинны в любой модели, но отрицание которых не доказуемо. Такой случай имеет место, когда аксиоматическая система дедуктивно непротиворечива, но не имеет моделей. Можно считать, что такая аксиоматическая система влечет противоречивость, которая и предотвращает обладание моделями, но противоречивость столь глубоко скрытая, что неполная логика не может вывести ее на поверхность.

Конечно, для осуществления доказательства непротиворечивости в стиле Гильберта для некоторой конкретной теории, скажем, элементарной арифметики, не нужно предполагать семантической полноты всей подразумеваемой логики, а предполагать только то, что относится к

следствиям этой конкретной теории. Однако, по-видимому, никого не интересовала возможность этой условной полноты, по большей части потому, что логики и математики принимали полноту своей логики за само собой разумеющееся обстоятельство. Вся программа Гильберта неявно опиралась на семантическую полноту используемой им логики. Это та самая обычная логика первого порядка, описанная в *Главе 2*. И её полнота была той самой вещью, которую Гёдель доказал в своей теореме о полноте.

Так что вполне справедливо сказать, что первый главный результат Гёделя, его теорема о полноте обычной логики первого порядка, был тесно связан с программой Гильберта. Он показывает, что главная предпосылка всего предприятия Гильберта действительно выполняется. Даже если это было тем, что ожидалось всеми, теорема была замечательным достижением. Говоря систематически, семантическая полнота, лежащая в основании логики, должна была быть доказана еще до того, как Гильберт запустил свою программу. Но взамен доказательства этого результата Гильберт и его ученики просто предположили полноту. Гёдель во время пришел к ним на выручку.

В то же самое время формулировкой вопроса о полноте логики первого порядка Гёдель посеял семена сомнения или самое малое семена возможных альтернативных ответов. Начав различать теоретико-модельные и теоретико-доказательные понятия, Гёдель запустил в обращение такое направление мысли, которое потенциально разрушительно для счастливого сосуществования этих двух видов понятий. Это различие было вызвано результатом Гёделя о неполноте, которое оказало влияние на самого Гёделя и на мир.

V. ГЁДЕЛЕВСКОЕ ОЗАДАЧИВАЮЩЕЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО НЕПОЛНОТЫ

Гёделевское доказательство полноты поначалу никого не удивило, тогда как теорема о неполноте была воспринята большинством математиков, логиков и философов как неожиданность. Отсутствие должной реакции в Кёнигсберге явилось результатом новизны Гёделя и – возможно, даже в большей степени – новизны поставленных им вопросов. Однако, как только стали понятны его ответы, все осознали, что произошло нечто значительное.

Но что в точности представляет собой загадочная теорема о неполноте, которую доказал Гёдель, и каким образом он её доказал? В логике и математике есть трудные теоремы и способы доказательства. И все же результат Гёделя о неполноте по странности своей превосходит другие теоремы на порядок. До этого в математике уже были результаты, связанные с невозможностью. Например, была доказана невозможность трисекции угла любым стандартным методом с использованием линейки и циркуля, а также алгебраическая неразрешимость общих уравнений пятой и более высоких степеней. Однако Гёдель доказал, что в любой первопорядковой аксиоматической системе арифметики – вроде арифметики Робинсона, описанной в *Главе 3*, – существуют арифметические высказывания, которые истинны, но которые не могут быть логически доказаны в этой системе. Единственное допущение, которое должен был сделать Гёдель, заключалось в том, что система аксиом не является формально противоречивой, т.е. из

неё нельзя вывести противоречие посредством точных правил логического доказательства. Как Гёдель смог доказать, что его ключевое высказывание логически недоказуемо, используя ту же самую логику? И как он мог узнать, что оно истинно, если он не мог его доказать?

Не только результат Гёделя получил множество странных откликов, но и предъявленное Гёделем доказательство. Если отбросить излишнюю деликатность, ряд более или менее уважаемых философов, математиков и компьютерщиков в связи с гёделевским доказательством поставили себя в неловкое положение. Среди математиков были даже такие, которые настаивали, что доказательство содержит технические дефекты. Один выдающийся знаток права ошибочно утверждал, что обнаружил там ошибку. Философ, который бросился защищать Гёделя, сам, как выяснилось, частично не понял его результата. В наши дни широко известный специалист в области компьютерных исследований Грегори Чейтин заявил, что обнаружил связь между результатом Гёделя и информационным содержанием аксиоматических систем арифметики. К несчастью для Чейтина, его информационная мера оказались непригодной для измерения того, что можно было бы разумно назвать информацией. Очевидна необходимость ясного понимания, что Гёдель доказал, а что нет, а также, каким образом он это сделал.

Говоря более абстрактно, идея применения языка к самому себе, например с целью доказательства того, что нечто не может быть логически доказано, для большинства логиков и философов выглядит сомнительной. Наиболее серьезные возражения концентрируются вокруг попыток говорить о значении и истинности выражений языка на том же самом языке. Но на это отдельное возражение у Гёделя мог бы найтись ответ. Для Гёделя – по крайней мере, в начале пути – в его логическом языке достаточно гово-

речь об исключительно формальных вещах, или, употребляя обычный термин, об исключительно синтаксических свойствах языка арифметики. То, что сделал Гёдель, не было всецело новым, но, тем не менее, не так уж и несправедливо, что его конкретный метод достижения того, что язык арифметики говорит о своем собственном формализме, впоследствии стал известен как техника гёделевской нумерации. Несмотря на простоту основной идеи, понимание сути гёделевской нумерации займёт у вас значительную часть времени на пути к пониманию его знаменитого доказательства. Поэтому вполне уместен краткий набросок метода гёделевской нумерации.

Предположим, что дана некоторая формальная система элементарной арифметики (например, арифметика Робинсона из *Главы 3*) вместе с множеством формальных правил доказательства. Тогда полезно сначала сделать некоторые несущественные упрощения. Некоторые символы языка арифметики, представленного в *Главе 3*, можно опустить. В самом деле, заменим $(\exists x)$ на $\sim(\forall x)$, $(A \vee B)$ на $\sim(\sim A \ \& \ \sim B)$, $(A \supset B)$ на $\sim(\sim A \ \& \ \sim B)$, $(A \leftrightarrow B)$ на $((A \ \& \ B) \vee (\sim A \ \& \ \sim B))$, а ряд переменных $x, y, z, \dots$ на $x', x'', x''', \dots$. Знак конъюнкции можно опустить, записывая $(A)(B)$ вместо $(A \& B)$; то же самое относится к квантору всеобщности, вместо $(\forall x)$ можно писать (x) .

Таким образом, нам необходимы только следующие символы: $+$, $\times$, s , $=$, $\forall$, $\&$, $\sim$, 0 , x , $'$, $($, $)$.

Эти символы, однако, исключительно конвенциональны. Арифметика, по-видимому, свободная страна, но даже если это не так, все равно нет никакого закона против переименования этих символов. К примеру, мы можем заменить их цифрами 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1, 0. Соответствие между двумя альтернативными множествами символов будет тогда следующим:

+	×	s	=	~	0	x	'	(	)
9	8	7	6	5	4	3	2	1	0

Теперь, каждая последовательность символов соответствует определенному натуральному числу, его гёделевскому номеру. В частности, каждое правильно построенное предложение S соответствует числу $g(S)$, известному как гёделевский номер предложения S . Например, первые две аксиомы арифметики Робинсона, используя сокращённую запись, можно записать следующим образом:

$$(A.1)'' \quad (x)(x') \sim ((s(x) = s(x')) \sim (x = x'))),$$

$$(A.2)'' \quad ((x) \sim ((\sim (x = 0))((x') \sim (x = s(x'))))).$$

Следовательно, их гёделевскими номерами соответственно будут:

$$(A.1)''' \quad 1301320511713067132001513632000$$

$$(A.2)''' \quad 113051151364001132051367320000$$

Читатель, возможно, захочет (а, может быть, и нет) развлечься выписыванием гёделевских номеров для остальных аксиом арифметики Робинсона. Если гёделевская нумерации все еще кажется читателю странной, единственное, что я могу сделать, это предложить считать её номерами удостоверений социального страхования для арифметических формул. Еще одну аналогию можно провести с криптографией, где словесные сообщения постоянно кодируются рядами символов.

Все операции с формулами, участвующими в логических умозаклключениях, становятся операциями с их гёде-

левскими номерами. Я не собираюсь доказывать этого факта; и не потому что доказательство сложное, а потому что оно занимает больше места (и требует большего терпения) в сравнении с тем, которое есть у меня в данный момент. Однако этот факт нетрудно поверить. Например, если гёделевский номер предложения имеет форму:

$$(1) \quad 1g(A)01g(B)0,$$

тогда ясно, что это гёделевский номер $(A)(B)$, т.е. гёделевский номер формулы

$$(2) \quad (A \ \& \ B).$$

Следовательно, вывод B из (2) соответствует переходу от (1) к $g(B)$, что очевидно является арифметической операцией.

Наиболее важный итог подобного рода конструирования состоит в том, что существует арифметический предикат $\text{Pr}[x]$ – такой, что он применим к гёделевскому номеру $x = g(A)$ предложения A , если и только если, A доказуемо в аксиоматизированной системе арифметики. Очевидно, что $\text{Pr}[x]$ будет в высшей степени сложным предикатом. Надеюсь, столь же ясно, что нет никаких затруднений с фактическим его конструированием, хотя это и может потребовать героических усилий. На самом деле, получение такого предиката явилось первым главным результатом, который требовался для доказательства Гёделя.

Возможно, сейчас полезно сделать паузу и задуматься над тем, что входит в гёделевскую нумерацию. Её нетрудно понять как чисто формальную технику. Но когда мы смотрим на числа и арифметические утверждения после того, как нумерация уже осуществлена, голова может пойти кругом. Что говорят теперь арифметические предложения? Говорят ли они о числах или же они говорят о занумерованных формулах? Действительно ли гёделевские но-

мера суть числа, или они всего лишь формулы в чужом обличье? К счастью, есть одна аналогия, которая может помочь нам понять ситуацию. Использование техники гёделевской нумерации — это как любительский спектакль: любители-актеры живут своей обычной жизнью, но они также играют некоторую роль в трагедии или, возможно, в фарсе. Произносимое таким актером может пониматься двояко — либо как нечто такое, что относится к его обыденной жизни, либо как нечто, относящееся к его образу на сцене. Подобным же образом двумя способами может рассматриваться и одно и то же арифметическое предложение — как предложение о числах в их повседневной жизни в качестве чисел или же как утверждение о формулах, которые представлены теми же самыми числами, когда они играют свою роль в гёделевской пьесе. Но ни на сцене, ни в метаматематическом скетче нет опасности путаницы. Действительно, понимание техники гёделевской нумерации приводит не к большим затруднениям, нежели в понимании театральной постановки. Мы можем рассмотреть любое арифметическое утверждение как утверждение о числах в их повседневной жизни, например о четных и нечетных числах, простых числах или факториалах, и т.д. Но, если захотеть, мы можем также последовать примеру Станиславского и Гёделя и срежиссировать скетч, в котором числа играют роль арифметических формул. Это не устраняет возможность рассматривать то, что они выражают в прозаическом и обыденном арифметическом смысле. Однако в логической драме, которую поставил Гёдель, от нас ожидают, что мы не будем рассматривать их подобным образом. Нас просят ненадолго отложить нашу реалистическую позицию и считать, что наши друзья и соседи среди чисел играют искусственные роли в логическом спектакле. Такое двойное использование арифметики требует особой изощрённости, однако

здесь нет ничего парадоксального или даже просто сбивающего с толку – по крайней мере, не в большей степени, чем при просмотре спектакля.

Более того, подобно тому как в спектакле актеры и актрисы обычно говорят на своём повседневном языке, используя те же самые символы и ту же самую логику, точно таким же образом та же самая логика применима и к арифметическим утверждениям при любом способе их конструирования. Независимо от того, говорим ли мы о числах или формулах, оба утверждения логически истинны. Различие в обоих случаях в том, что обычному языку могут быть приданы две различные интерпретации относительно двух разных классов индивидов (обычные люди в сопоставлении с актерскими ролями в драме или обычные числа в сопоставлении с числовыми кодами формул). Из этого следует, что одни и те же утверждения логически истинны в обоих случаях, поскольку логические истины – это как раз те истины, которые не зависят от интерпретации рассматриваемого языка.

Этой аналогии можно придать другой разворот. Иногда в современном кино или в телевизионном сериале публичной фигуре дается эпизодическая роль самой себя. Например, я помню, как смотрел один старый фильм о вымышленном чемпионе по теннису, в котором Джон Макинрой и Панчо Гонсалес играли самих себя, а также помню телевизионный сериал, в котором Майк Дитка играл роль Майка Дитки, когда он все еще был тренером «Чикагских медведей». В такой ситуации слова актера, сказанные о самом себе, должны быть отнесены к этому же человеку с его профессией за пределами фильма. Это относительная редкость в актерской практике, но в ней нет ничего парадоксального. Гёдель показал, что подобное совпадение игры и реальности может быть реализовано в царстве чисел.

Действительно, такое совпадение в порядке вещей. Результат, в котором это демонстрируется, известен как диагональная лемма. Она говорит следующее:

Для любой формулы $F[x]$ элементарной теории чисел с точно одной свободной переменной x существует число n , которое есть гёделевский номер формулы $F[n]$, т.е. формулы, которая получается из $F[x]$ заменой переменной x цифрой n , которая представляет n . В символизме, задействованным здесь, n , конечно, будет:

$$(3) \quad s(s(s(\dots s(s(0))\dots))) \quad (n \text{ вхождений } s).$$

Интуитивно это означает, что число n берется в игровой роли как представляющее определенное высказывание. Когда это высказывание распаковывается, оно, оказываясь, говорит, что утверждение с номером n имеет определенное свойство. Иными словами, в своей игровой роли n говорит «Я имею свойство $P[x]$ », где «Я» оказывается человеком из-за кулис, о, простите, числом из-за кулис, которое на сцене играет роль n . Следовательно, всё выглядит так, как если бы Джон МакИнрой, играя самого себя, сделал утверждение о реальном человеке Джоне МакИнрое.

Из диагональной леммы вместе с представимостью $\text{Pr}[x]$ как раз и следует первая теорема Гёделя о неполноте. Когда диагональная лемма применяется к формуле

$$(4) \quad \sim \text{Pr}[x],$$

мы получаем число g такое, что оно есть гёделевский номер формулы

$$(5) \quad \sim \text{Pr}[g].$$

Что же нам говорит формула (5)? Она говорит, что формула с гёделевским номером g недоказуема. Однако эта формула сама и есть формула (5). Следовательно, если (5)

была бы доказуемой, тогда её отрицание так же было бы доказуемым, и система была бы противоречивой. Но Гёдель исходил из допущения, что система арифметики, которую он использовал, непротиворечива. Если это действительно так, то формула (5) оказывается в этой системе недоказуемой. Однако же это есть в точности то, что она сама о себе и говорит, следовательно, она истинна, но недоказуема, как оно и заявлено в результате Гёделя.

Важно отметить, что это доказательство доказывает истинности $\sim \text{Pr}[g]$ не абсолютным образом, но только в предположении, что аксиоматическая система арифметики, которая была использована, является непротиворечивой.

Здесь требуются некоторые дополнительные пояснения. В одном важном отношении наш схематический пересказ отличается от изложения самого Гёделя. Гёдель не сформулировал явно диагональную лемму, хотя и предполагалось, что она неявно содержится в его работе. Он непосредственно доказал существование самореферентного гёделевского числа для предиката $\sim \text{Pr}[x]$. Тем не менее, диагональная лемма яснее показывает, в чем тут дело.

Когда я проводил аналогию со спектаклем, я сказал, что в гёделевском контексте многие арифметические утверждения могут быть рассмотрены двумя различными способами: как обычные арифметические утверждения или как строчки в гёделевской пьесе. Если вы вернетесь к этой аналогии, то поймете, что я использовал и в диагональной лемме и в ключевом гёделевском утверждении (5) «игровой» смысл. Это вполне допустимо и совсем не отражается на значимости результатов. Однако мы должны иметь в виду, что они могут читаться и по-другому, в качестве обычных теоретико-множественных утверждений.

Здесь аналогия со спектаклем помогает нам оценить важность гёделевского доказательства. Если мы рассужда-

ем об этом доказательстве в терминах нумерически закодированных предложений, то доказательство (которое из предположения о непротиворечивости аксиоматизации арифметики выводит факт существования недоказуемого предложения) вполне может показаться загадочным. Существует обширная литература, в которой философы обсуждают методы доказательства, которые применил Гёдель или которые могут быть применены для доказательства диагональной леммы. Однако это пустое занятие. Логическая значимость аргумента при одной интерпретации такова же, как и при другой. И в теоретико-числовой (т.е. не игровой) интерпретации доказательство, аргумент, будучи изобретательным, не отличается от элементарного арифметического аргумента.

Другими словами, в качестве явного и простого теоретико-числового утверждения диагональная лемма и ключевое гёделево предложение не только не проблематично истинны, но и не проблематично доказуемы. Как утверждал сам Гёдель, они одного типа с любыми другими теоремами или метатеоремами элементарной арифметики. Определенно они открывают завораживающие вещи в арифметике. Можно удивиться многосторонности такой базовой части математики, как теория чисел, которая оказывается способной воспроизводить собственную структуру своими же средствами. Если вы хотите понять природу арифметики, вы непременно должны разобраться в этих результатах. Но самое главное – понять, что эти арифметические результаты значимы для математики, но не для логики, и не имеют отношения к границам логики или же к философским проблемам, какими бы они ни были. Диагональная лемма имеет дело с любыми свойствами арифметических предложений, которые могут быть схвачены в рамках элементарной арифметики. Она имеет дело с недоказуемостью не в большей степени, чем с существованием гёделева чис-

ла доказуемого предложения, истинного предложения или неизвестного предложения.

В качестве упражнения, иллюстрирующего эту точку зрения, читатель может использовать диагональную лемму для доказательства того факта, что свойство существования (гёделевского числа) истинного арифметического предложения не может быть выражено в формальной системе элементарной арифметики.

Что же дальше? Мы можем теперь убедиться, что любое конкретное доказательство первой теоремы Гёделя о неполноте не имеет никакого отношения к философии. В рамках философского анализа арифметики исследование методов, использованных для доказательства диагональной леммы или предложения (5), важное занятие. Однако они не имеют какого бы то ни было философского значения. Они ничего не говорят, да и не могут сказать о причинах неполноты элементарной арифметики. Философы, которые обсуждали – до тошноты – методы, использованные Гёделем в своем доказательстве, смотрели не в ту сторону. Отчасти это недоразумение первоначально затемнялось тем, что Гёдель прямо доказал утверждение (5), но не сформулировал его как следствие из диагональной леммы. Потому что именно общность диагональной леммы показала несущественность деталей гёделевского доказательства для специальной проблемы неполноты. Но позднее философы уже не могли оправдаться этим.

Например, хорошо известные комментарии Витгенштейна к гёделевскому доказательству интересны тем, что проливают свет на его образ мышления, а возможно, косвенным образом и на философию математики в целом. Однако – как быстро убедился Гёдель – какого-либо отношения к природе гёделевского результата неполноты они не имеют.

По существу, всё это является не более странным, чем тот факт, что актеры, играющие на сцене свои роли, могут говорить на том же языке, на котором они говорят в своей частной жизни, используя в точности те же самые логические истины.

Сам Гёдель пытался проиллюстрировать свой результат с помощью сравнения со знаменитым (или печально известным) парадоксом лжеца. Действительно, есть определенное частичное сходство между парадоксом лжеца и гёделевским доказательством. Предположим, я пишу:

(6) Это высказывание ложно.

Тогда, если утверждение (6) истинно, то оно ложно, и если оно ложно, то оно истинно, – что довольно похоже не гёделевское предложение. Кроме того, самореферентное слово «это» здесь не существенно. Я могу с тем же успехом написать:

(7) Представленное предложение (7) в пятой главе книги Яакко Хинтикки о Гёделе ложно.

Теперь попытаемся прояснить смысл высказывания

(8) $\sim \text{Tr}[g]$,

предполагая, что оно говорит «я – ложно». Такое объяснение первой гёделевской теоремы о неполноте через указание, весьма иллюстративное в определенных аспектах, особенно в эвристическом плане, оказывается неполным в качестве объяснения того, что на самом деле происходит с загадочным гёделевым предложением, а это создает излишние загадки.

Как показывает первое объявление Гёделем о своём результате (цитированном выше, в *Главе I*), вся суть теоремы сводилась к тому, чтобы сконструировать безапелляционное арифметическое утверждение, которое можно было

рассматривать на пару с обычными теоретико-числовыми утверждениями, например такими, как теоремы Ферма или Гольдбаха, и которое было бы одновременно истинным и недоказуемым. В противоположность этому, предложение лжеца ничего не говорит о числах, но только о подобных ему предложениях. Как же недоказуемость гёделевского утверждения может быть объяснена сравнением с поведением предложения лжеца?

Ответ состоит в том, что никак. Секрет гёделевского утверждения не в том, что оно самореферентно, но в том, что оно похоже на утверждение о реальном человеке, сделанное во время пьесы. Допустим, что Клинт Иствуд, играя какую-нибудь роль в фильме, говорит: «В такой ситуации даже Клинт Иствуд не сможет сохранить невозмутимый вид». Это высказывание – часть фильма, а не реальной жизни. Тем не менее, значение и истинность подобного утверждения должны быть определены при помощи отсылки к реальным людям, в данном случае к Клинту Иствуду. Его истинность или ложность может быть определена только тем, будет ли реальный человек улыбаться в конкретной ситуации, а вовсе не тем, должен ли согласно сюжету тот или иной персонаж в данной ситуации улыбаться. Точно так же гёделево предложение есть часть самореферентной игры. Но, несмотря на это, его истинность и доказуемость должны оцениваться так, как будто оно есть типичное арифметическое утверждение, каковым оно и является.

Подводя итоги, отметим, что часто говорят, что гёделевское доказательство включает в себя самореферентные утверждения. Но это только полуправда. Число, фигурирующее в гёделевском утверждении, отсылает к самому себе, но только в качестве исполнения роли, отличной от той, о которой это утверждение сделано.

Непроблематичный характер гёделевского доказательства есть отражение того факта, что оно вполне выразимо – как это быстро заметил фон Нейман – в той же самой системе арифметики, к которой оно относится. Из этого следует, что если бы была доказуема непротиворечивость системы элементарной арифметики в той же самой арифметике, было бы доказуемым и гёделёво предложение $(5) \sim \text{Pr}[g]$. Так как (5) недоказуемо (если система непротиворечива), непротиворечивость непротиворечивой системы элементарной арифметики не может быть доказана в той же самой арифметике. Как уже было сказано в *Главе 1*, этот результат известен как вторая теорема Гёделя о неполноте.

Тем не менее, опасно просто так говорить о «допущении непротиворечивости» некоторой конкретной формулировки элементарной арифметики. Соломон Феферман показал, что существует такой смысл непротиворечивости, при котором непротиворечивость элементарной арифметики арифметически доказуема. Поэтому вторая теорема Гёделя о неполноте не может рассматриваться просто как тривиальное следствие первой теоремы. Следовательно, Гёдель не закрыл вопрос о доказательствах непротиворечивости.

Набросок гёделевской теоремы о невозможности, который был здесь представлен, раскрывает определенные важные вещи о самой теореме. Во-первых, и это главное, конструкция, использованная Гёделем для нахождения недоказуемого предложения G , релятивизована к выбранной системе аксиом арифметики. Вывод гласит, что G недоказуемо в данной системе и всё же истинно. Похожее предложение может быть доказуемым в другой обоснованной системе аксиом арифметики (обоснованность означает, что все теоремы, доказуемые в системе, истинны). Действи-

тельно, простым добавлением G к аксиомам исходной системы мы можем построить такую систему.

Следовательно, гёделевская теорема о невозможности не говорит, что существует некое истинное, но абсолютно недоказуемое ни в арифметике, ни где бы то ни было еще, предложение. Она говорит о том, что не все истинные арифметические предложения могут быть механически доказаны в одной и той же формальной системе. Даже в таком простом разделе математики, как элементарная арифметика, математик не только должен искать доказательства новых теорем из старых аксиом, но он также должен искать все более сильные (но истинные) аксиомы.

Например, то, что доказуемо в системе арифметики Робинсона, не содержит всех арифметических истин. Следовательно, частью работы в теории чисел является поиск таких более сильных аксиом.

Гёдель бы согласился с этим заключением. Он не представил ни одного примера истинного и недоказуемого в обычной системе арифметики предложения, которое действительно представляло бы математический интерес. Однако это сделали другие. Наиболее интересные примеры арифметических предложений, которые недоказуемы в обычной системе аксиом, были предложены Парисом и Харрингтоном.

VI. СЛЕДСТВИЯ НЕПОЛНОТЫ

История логики за последние полтора столетия представляет собой остросюжетный рассказ, с перипетиями и разнообразными интригами. То, каким образом я написал ранние, касающиеся Гёделя, главы этого рассказа, напоминает детектив в том смысле, что там присутствуют многочисленные ключи-подсказки, которые могут позволить читателю предвидеть грядущие события.

Один из таких ключей — доминирующая в 30-е годы в области оснований математики роль метаматематического проекта Гильберта. Ввиду этой роли математики и философы, прежде всего, обратили внимание на воздействие результатов Гёделя на программу Гильберта. Это воздействие приняло форму лобового столкновения с участием второй теоремы о неполноте, суть которой была очень близка провозглашению невозможности того самого доказательства о непротиворечивости, которое искал Гильберт.

Гильберт надеялся доказать непротиворечивость финитными средствами, какими бы они ни были, лишь бы только не выходили за пределы элементарной арифметики. Соответственно вторая теорема Гёделя о неполноте справедливо понимается как конец программы Гильберта. Широко обсуждалось, означает ли это, что предприятие Гильберта было абсолютно тщетным, или же гильбертовская метаматематика может послужить другим целям. Однако для того чтобы понять работу Гёделя, нам нет нужды входить в обсуждение этой дискуссии.

Кроме того, неясно, могут ли быть такие методы доказательства, которые вышли бы за пределы логики первого порядка и дали бы нам возможность доказать непротиворечивость арифметики, но которые были бы конструктивными, финитными или, во всяком случае, совместимыми с требованиями Гильберта. Первая реакция Гильберта состояла в том, чтобы положиться на умеренно нефинитные методы. Позже Герхард Генцен фактически доказал непротиворечивость арифметики с использованием трансфинитной индукции до первого неопределимого ординала. В качестве альтернативы можно попытаться изменить нашу базовую первопорядковую логику так, чтобы доказательства непротиворечивости стали возможными. Действительно, как будет показано ниже, сам Гёдель экспериментировал с подобными интерпретациями.

Хотя воздействие результатов Гёделя на программу Гильберта привлекло львиную долю внимания в литературе, с исторической и систематической точек зрения их наиболее значимые последствия касались других вопросов. Неполнота формальных первопорядковых систем арифметики показала необходимость строгого различения между истинностью арифметических утверждений и их доказуемостью. Более того, она показала самодостаточность и незаменимость понятий и принципов теории моделей. Результат Гёделя следует воспринимать по существу как декларацию независимости теории моделей, поскольку он показал, что теоретико-модельное понятие арифметической истины не исчерпывается теоретико-доказательным понятием формальной доказуемости. Сам Гёдель придавал большое значение различению между истинностью и доказуемостью. Однако он не довел дело до конца. Этим различением предполагалось гораздо более общее различие между теорией моделей и теорией доказательств. Причины неудачи Гёделя мы установим позднее в *Главе 7*. Роль его

результатов в последующей дискуссии и даже более глубокое их понимание, тем не менее, требует анализа их воздействия на развитие (и отсутствие) теоретико-модельной точки зрения в логическом анализе. Этот анализ должен быть нацелен ещё и на ключевое понятие полноты, фигурирующее в первой теореме Гёделя о неполноте.

Та разновидность полноты, с которой имела дело первая теорема Гёделя о неполноте, может быть определена как дедуктивная неполнота. Она является характерной чертой внелогических систем аксиом, таких как элементарная арифметика, и она релятивизована к некоторому данному методу доказательства следствий (теорем) из этих систем аксиом. Теория полна, если следствия S и $\sim S$ для каждого предложения S не могут быть одновременно доказаны (выражены) в этом языке. Таким образом, первая теорема Гёделя о неполноте показала, что любая аксиоматизация элементарной арифметики неполна, так как в ней всегда найдется такое предложение G , что ни его утверждение, ни его отрицание не будут доказуемы в рамках данной системы аксиом.

Если предлагаемая теория имеет только одну модель, то полнота означает, что все высказывания, истинные в данной модели, формально доказуемы.

Но когда Гёдель доказал семантическую полноту логики первого порядка, стало происходить нечто иное. Во-первых, теория, выбранная в качестве цели, не была внелогической системой аксиом, а была формальной системой логики. Имеющуюся здесь полноту следует отличать от дедуктивной полноты. Я назвал её (следуя более раннему словоупотреблению) семантической полнотой. Как было объяснено выше, она означает, что любое истинное в каждой модели утверждение логического языка, формально доказуемо. Говоря иначе, используя классическое отрицание, она означает, что всякий раз, когда утверждение не-

противоречиво (в том смысле, что $\sim S$ не может быть доказано), оно истинно в той или иной модели.

Не похоже, чтобы Гёдель когда-либо отличал этот вид полноты от дедуктивной полноты. Причину этого упущения мы обсудим в *Главе 7*.

Но когда ранее говорилось, что можно средствами логики второго порядка сформулировать *полную* систему аксиом для элементарной арифметики, имелась в виду не дедуктивная и не семантическая полнота (на самом деле это и послужило источником первоначальной головолмки). Подразумевалось свойство внелогической системы аксиом.

Различие между разными видами полноты жизненно необходимо для понимания природы и следствий теорем Гёделя о неполноте. Во-первых, часто говорят, что Гёдель показал границы логики. Но что это за границы? Граница должна обнаруживаться через тот или иной вид неполноты. Поэтому мы должны спросить: Какой вид неполноты в действительности доказал Гёдель? Ответ очевиден. Он показал дедуктивную неполноту (первопорядковой) арифметики. Такая неполнота релятивизована к данному формальному методу логического доказательства, и она утверждает, что с помощью подобного метода невозможно перенумеровать шаг за шагом все (и только их) истинные предложения элементарной арифметики. Грубо говоря, невозможен компьютер, который был бы запрограммирован таким образом, что после нажатия кнопки он стал бы выписывать одно за другим все истинные предложения элементарной арифметики безо всякого внешнего вмешательства в свою работу. Как уже было сказано, «компьютер» нужно понимать здесь в качестве идеализированной компьютерной структуры, именуемой машиной Тьюринга.

Однако, если речь идет только об этом виде неполноты, мы имеем дело не с границами логики, но с границами ма-

шины Тьюринга. Возникает вопрос: Влечет ли дедуктивная неполнота внелогической теории какой-либо другой вид неполноты? Первый претендент здесь, очевидно, дескриптивная неполнота (*descriptive incompleteness*). Следует ли она из дедуктивной неполноты? Интригующий ответ на этот ключевой вопрос таков: это зависит от кое-чего. Зависит от того, является ли логика, которую мы используем, семантически полной или нет. Если теория *T* арифметики дескриптивно полна, она должна быть категоричной, т.е. иметь только одну модель. Но если это так, то все истинные высказывания арифметики должны быть следствиями *T*. Если же лежащая в основании логика полна, то они должны быть формально выводимы из *T*. Иными словами, *T* должна обладать дедуктивной полнотой. Так как это исключается первой теоремой Гёделя о неполноте, аксиоматическая теория арифметики не может быть дескриптивно полна, если она использует семантически полную логику.

Здесь мы можем видеть, как различные грани гёделевской работы взаимосвязаны замысловатым, чтобы не сказать ироническим, образом. С тех пор как Гёдель использовал логику, а именно обычную логику первого порядка, семантическую полноту которой сам же и показал, он не видел особых оснований различать дедуктивную и дескриптивную полноту. Ирония в том, что это различие – один из важнейших случаев различия между теоретико-доказательными и теоретико-модельными понятиями, и именно оно является тем благодеянием, которому мы обязаны теоремам о неполноте.

Однако есть ли реалистические альтернативы обычной логике первого порядка, которые могли бы быть использованы с целью достижения дескриптивной полноты в области, сходной с элементарной арифметикой? Если таковые есть, они должны быть семантически неполны. Не будет ли

такая неполнота лишать эти логики права считаться действительно логиками?

Этот вопрос должен вызвать у читателя ощущение *déjà vu*. Логика, которая, казалось бы, удовлетворяет нужным требованиям, мы уже встречали. Конечно, это — логика более высокого порядка (в стандартной интерпретации). Мы уже видели, что логика второго порядка в стандартной интерпретации семантически неполна, и мы видели, что она может быть использована для формулировки дескриптивно полной аксиоматизации элементарной арифметики. Если логика более высокого порядка признается подлинной логикой, теоремы Гёделя о неполноте не устанавливаются, что логика имеет какие-то внутренние присущие ей границы, когда она приходит к дескриптивной полноте. Важность этого факта будет особенно ясно видна, если мы задумаемся над тем, что означает понимание предложения *S*. Означает ли это знание того, что все различные модели, в которых *S* истинно, подобны, т.е. какие условия истинность *S* налагает на мир, или же это означает способность чисто формального вычисления всех следствий из *S*? Я полагаю, что наиболее непредубежденные мыслители согласятся со мной, предпочитая первый ответ.

Но как семантически неполная логика может быть подлинной логикой? Я могу задать встречный вопрос: Почему от подлинной логики нам следует ожидать семантической полноты? Такая логика может быть всецело самодостаточной. Все базовые понятия такой логики могут быть определены и использоваться без какой-либо отсылки к методам доказательства. Все отношения следования в такой логике могут зависеть только от логической формы посылок и заключения. Неполнота означает только то, что допустимые образцы логического вывода не могут быть исчерпывающе перенумерованы машиной Тьюринга. Но это ограничение машины Тьюринга, а не логики.

Гёдель бы согласился. Согласно Гёделю, неполнота означает, что «необходимый в математике вид умозаключений не может быть полностью механизирован» (цитируется по: Dawson, 1997, С. 263).

Но что подразумевается под полнотой? Что можно подразумевать здесь под полнотой? Если мы поразмыслим над этим – и даже помимо наших размышлений – идея полноты может рассматриваться разными способами. Самый простой из них связан с вопросом о полноте внелогической теории вроде элементарной геометрии или элементарной арифметики, аксиоматизированной выше. В таких случаях мы имеем весьма добротную идею о том, что значит для арифметического высказывания быть истинным. Например, универсальная квантификация $(\forall x)S[x]$ является истинным арифметическим высказыванием, если и только если, $S[n]$ истинно для каждой цифры n (см.: Tarski, 1956. Р. 265–267). Тот факт, что такое определение истины не может быть выражено в том же самом языке первого порядка, не должно нас беспокоить в свете ясных представлений, которые у нас есть об истине – в этом случае об арифметической истине.

Раз у нас есть определение истины для нашей формализованной арифметики, например для арифметики Робинсона, мы можем понять один вид полноты. Пусть A будет конъюнкцией аксиом арифметики, и пусть T будет арифметической истиной. Тогда A будет обладать полнотой, если и только если, T логически следует из A для каждого истинного T .

Но что означает: T логически следует из A ? Здесь мы подходим к одному из главных водоразделов логики двадцатого века. На наш вопрос могут быть даны два ответа. У нас есть достаточно хорошее представление о том, что значит A логически влечёт T , или, иными словами, что значит для T быть логическим следствием A . Это означает,

что не существует таких мыслимых обстоятельств, при которых A – истинно, а T – нет. Если то же самое сформулировать иначе, это означает, что импликация ($A \supset T$) является логической истинной, т.е. она истинна во всех мыслимых обстоятельствах. Вместо «во всех мыслимых обстоятельствах» современные логики говорят «во всех моделях языка». Ранее данную идею полноты мы обозначили как дескриптивную полноту.

Но такие определения истины (явной истины), логического следования и логической истины ничего не говорят о том, каким образом можно продемонстрировать применимость этих понятий к конкретному случаю. Для этой цели нам необходимы формальные правила перехода от одной формулы к другой. Но так как удовлетворительные математические теории обладают дескриптивной полнотой, то эти формальные правила не могут быть семантически полны. И, как было показано выше, непротиворечивость обсуждаемых нами теорий не может быть продемонстрирована теоретико-доказательными методами. Что как раз надеялся сделать Гильберт.

Всё это означает, что проект Гильберта, в конечном счете, не удался по причинам, отличным от второй теоремы о неполноте Гёделя. Он не удался из-за того, что логика, необходимая для математических теорий, не может обладать семантической полнотой.

Оригинальный гёделевский результат неполноты относится не к первопорядковым теориям, а к логической системе Рассела и Уайтхеда *Principia Mathematica* («и сходным с ней системам»). Иными словами, он имеет дело с логикой более высокого порядка. Почему же Гёдель этого не видел?

Полная картина этого взаимодействия, которая проявилась в постгёделевский период, кратко и во многом упрощенно может быть описана следующим образом: по суще-

ству, логика – это обычная логика первого порядка; это – сердцевина логики. Эта базовая логика семантически полна. Она похожа на аристотелевскую логику глазами Канта: в неформальном смысле она существенно полна, так что в ней невозможны новые открытия. Она органон всего мышления, по крайней мере, через посредство аксиоматической первопорядковой теории множеств, которая есть *lingua franca* всей математики. В общем же, математические теории (дедуктивно) неполны, но в этом и состоит работа математика – уменьшать эту неполноту с помощью обнаружения новых аксиом. Соответственно действительный прогресс в основаниях математики заключается в поиске новых аксиом для теории множеств. Таков творческий компонент исследований оснований математики.

Роль логиков в математике, напротив, всецело лишена творческого начала. Суть их работы заключается в том, чтобы консультировать по части избегания ошибок. Она включает едва ли большее, нежели стремление обеспечить в математике гигиену аргументации.

Гёдель вряд ли согласился бы с этим всецело. Он прекрасно знал, каков творческий потенциал логики, чтобы отвести ей сугубо подчиненную роль. Но для него, конечно, творческая составляющая в основаниях математики по существу исчерпывалась открытием новых аксиом. Такой в исторической перспективе в общем видится картина взаимоотношения логики и математики, которую Гёдель завещал потомству.

Но к тому времени мы видели достаточно, чтобы осознать, что некоторые направления собственной работы Гёделя предполагают альтернативную картину. Мы видели, что обычная первопорядковая логика не способна выполнить ту работу, которая предназначалась логике Фреге и Расселом

с Уайтхедом. Почему бы не выйти за пределы этого не-

адекватного метода и не использовать вместо этого более сильные логики, например логику второго порядка? Тогда мы, вероятно, должны отказаться от семантической полноты нашей логики. Гёделевская теорема о полноте обычной первопорядковой логики не может быть распространена на эти более сильные логики. Но даже если это считается потерей, мы приобретаем гораздо больше. Отказываясь от семантической полноты нашей логики, мы устраняем препятствия к формулировке дескриптивно полных математических теорий. В другом контексте Рассел однажды в виде шутки представил математика в качестве человека, который никогда не знает, о чём говорит. Пока мы не можем сформулировать в математике дескриптивно полные теории, шутка Рассела содержит изюминку. Используя семантически неполную логику, мы можем надеяться прийти к такой ситуации, когда будем знать, о чём же мы говорим в математике, в том смысле, что мы будем способны сформулировать дескриптивно полные теории для разных математических теорий.

Больше того, что случится, если мы будем в состоянии сделать это? Тогда творческий вклад больше не будет включать в себя математическую составляющую. Дескриптивная полнота математической теории не будет принуждать нас к поиску новых аксиом, так как старые в данном случае заключают в себе всё. Нам нужны будут всё более сильные формальные правила логического вывода, предназначенные для схватывания все большего и большего числа теоретико-модельных отношений следования. Конечно, сама формулировка аксиом может быть главным творческим достижением, но это типично упражнение в концептуальном анализе, а не в деле доказательства теорем. В исследовании областей знания посредством выведения теорем из аксиом, истинной новизной будут более лучшие логические методы доказательства, а не новые аксиомы.

В некотором смысле это будет реабилитацией идеи математики главным образом как доказательства теорем из аксиом. Но с этой точки зрения аксиоматическая система должна была бы быть полна дескриптивно, но не дедуктивно. Отсюда доказательства не будут полагаться исключительно на замкнутый перечень правил вывода, а могут включать открытие новых общезначимых правил вывода.

Сам Гёдель не принял данную перспективу именно в такой формулировке. Но если мы осознали, что теория множеств для Гёделя была неотъемлемой частью точно такого же исследования платонистического царства логических сущностей, как и логика первого порядка, его позиция может рассматриваться в качестве сходной с той альтернативой, которую я описал. Другими словами, есть аналогия между гёделевским видением оснований логики и математики и той перспективой, которая была только что обрисована. Его позицию отличает, вероятно, только неуместная лояльность общепринятой первопорядковой логике в качестве нашей истинно базовой логики и верность аксиоматической теории множеств в роли истинной логики высших порядков.

VII. ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ГЁДЕЛЯ

За рамками нашего изложения всё еще остаётся несколько важных вопросов. Почему Гёдель не принимал во внимание возможностей, которые мы кратко затронули в предыдущей главе? Почему, когда он осознал границы теоретико-доказательных методов, он не попытался разработать систематической альтернативы к ним, например в форме полноценной теории моделей? Ответ может быть найден в общей философии математики Гёделя и в самой его философской позиции.

Неудача Гёделя или же его нежелание в систематическом развитии своего главного прозрения уже отмечались ранее. Например, Соломон Фелерман пишет:

«Мне кажется, что он мог бы быть более серьезно вовлечен в развитие фундаментальных концепций современной логики – логической истины и непротиворечивости...

...На протяжении 30-х он избегал *новых концепций в качестве объектов изучения, в то же время используя их в качестве орудия получения результатов* (курсив автора).

На фоне оригинальности и креативности Гёделя эта его ошибка удивляет. В общем-то, мышление Гёделя сочетало традиционность и большую изобретательность. Доусон (Dawson, 1997. С. 262) отмечает, что «готовность рассматривать возможности, которые другими учеными по обыкновению отвергались или не замечались, очень помогала

ему» в его математических проектах. Почему же тогда у него не возникло желания развивать систематическую теорию моделей, если возможность для этого была намечена им самим? По всей видимости, ответ на этот вопрос связан с общими философскими установками Гёделя.

Как классифицируются философские позиции? Разумеется, можно дать множество классификаций. Но одно из наиболее важных противопоставлений, которое принято в современной философии (и в истории философии), проводит различие между теми, кого можно назвать одномировыми философами (*one-world philosophers*), и многомировыми мыслителями (*many-worlds thinkers*). Первые также известны как актуалисты. Они считают, что все наши осмысленные понятия могут быть, в конечном счёте, проанализированы как принадлежащие нашему одному и единственному актуальному миру. Да и какой же ещё мир мог бы нас интересовать и о каком бы ещё мире мы могли бы говорить? Другие философы, напротив, верят, что, даже если наша задача состоит в том, чтобы иметь дело с актуальным миром, мы можем – а в некоторых случаях и должны – использовать для этой цели понятия, смысл которых предполагает альтернативу актуальному положению вещей и ходу событий. Вот пример, навеянный реалистической интерпретацией понятия вероятности. Если я говорю, что вероятность выпадения двух шестерок при следующем выбрасывании костей составляет $1/36$, то я тем самым автоматически рассматриваю число различных возможных результатов моего выбрасывания, лишь один из которых выпадет в актуальном мире. Если не рассматривать другие возможные исходы, я не смог бы работать с реалистски интерпретированным понятием вероятности. Это понятие, таким образом, играет конкретную и важную роль в актуальном мире. Представьте, например, как бы вы среагировали, если бы вам сказали, что вероятность выпадения двух

шестерок в той игре, которую вы сейчас разыгрываете, меньше, чем $1/36$.

В философии многомировое мышление, представленное, среди прочих, Лейбницем, согласно метафизике которого метафизически возможно значительное количество различных миров, каждый из которых управляется своими особенными законами. Из них для актуализации Бог выбрал только один. Лейбниц был любимым философом Гёделя. Но Гёдель никогда не разделял одну из главных идей Лейбница – идею возможных миров. Это – одно из множества указаний на гёделевский актуализм. Гёдель, к примеру, во многом соглашался с высказыванием Рассела, что логика имеет дело с реальным миром точно так же, как и зоология, хотя и затрагивает его наиболее абстрактные черты (сравни выше, *Глава 6*).

Различие между актуалистами и многомировыми философами, удобно продемонстрировать на примере понятия логической истины. Для многомирового теоретика существенно то понятие, которое описано в *Главе 2*, а именно, истинность при любой интерпретации, что в терминологии Лейбница означает истинность во всех возможных мирах. Напротив, для таких актуалистов, как Гёдель, логика должна быть некоторым аспектом мира.

«Классы и понятия могут, однако, восприниматься как реальные объекты, а именно классы – как «множественность вещей» (pluralities of things) или как структуры, состоящие из множественности вещей, а концепции – как свойства или отношения вещей, существующие независимо от наших определений и конструкций» (Gödel, 1944. P. 137).

Но сущности, с которыми имеют дело логика, теория множеств и математика, не существуют в чувственно воспринимаемой области мира. Следовательно, должна быть

иная область нашего мира, которая содержала бы объекты логики и математики. На постулирование такой подобласти абстрактных объектов часто ссылаются как на гёделевский «платонизм». Такой ярлык, однако, опасен. Другие, не реализованные возможности (возможные миры) многомировых теоретиков, в некотором смысле суть также абстрактные объекты, которые не могут быть восприняты при помощи наших пяти органов чувств. Однако их концептуальный статус радикально отличен от невоспринимаемых обитателей платонистской области действительного мира. Например, мы не можем воспринимать, каковы вещи в другом возможном мире, но не потому что эти вещи невоспринимаемы по своей собственной природе, но потому что они принадлежат тому сценарию, который по определению не реализуем.

Здесь нужно проявлять осторожность с терминологией, дабы не впасть в заблуждение. Термин «мир», например, не является монополией многомировых теоретиков, ибо на платонистскую часть актуального мира можно сослаться как на другой «мир». В самом деле, в своих метафизических и религиозных размышлениях Гёдель, по-видимому, постулировал второй «мир», который по существу является реализацией всего потенциально существующего в этой нашей актуальной вселенной. (см.: Dawson 1997. P. 210–211).

Что касается истин логики и теории множеств, для Гёделя они являются истинами относительно абстрактной области актуального «мира». Для Гёделя это означает как раз то, что не существует чёткого различия между логической и фактуальной истинами. До известной степени фактуальны и та, и другая. Следовательно, для него не существует изначального различия между дедуктивной и семантической полнотой. То, что логика первого порядка полна, тогда как элементарная арифметика – нет, согласно этому

способу мышления, обязано просто большей сложности арифметики в сравнении с логикой. Это согласуется с пост-гёделевской ортодоксией, описанной в предыдущей главе. Это также объясняет, почему Гёдель никогда не выдвигал на первый план фундаментального различия между семантической и дедуктивной полнотой.

Говоря более обще, теперь мы легко можем видеть, почему Гёдель не развивал одно из «фундаментальных понятий современной логики», понятие истины, – вновь прибегая к цитированию Феффермана. Поскольку истина является наиболее важным понятием теории моделей, мы можем теперь дать ответ на вопрос, почему Гёдель не развивал систематическую теорию моделей, тогда как его собственные результаты, казалось бы, должны были к этому его подтолкнуть. Ответ заключается в том, что согласно философским убеждениям Гёделя теория моделей, если и не является невозможной, то в значительной степени не имеет философского значения и безразлична для целей более глубокого теоретического понимания оснований математики. Причина в том, что заниматься теорией моделей – значит рассматривать многообразие различных интерпретаций нелогических понятий, с которыми имеют дело. Но, согласно Гёделю, в действительности существует только одна подходящая интерпретация языка математики, т.е. интерпретация, в которой математические термины указывают на обитателей платонистского царства объектов в рамках нашего действительного мира. Поэтому неудивительно, что Гёдель не развивал систематической теории моделей или общей теории истины, оставляя последнюю Тарскому. Гёдель вполне осознавал потребность в теоретико-модельных понятиях, особенно в понятии истины в рамках оснований математики. Однако, как замечает Фефферман, он использовал их как инструменты для получения

результатов в установленных рамках, а не как объекты изучения.

С философской точки зрения, Гёдель использовал незаменимость концепций типа понятия истины, чтобы подчеркнуть объективный характер математических объектов и логических и математических истин. Он также использовал её для критики взгляда на философию как на исследование логического синтаксиса языка. Ему были известны специфические результаты, касающиеся понятия истины, например о неопределимости арифметической истины в первопорядковом языке арифметики. Гёдель, однако, никогда не развивал эти идеи в систематической форме тем способом, которым это было сделано Тарским несколько лет спустя. В широкой исторической перспективе теорема Гёделя о неполноте была первоочередным результатом, который заставил логиков, математиков и философов осознать потребность различения между доказуемостью и истинностью. Но философские взгляды Гёделя, которые, по-видимому, развивал на ранних этапах своей работы, помешали ему отказаться от одномировового мышления и развить подлинную (*genuine*) теорию моделей.

Замечательная вещь относительно одномировового видения Гёделя заключается в том, что она безошибочно отражает его личность, как мы охарактеризовали её в *Главе 2*. Мы обнаруживаем здесь у Гёделя любопытное сочетание критического мышления и уязвимости. Он нуждался в некоторых принятых рамках, внутри которых он мог бы безопасно действовать и с крайней неохотой рисковал выходить за их пределы. Внутри этих рамок он мог быть критичным, работать со всей присущей ему тонкостью и получать удивительные, иногда сбивающие с толку результаты. Однако не предполагалось, что эти результаты должны нарушать установленные рамки или выходить за их пределы.

Все дело здесь именно в актуализме Гёделя. Гёдель не осмеливается покидать привычную почву актуального мира и не рискует размышлять над нереализованными возможностями. Идея, что такие ключевые понятия логики и философии, как значение и логическая истина, могут (и должны) определяться в терминах различных сценариев (по-другому, возможных миров), ему абсолютно чужда. Это мотивация платонизма Гёделя. Он должен объяснять значение всех ключевых понятий ссылкой на действительный мир, что, в сущности, означало поиск в рамках действительного мира специального места для логических и математических объектов и объяснение логических и математических истин как истин относительного этого нашего актуального мира. Это еще одна причина, по которой Гёдель не развивал какой-то систематической теории моделей.

Приписывание Гёделю такой мотивации может показаться чисто спекулятивным. Однако мы привели всего лишь один из многих примеров гёделевского предпочтения общепринятых рамок, даже когда есть добротные причины сомневаться в их адекватности. Позднее мы кратко рассмотрим два ограничения, которые Гёдель принял и которых он придерживался, хотя могут возникнуть сомнения относительно их изначальной адекватности. Эти два наиболее важных примера – принятая логика первого порядка и первопорядковая аксиоматическая теория множеств.

Актуализм Гёделя привел его не только к метафизическим проблемам, но и к эпистемологическим. Каким же образом мы предполагаем прийти к познанию абстрактной платонистской области нашего мира? Ясно, что не посредством чувственного восприятия, ибо мы по определению имеем дело с абстрактными, невоспринимаемыми сущностями. Следовательно, Гёдель должен предполагать внечувственный доступ к своей абстрактной области. Та-

ким методом доступа является его знаменитое (или печально известное) понятие интуиции. Для Гёделя, интуиция – это аналог чувственного восприятия для логиков. Её природа и статус, тем не менее, затрагивают серьезные философские проблемы. В свете того, что обнаружилось, можно видеть, что эта проблема навязывается сама или, скорее, навязывается нам гёделевской одномировой предпосылкой. Если мы не примем её, то нам не нужно будет постулировать такое «сверхчувственное восприятие» – поскольку в конечном счёте в этом и состоит интуиция по Гёделю. Крипке пытался высмеять теоретиков возможных миров, спрашивая, с помощью какого рода телескопа они могут установить, что же существует в других возможных мирах. Это плохая шутка, поскольку нереализованные возможные сценарии по определению не существуют так, чтобы их наблюдение в телескоп было более результативно, чем схватывание посредством голой интуиции. Они как раз те возможности, которые не реализованы или не будут реализованы. Реальная мишень шутки Крипке – это не многомировые теоретики, а философы, которые верят в актуальное существование сверхчувственной области в реальном мире. Настоящей мишенью Крипке являются не Монтегю или Дэвид Льюис, а Гёдель.

Собственное сравнение Гёделем математиков, с одной стороны, и физиков, с другой, показывает слабость его понятия интуиции как источника логических и математических истин. Гёдель описывает свою позицию следующим образом (1944. Р. 137):

«Классы и концепции могут, однако, пониматься как реальные объекты, а именно классы – как «множественности вещей» (pluralities of things) или как структуры, состоящие из множественности вещей, а понятия – как свойства или отношения вещей, су-

существующие независимо от наших определений и конструкций.

Мне кажется, что допущение подобных объектов столь же законно, как и допущение существования физических тел и, следовательно, имеется столько же причин верить в их существование».

Но ученые не просто постулируют объекты. Они манипулируют с физическими объектами, конструируют их и экспериментируют с ними. Ни в науке, ни даже в философии науки вопрос о существовании физических объектов не возникает. Физики не просто наблюдают феномены и затем пытаются изобрести обобщение, чтобы их «схватить». Физик может активно участвовать в ходе событий. Он может создавать различного рода системы (как назвал бы их физик), которые должны находиться среди моделей (в смысле, который этому термину придаёт логик) искомой или уже известной теории, если она должна быть истинной. Точно так же многомировой логик (т.е. специалист по теории моделей) может конструировать изоморфные копии нереализованных возможностей в качестве частей действительного мира, или как частей его более конкретных или его более абстрактных областей. Но это предполагает разное изображение возможных моделей для языка теории, а не просто одну фиксированную структуру в платонистской части действительной вселенной. Таким образом, одномировой гёделевский взгляд принуждает его защищать свою идею интуиции посредством сверхупрощения, статической концепции методологии физических наук. Его понятие математической интуиции есть продукт такой сверхупрощенной концепции. Предполагается, что математическая интуиция, будучи аналогична чувственному восприятию, является двойником научного эксперимента и обобщения в логике и математике.

Из рабочего описания гёделевской интуиции, как представляющей нам доступ к абстрактной платонистской области, следует, что она не может быть ограничена прямым когнитивным отношением к конкретным объектам. Как отмечал сам Гёдель (Wang, 1997. Р. 217–218), это отличает его понятие интуиции как от понятия созерцания у Канта, так и от понятия интуиции у Гильберта. К тому же Гёдель сильно разнится с Кантом относительно причин, почему интуиция может дать нам априорное знание. Кантовские интуиции могут дать нам знание, потому что их введение просто воспроизводит операции, посредством которых мы налагаем на объекты формы пространства и времени и через которые мы индивидуализируем эти объекты. Другими словами, мы можем интуитивно предвосхищать применимость этих форм к опыту, поскольку сами проецируем их на объекты. По этой причине кантовская интуиция может дать знание даже «без всякого предмета, присутствовавшего или присутствующего, к которому бы оно относилось» (Кант, Прологомены, раздел 8). Согласно Канту, использование интуиций *a priori* не похоже на восприятие объекта. Это подобно введению репрезентации некоторого конкретного неизвестного объекта в предвосхищении какого-либо о нём перцептуального знания. Все это вступает в резкий контраст с Гёделем, для которого интуиция может предоставить доступ к независимой от сознания реальности. Сама же суть тех аспектов объектов, о которых кантовские интуиции могут нас просветить, заключается в том, что они для Канта зависят от сознания.

Есть искушение предположить, что собственная практика Гёделя опровергает его собственную теорию математического знания как основанного на математической интуиции. Я имею в виду его работу по аксиоматической теории множеств. Согласно его официальному взгляду, в теории множеств мы пытаемся схватить множество пред-

ложений, истинных в универсуме теории множеств, в качестве логических следствий аксиом теории множеств. Конечно, любая действительная аксиоматизация теории множеств неполна. Поэтому, согласно Гёделю, следует оттачивать наши интуиции и надеяться, что они приведут к новым, более сильным аксиомам. Гёдель сделал некоторые интересные предположения относительно того, какими могли бы быть эти новые аксиомы. Эти предположения, однако, не основываются на голой интуиции, но сделаны со ссылкой на теоретико-модельные свойства универсума теории множеств. Среди прочих идей Гёдель высказал догадку, что подходящие допущения максимальнойности, весьма похожие на аксиомы полноты в геометрии (см.: Gödel, 1986. Vol. 2. P. 167–168), могут быть как раз тем, что требуется в основаниях теории множеств. Мне кажется, что интуиции Гёделя можно ещё более заострить и что реальная задача в теории множеств заключается в поиске равновесия между допущениями минимальности и максимальнойности – множество натуральных чисел должно быть минимальным, но в то же самое время множеств должно быть столько, сколько это возможно (ср.: Hintikka, 1993).

Чем бы ни были эти интуиции, Гёдель не ограничивался в своей работе созерцанием аксиом теории множеств и их известных следствий, ожидая, когда его интуиция сообщит ему, какие дальнейшие аксиомы могут быть доступны, – есть искушение сравнить ситуацию с Куайном, когда тот предложил свою стратифицированную систему аксиом для теории множеств. В гёделевском доказательстве непротиворечивости континуум-гипотезы его актуализм имел некоторые удивительные следствия. Как отмечалось в *Главе 2*, Гёдель верил в одну из версий онтологического доказательства Ансельма бытия Бога. На первый взгляд, связь этого убеждения с актуализмом неочевидна. Но, тем не менее, она имеет место. Ансельм доказывает, что мы

должны быть в состоянии помыслить наиболее совершенное существо и, поскольку существование есть одно из совершенств, это совершенное существо должно существовать. Теперь нетрудно установить с помощью чисто логических средств похожий вывод, например, что имеется индивид такой, что если он существует, то всё существует. Сложности возникают вместе с вопросом о том, совпадает ли это наиболее совершенное существо нашего мира с наиболее совершенным существом другого возможного мира. Почему бы гипотетическому политеисту не считать, что разные божества суть наиболее совершенные существа в своих соответствующих мирах? Актуализм Гёделя привел его к тому, чтобы пренебречь этими ключевыми затруднениями и, тем самым, к переоценке силы онтологического аргумента. Опять-таки то, что выглядит странноватым теологическим взглядом, есть немного большее, чем свидетельство смелости основных гёделевых логических и метафизических допущений.

Обсуждение философских идей Гёделя останется неполным, если не упомянуть, каким образом даже его наиболее серьезные научные результаты были мотивированы философией и содержали философские следствия, по крайней мере, для самого Гёделя. Наиболее важна в этом отношении история его работы над общей теорией относительности, инспирированная его беседами с Эйнштейном. Гёдель обнаружил семейство решений для фундаментальных уравнений общей теории относительности Эйнштейна. Эти решения отличались удивительной особенностью: время имело в них круговую структуру. Гёдель полагал, что эти результаты способны поддержать философско-идеалистов, отрицающих реальность времени. Хотя Гёдель на это не указывал, они, по-видимому, также имеют сходство с философскими теориями «вечного возвращения».

VIII. ГЁДЕЛЬ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТЕОРИИ МНОЖЕСТВ

Гёдель верил в существование платонистской области абстрактных сущностей как части нашего действительного мира. На что похожа эта область, согласно Гёделю? Каким образом это можно выяснить?

По крайней мере, часть ответа была для Гёделя очевидной. Требуемые в математике абстрактные сущности – это главным образом множества или же сущности, вроде функций, которые могут быть определены в терминах множеств. Поэтому теория множеств была для Гёделя важной частью объяснения платонистского мира. И неудивительно, что Гёдель должен был посвятить значительную часть своего времени работе над её проблемами. По впечатлению Хао Вана, Гёдель «размышлениям о теории множеств посвятил большую часть своего времени (вероятно, с 1931 по 1946), чем какому-либо другому разделу математической логики».

Неудивительно также, что внимание Гёделя среди прочих проблем было направлено на два ключевых вопроса, которые уже упоминались, а именно на континуум-гипотезу и на статус аксиомы выбора. Первая проблема является, очевидно, одной из наиболее фундаментальных проблем всей теории множеств и, следовательно, одной из наиболее фундаментальных проблем гёделевской онтологии абстрактных сущностей. Свой статус континуум-гипотеза получила благодаря Давиду Гильберту, когда он перечислил её в качестве одной из наиболее важных нере-

шённых проблем в своем знаменитом докладе на Парижском математическом конгрессе в 1900 г.

Если вы верите в первопорядковую аксиоматизацию как в правильный подход к теории множеств – как это сейчас, по-видимому, свойственно большинству, – тогда нужно приписать Гёделю достижение одного из наиболее выдающихся результатов, касающихся континуум-гипотезы. Он не преуспел в доказательстве истинности обобщённой континуум-гипотезы, но он сумел сделать лучшее, что стоит рядом, а именно доказать её возможность в смысле её формальной совместимости с аксиомами теории множеств. Если эта аксиоматическая система имеет какие-либо модели, то в некоторых из них обобщенная континуум-гипотеза также истинна. Другими словами, обычные аксиомы первопорядковой теории множеств логически не влекут отрицательного ответа на проблему континуума.

Гёдель пришёл к доказательству этого результат в июне 1937 года. Он также нашел доказательство совместимости аксиомы выбора с другими обычными аксиомами теории множеств.

Это – впечатляющее интеллектуальное достижение. Результаты Гёделя в 1963 году были дополнены результатами Пола Козна. Козн доказал обратное результатам Гёделя. В системе аксиом теории множеств не доказуемо не только отрицание континуум-гипотезы. Согласно Козну, из этих аксиом не доказуема и сама гипотеза. Иными словами, континуум-гипотеза не зависит от обычной аксиоматической теории множеств. Если мы хотим решить проблему континуума в терминах аксиоматической теории множеств, мы должны каким-то образом открыть (или изобрести) новые аксиомы, как это и предлагалось Гёделем. Кроме того, было показано, что и аксиома выбора не зависит от обычных аксиом теории множеств.

Результат Гёделя не был совсем уж неожиданным. Удивительно (или по меньшей мере должно быть удивительным) то, каким образом он его доказал. По-видимому, Гёдель не стремился построить систематическую теорию моделей. Однако образ его мысли при доказательстве непротиворечивости был скорее теоретико-модельным, а не теоретико-доказательным. Гёдель сделал следующее: он определил (или, в обычном смысле слова, сконструировал) определенную модель L для всех аксиом теории множеств (исключая аксиому выбора). Затем он показал, что обобщённая континуум-гипотеза и аксиома выбора также истинны в L . Этого, конечно, достаточно для того, чтобы показать, что континуум-гипотеза и аксиома выбора совместимы с (другими) обычными аксиомами теории множеств.

Интуитивная идея пошагового конструирования модели L представляет собой вид онтологической экономии. Гёдель допускает в модель L на каждом этапе только такие множества, которые могут быть определены посредством кванторов, пробегающих по уже принятым в модели L множествам. Строго говоря, это не является самой скудной из возможных экономий, хотя и приближается к ней. В 1963 году Пол Коэн модифицировал конструкцию Гёделя с тем, чтобы получить модель, которая в специфицированном смысле является минимальной. Таким образом, именно другие аксиомы теории множеств (кроме аксиомы выбора) определяют то, что включено в L . Они содержат следующие требования:

«(S.1) Существует пустое множество.

(S.2) Для любого множества α существует множество $\{\alpha\}$ с одним-единственным элементом α .

(S.3) Для любых двух множеств α и β существует множество $\{\alpha, \beta\}$, элементами которого являются α и β .

(S.4) Для любого множества α существует множество $P(\alpha)$, элементами которого являются все подмножества множества α . Это множество $P(\alpha)$ называется множеством-степенью множества α .

(S.5) Сумма всех элементов любого множества есть множество».

Помимо (S.1) – (S.5) обычные допущения теории множеств также включают:

«(S.6) Множества с одними и теми же элементами тождественны (экстенциональность).

(S.7) Множества u , имеющие определенное отношение $A(u, x)$ к членам заданного множества α , образуют множество. В общепринятой логической записи, для любой формулы с двумя переменными $A(x, u)$ и любого множества α

$\{u: (\exists x)(x \in \alpha \ \& \ A(x, u))\}$ также есть множество.

(S.8) Существует множество β , которое содержит пустое множество и содержит $\{\alpha\}$ для любого $\alpha \in \beta$.

Последняя аксиома гарантирует, что моделей теории множеств бесконечно.

Эта аксиоматизация известна как теория множеств Цермело-Френкеля (ZF). Есть другие, в сущности эквивалентные ей, аксиоматизации, в том числе известная как теория множеств Неймана–Бернайса.

Что делает Гёдель? Он конструирует иерархию множеств K_β , индексированную тем, что специалисты в теории множеств называют ординальными числами β . За исходный пункт он принимает K_0 – пустое множество. Остальная иерархия определяется двумя требованиями:

$$(1) K_{\beta+1} = D(K_\beta),$$

$$(2) K_\gamma = \bigcup_{\beta < \gamma} K_\beta,$$

где $D(K_\beta)$ суть все определимые подмножества K_β , а UK_β – теоретико-множественная сумма всех множеств K_β (с ограничениями на β). Необходимые здесь ординальные числа являются определимыми теоретико-множественными сущностями. Совокупность множеств из L , получаемая таким способом, вполне определима теоретико-множественно. Она известна как гёделевский конструируемый универсум. Легко заметить, что все аксиомы теории множеств истинны, когда релятивизованы к L . То есть, L есть модель теории множеств Цермело–Френкеля. Гёдель смог показать, что аксиома выбора и обобщённая континуум-гипотеза также истинны в L . Это показывает совместимость обобщённой континуум-гипотезы и аксиомы выбора относительно теории множеств Цермело–Френкеля.

Поскольку L определима в теории множеств, мы можем сформулировать в аксиоматической теории множеств утверждение, что L есть полная (entire) модель теории множеств. Это может быть записано как $L = V$ и известно как аксиома конструируемости.

Истинна ли сама эта аксиома? На интуитивном уровне ответ явно отрицательный. Ведь идея, лежащая в основе теории множеств, заключается в том, чтобы та была теорией всех возможных множеств. Если это так, то аксиома конструируемости, которая в свою очередь ограничивает гражданство на территории теории множеств, не может хорошо характеризовать предполагаемую модель теории множеств. Действительно, сам Гёдель, по-видимому, верил, что предполагаемый теоретико-множественный универсум наилучшим образом характеризуется посредством подходящих допущений максимальной, возможно, сравнимых с так называемой гильбертовской аксиомой полноты в основаниях геометрии.

Конструируемая иерархия, тем не менее, весьма любопытна. Она имеет интересные связи, с одной стороны,

с минимальными моделями аксиоматической теории множеств, а с другой, – с тем, что в наши дни обычно принимается в качестве стандартной модели теории множеств, известной как кумулятивная иерархия множеств. Она получается из конструкции Гёделя заменой $D(K_\beta)$ на $P(K_\beta)$ в (1), другими словами, на множество-степень множества K_β . Таким образом, разработка Гёделем конструируемой иерархии оказала сильное влияние на идеи последующих математиков и философов относительно теории множеств.

С выигрышной позиции его собственного результата о неполноте (и соответствующими результатами Тарского) работа Гёделя над первопорядковой аксиоматической теорией множеств не может не казаться озадачивающей, чтобы не сказать парадоксальной. Гёдель не только показал, что в арифметике идея истины и идея доказуемости должны быть строго разведены. Он показал, что арифметические истины не могут быть исчерпаны никакой аксиоматизацией. Поскольку элементарная арифметика может быть реконструирована в теории множеств, те же самые ограничения применяются и к аксиоматизации теории множеств. Тогда почему он избрал подход к теории множеств в терминах первопорядковой аксиоматизации?

Ответ Гёделя мог бы состоять в том, что это лучшее из того, что мы можем сделать. Дедуктивная неполнота есть факт жизни логика. Нет смысла пытаться обойти её. Лучшее, что мы можем делать, – это экспериментировать с различными более сильными аксиомами теории множеств, предлагаемыми нам нашей математической интуицией, вполне осознавая при этом, что какие бы новые истинные аксиомы мы ни нашли, теория множеств по-прежнему будет оставаться неполной и всё ещё заставлять других искать новые аксиомы.

Вероятно, математики обречены логикой на подобный сизифов труд. Однако трудно отказаться от подозрения,

что уязвимость Гёделя вновь сказалась на его подходе к теории множеств. Аксиоматическая теория множеств дескриптивно неполна благодаря тому, что она является теорией первого порядка. Но первопорядковая аксиоматическая теория множеств была как раз той разновидностью безопасного, принятого каркаса, который он искал. В его рамках он даже мог практиковать теорию моделей, хотя никогда и не строил общей теории моделей. Доказательство непротиворечивости обобщенной континуум-гипотезы, кратко очерченное выше, более естественно рассматривать как теоретико-модельное, а не теоретико-доказательное.

Здесь, однако, возможны еще и другие сомнения. Теория множеств часто рассматривается в качестве подходящей базы для разработки теории моделей, вероятно, даже для разработки всей теории моделей. Если это так, то возникает вопрос, может ли она служить базой своей собственной теории моделей. Действительно, гёделевская конструкция L была осуществлена в рамках аксиоматической теории множеств. Но что происходит с главным ингредиентом теории моделей, с определениями истины, в аксиоматической теории множеств? Очевидно, что можно сформулировать, на что похожи правильные условия истинности в теории множеств. Рассмотрим, например, предложение следующей формы:

$$(3) (\forall x)(\exists y) S[x,y]:$$

Когда оно истинно? Очевидно, если и только если, для каждого индивида x можно найти индивид y (конечно, зависящий от x) такой, что $S[x,y]$. Этот y есть своего рода «индивид-свидетель», который гарантирует, что $(\exists y)S[x,y]$ истинно для данного x . Это явно означает, что существует функция f , такая что

$$(4) (\forall x) S[x, f(x)].$$

Такие «функции-свидетели» имеют в логике специальное название. Они известны как функции Сколема. Следовательно, (3) истинно, если и только если, для него существует функция Сколема. Существование функции Сколема может быть выражено теоретико-множественно. Теоретико-множественное высказывание, утверждающее такое существование, было бы переводом предложения второго порядка

$$(5) (\exists f)(\forall x) S[x, f(x)]$$

на язык теории множеств.

То же самое можно сказать о каждом предложении языка первого порядка. Каждое из них имеет условие истинности, которое утверждает существование некоторых функций, управляющих выбором «индивидов-свидетелей», которые верифицируют предложение. Эти функции являются его функциями Сколема. Эти истинностные условия вполне естественны в специальном случае. Более того, все они могут быть сгруппированы в единственное предполагаемое определение истины, которое, по-видимому, вполне воплощает наши дотеоретические («интуитивные») идеи относительно истины.

Но, согласно ограничительной теореме Тарского, упомянутой в *Главе 5*, теория первого порядка не позволяет сформулировать для себя определение истины. Следовательно, хотя бы одно из условий истинности должно быть ложным. Такое условие принимает форму предложения, которое истинно, но не имеет функций, обеспечивающих его индивидов-свидетелей. В принципе, ситуация выглядит так, как если бы (3) было истинным в некоторой модели теории множеств, даже если (4) было бы ложным для каждой функции f . Но существование такой функции как раз

и подразумевается истинностью (3) согласно нашему здравому смыслу – или общей ли интуиции?

В чем секрет данной головоломки? Здесь нет противоречия. Ситуацию можно спасти технически, применяя нестандартную интерпретацию квантора второго порядка. Я подозреваю, что Гёдель был готов это сделать. Но все еще остаются серьезные теоретические проблемы. Когда мы говорим о существовании функции f в (4) как об условии истинности (3), мы, естественно, принимаем стандартное прочтение квантора существования ($\exists f$). Но если это так, то существуют модели аксиоматической теории множеств, в которых некоторые интуитивно истинные предложения являются ложными.

Апелляция к нашим «дотеоретическим идеям» или человеческим «интуициям» всегда должна приниматься с определенным скепсисом. Вероятно, расхождение между тем, что считается истинным в моделях аксиоматической теории множеств, и «интуициями» некоторых людей не так уж и значительно, как можно было бы предполагать. Однако интуиции, к которым апеллирую я, суть те интуиции, на которых основано само значение стандартной интерпретации квантификации над множествами и функциями. И смысл континуум-гипотезы, в свою очередь, основывается на стандартной интерпретации. Эта гипотеза говорит, что существует множество, которое может быть одно-однозначно отображено в множество кардинальности $2^{\aleph_0}$, но которое не может быть одно-однозначно отображено в множество кардинальности $\aleph_0$. Это «может быть отображено», очевидно, подразумевает существование некой произвольной функции, осуществляющей отображение, т.е. некой функции в стандартном смысле. Если стандартные интуиции нарушаются в аксиоматической теории множеств, тогда доказуемость из аксиом любого высказывания автоматически не показывает его истинность или лож-

ность. В такой ситуации формальная непротиворечивость результатов, вроде результатов Гёделя и Пола Козна, не доказывает прямых следствий, касающихся истинности континуум-гипотезы. В арифметике Гёдель был первой главной фигурой, подчеркнувшей различие между истиной и доказуемостью. В первопорядковой аксиоматической теории множеств мы обнаруживаем даже более радикальное различие между тем, что истинно, и тем, что доказуемо.

Итак, осторожность Гёделя привела его к тому, чтобы остаться в рамках первопорядковой аксиоматической теории множеств, которая не только ограничила его теоретический горизонт в этом направлении, но также привела нас, в свете ретроспективной оценки, к удивлению, насколько значительна, в конечном счёте, его работа в теории множеств.

Та же самая линия мысли также имеет следствия для аксиомы выбора. Действительно, вывод от (3) к (5) может рассматриваться как форма аксиомы выбора. То, что было сказано о роли функций Сколема в обеспечении нас «индивидами-свидетелями», которые удовлетворяют предложения, функциями Сколема которого они являются, эквивалентно сильной интуитивной причине для принятия аксиомы выбора. Та же самая причина поддерживает любой вывод от предложения к существованию его функций Сколема. Но есть следствия, которые вообще не имеют силы в моделях первопорядковой аксиоматической теории множеств. Следовательно, аксиоматическая теория множеств в некотором смысле опровергает те интуиции, на которых основывается аксиома выбора.

IX. ДИАЛЕКТИКА ГЁДЕЛЕВСКОЙ DIALECTICA ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Гёдель не был бы гением, если бы всеобъемлющая картина логики и математики, которой придерживались столь многие его современники и последователи, полностью его удовлетворяла. Среди его немногочисленных публикаций есть короткая статья, в которой в немногих словах запланировано рискованное предприятие в новом направлении. Она носила замысловатое название *Über eine bisher noch nicht benützte Erweiterung des finiten Standpunktes* («Об одном ещё не использованном расширении финитной точки зрения») и была опубликована в швейцарском журнале «Диалектика» в 1958 году¹. Не ясно, что побудило Гёделя её написать, но это была сознательная попытка исследовать некоторые новые направления мышления, и она может рассматриваться в качестве предвестия более поздних, исключительно любопытных разработок. На первый взгляд то, что делает Гёдель, может показаться загадочным, но автор обеспечил несколько ключей. Технически Гёдель предлагает интерпретацию первопорядковой логики и элементарной арифметики. Сначала эта интерпретация принимает форму перевода. Каждое выражение первопорядковой арифметики переводится в выражение соответствующего языка более высокого порядка (теорию арифметики более высокого порядка). После этого все функциональные переменные (любого порядка), встречающиеся в переводе,

¹ Русский перевод см.: Гёдель К. Об одном ещё не использованном расширении финитной точки зрения // Математическая теория логического вывода. М.: Наука, 1967, С. 299–310. – Прим. ред.

ограничиваются рекурсивными значениями. (Это один из тех немногих случаев, когда Гёдель использует рекурсивность в общетеоретических целях.)

Правила перевода выглядят относительно просто на бумаге. Гёдель связывает с каждой формулой две функциональные переменные, которые могут быть любого логического типа (порядка), т.е. первого, второго, третьего и т.д. Тогда правила перевода можно выразить следующим образом:

$$\begin{aligned} \langle (A \ \& \ B) = (A(\xi, \psi) \ \& \ B(\zeta, \varphi)) \rangle \text{ имеет перевод} \\ (A \ \& \ B)^* = (\exists \xi)(\exists \zeta)(\forall \psi)(\forall \varphi) (A^*(\xi, \psi) \ \& \ B^*(\zeta, \varphi)) \ \& \\ B^*(\zeta, \varphi), \end{aligned}$$

где A^* и B^* есть соответственно перевод A и B .

$$\begin{aligned} (A \vee B) = (A(\xi, \psi) \vee B(\zeta, \varphi)) \text{ имеет перевод} \\ (A \vee B)^* = (\exists \xi)(\exists \zeta)(\exists p)(\forall \psi)(\forall \varphi) ((A^*(\xi, \psi) \ \& \ p = 0) \vee \\ \vee (B^*(\zeta, \varphi) \ \& \ p \neq 0)). \end{aligned}$$

Импликация $(A \supset B) = (A(\xi, \psi) \supset B(\zeta, \varphi))$ имеет перевод

$$(A \supset B)^* = (\exists \Psi)(\exists \Phi)(\forall \xi)(\forall \varphi) ((A^*(\xi, \Psi(\xi, \varphi)) \supset \supset B^*(\Phi(\xi), \varphi)).$$

Здесь Ψ и Φ относятся к более высокому типу (порядку), чем ψ и φ .

Отрицание $\sim A = \sim A(\xi, \psi)$ имеет перевод

$$(\sim A)^* = (\exists \Phi)(\forall \xi) \sim A^*(\xi, \Phi(\xi)).$$

Но что подразумевают эти правила перевода? В чем состоит их теоретическая мотивация? Кажется, что можно установить сотни подобных переводческих вариантов. Почему именно этот вариант? Когда я впервые увидел правила Гёделя, я никак не мог их уразуметь. Лишь значительно позже я обнаружил способ соотнести их с более широкими теоретическими вопросами в основаниях математики, правда, обнаружил, что на ту же самую идею ранее наткнулся Дана Скотт.

В чём заключается эта идея? Мне она пришла впервые с силой внезапного откровения. Правила Гёделя могут быть поняты как правила определённых игр верификации и фальсификации. Две новые переменные пробегают над стратегиями двух игроков, верификатора и фальсификатора. С этой перспективы все правила Гёделя внезапно обретают смысл.

На самом деле, ту же самую теоретико-игровую интерпретацию можно применить к обычной первопорядковой логике, и здесь она будет более понятна. Обычно математики выражают кванторы существования, говоря «можно найти». В некоторых естественных языках существование выражается сходным оборотом, как, например, в шведском *det finns*. Гильберт пытался схватить эту идею, определяя кванторы в терминах определённых функций выбора, схематично записываемых с помощью того, что он называл эпсилон-термами. Например, предполагается, что выражение $(\exists x) A(x)$ обозначает «произвольный индивид», удовлетворяющий $A(x)$. Более систематический способ реализации подобного стиля мыслить и говорить заключается в том, чтобы соотнести с каждым первопорядковым предложением S игру $G(S)$ для двух игроков относительно модели того языка, к которому принадлежит S . Есть два игрока, верификатор и фальсификатор (последнего можно рассматривать как природу или как злонамеренного демона Декарта). Правила игры следующие:

«(G.V) $G(S_1 \vee S_2)$ начинается с выбора верификатором S_1 или S_2 , например S_2 . Игра тогда продолжается как $G(S_2)$.

(G.&) $G(S_1 \& S_2)$ начинается так же, только выбор делает фальсификатор.

(G.E) $G((\exists x) S[x])$ начинается с выбора верификатором индивида из универсума рассмотрения. Допустим, имя выбранного объекта b ; игра продолжается как $G(S[b])$.

(G.A) $G((\forall x) S[x])$ начинается так же, только выбор делает фальсификатор.

(G.~) $G(\sim S)$ начинается с перемены ролей двух игроков, определенных этими правилами. Затем игра продолжается с $G(S)$ ».

После конечного числа шагов игроки достигают атомарного предложения или тождества A. Подобные предложения имеют интерпретацию независимо от значения логических констант. Если A истинно, выигрывает верификатор, если ложно – фальсификатор. Предложение S истинно, если и только если в $G(S)$ существует выигрышная стратегия для исходного фальсификатора. Выигрышная стратегия – это стратегия, результат которой не зависит от того, какую стратегию выберет противник. Другими словами, даже если противник обнаруживает, какой стратегии вы следуете, он не может использовать эту информацию для того, чтобы выиграть игру.

Эти правила определений определяют семантику и интерпретацию для языков первого порядка, эквивалентные обычным. Интерпретация Гёделя заключается в том, что он модифицирует правила так, чтобы получить неклассическую интерпретацию логики и арифметики. Нетрудно видеть, как он это делает. Главное изменение состоит в том, что Гёдель ограничивает все стратегии (функции-стратегии) рекурсивными (вычислимыми) стратегиями. Это соответствует его стремлению держаться, насколько это возможно, финитной точки зрения.

Как только это уяснено, мотивация правила дизъюнкции у Гёделя становится прозрачной. Оно требует, чтобы верификатор имел способ (часть его выигрышной стратегии) вычисления, какой дизъюнкт каждой дизъюнкции истинен.

Правило импликации несколько усложнено. Включается ряд требований. Одно из них говорит, что если существует выигрышная верификационная стратегия ξ в игре, разыгрываемой с антецедентом A, т.е. стратегия, которая

приводит к победе против любой фальсификационной стратегии, даже если допускается зависимость от ξ , то знание этого ξ позволяет верификатору иметь выигрышную стратегию $\Phi(\xi)$ в игре с консеквентом В. И наоборот, если существует фальсифицирующая стратегия ϕ в игре с В, её знание поможет найти фальсифицирующую стратегию $\psi(\xi, \phi)$ в игре с антецедентом.

Правило отрицания говорит, что верификатор не имеет выигрышной стратегии. Если верификатор использует стратегию ξ , то существует стратегия фальсификатора $\Phi(\xi)$, которая одерживает победу над стратегией ξ .

Правило отрицания примечательно тем, что кодифицирует «классическое» контрадикторное отрицание. У Гёделя можно было бы интерпретировать отрицание дуально, т.е. требовать, чтобы не-А было истинным, если и только если, фальсификатор имеет выигрышную фальсифицирующую стратегию в игре с А. Эта идея может быть реализована следующим правилом Гёделя:

$$(\exists \xi)(\forall \Phi) \sim A^*(\Phi(\xi), \xi).$$

Это на самом деле сводится к $\sim A^*$.

Примечательно здесь то, что Гёдель сохранил классическое отрицание, т.е. его отрицание – это контрадикторное отрицание $\sim S$, которое истинно как раз тогда, когда S не истинно, даже если для фальсификатора не существует какой-либо выигрышной стратегии. Если бы он сформулировал правило отрицания иначе, он получил бы логику с сильным «зеркально отражённым» отрицанием и избежал бы восхождения за пределы языков второго порядка. (Это также привело бы к необходимости переформулировать правило для импликации.) Особо инновационная черта интерпретации Гёделя заключается в том, что он изменяет интерпретацию логики, не просто изменяя правила, управляющие отдельными логическими понятиями, но ограничивая стратегию верификатора.

Нет никаких документальных свидетельств в пользу того, что сам Гёдель как-то мотивировал свою интерпретацию в *Dialectica*, используя теоретико-игровую терминологию и понятия. Но весьма трудно не поверить, что он не следовал направлению мысли, сходному изложенному выше. Теория игр была создана Джоном фон Нейманом – поклонником Гёделя по Кёнигсбергу и одно время его коллегой по Институту перспективных исследований. Теоретико-игровая интерпретация кванторов была предложена (о чем Гёдель не знал) уже Пирсом, и позднее версия той же интерпретации была спонтанно и независимо друг от друга принята несколькими логиками, когда они натолкнулись на расширения первопорядковой логики, где обычная семантика (интерпретация) не срабатывала, например при исследовании ветвящихся и игровых кванторов и бесконечно глубоких логик. Позднее теоретико-игровая семантика для различных логик была систематизирована и открыла несколько новых любопытных перспектив в основаниях логики и математики.

Таким образом, интерпретация Гёделя в *Dialectica* предвосхищает одно из наиболее важных последующих направлений в философии логики и математики. Несмотря на то что эти направления не являются частью истории о Гёделе, краткое указание вполне уместно. Одна важная вещь, на которую теоретико-игровой интерпретации следует обратить внимание логиков, – это отношения зависимости между различными кванторами в заданном предложении. Например, в

$$(\forall x)(\exists y) S[x,y]$$

квантор $(\exists y)$ зависит от квантора $(\forall x)$ в том смысле, что выигрышный выбор верификатором значения y зависит от выбора фальсификатором значения x . Эта зависимость в теоретико-игровой семантике схватывается идеей того, что ход, связанный с $(\forall x)$, находится в информационном мно-

жестве хода, связанного с $(\exists y)$. Это всего лишь означает, что игроку, делающему последующий ход, известны последствия предыдущего хода. Эта зависимость также равноценна зависимости переменной y от переменной x .

Ясно, что адекватный логический язык должен быть в состоянии выразить все возможные структуры зависимости и независимости между переменными и, следовательно, все возможные структуры зависимости и независимости между кванторами. Но когда это выполнено, также становится ясно, что «обычная», принятая логика первого порядка на это неспособна. Если отношение зависимости выражать посредством инверсии стрелки, то следующие структуры нельзя выразить в принятой логике первого порядка:

$$\left. \begin{array}{l} (\forall x) \rightarrow (\exists y) \\ (\forall z) \rightarrow (\exists u) \end{array} \right\} S[x,y,z,u].$$

Обычную логику первого порядка можно расширить, сделав это выразимым, всё ещё оставаясь на первопорядковом уровне. Результат был назван дружественно-независимой логикой (*independence-friendly logic*, IF-logic), хотя это название, быть может, и не вполне удачно.

Несмотря на то что ключевые идеи, на которых основана эта логика, были предвосхищены Гёделем, она не была им разработана, не были исследованы и перспективы, которые она открывает. Неясно даже, осознавал ли Гёдель эти перспективы. В остальной своей работе Гёдель счастлив был обходиться установленными рамками общепринятой логики первого порядка и её известных расширений, вроде нестандартной логики более высокого порядка или интуиционистской логики. Однако общая перспектива, с которой мы должны рассматривать основные результаты Гёделя и их следствия, находится под влиянием новой логики. Один из поразительных фактов относительно друже-

ственно-независимой логики первого порядка заключается в том, что она семантически неполна. Следовательно, если именно она, а не общепринятая логика первого порядка, является общей и неограниченной логикой кванторов, то доказательство Гёделем полноты утрачивает большую часть своей философской значимости. Оно больше не показывает, что принятая логика первого порядка полна. Скорее, логики будут уподоблены домохозяйкам, работа которых всегда недоделана.

С другой стороны, как было показано в *Главе 6*, семантическая неполнота дружественно-независимой логики делает возможной попытку использовать её или одно из её расширений для формулировки дескриптивно полных теорий, где это неспособна сделать принятая логика первого порядка. Говоря более обще, описанное в *Главе 6* разделение труда между логикой и математикой должно быть пересмотрено.

Что же касается самого Гёделя, то мы можем видеть, что тот же самый образ мысли, который обнаруживается им в трактовке полноты и неполноты, повторяется снова и снова. Гёдель открывал новые, потенциально революционные идеи, но вместо их использования в качестве основания новых теорий он предпочитал оставаться в уже установленных рамках. Даже здесь можно увидеть в действии его актуализм. Интерпретация Гёделя в *Dialectica* была представлена выше в качестве нового способа определения ключевого теоретико-модельного (очевидно материального) понятия истины. Тем не менее, сам Гёдель сравнивает её с интуиционистской логикой первого порядка Гейтинга, которая, конечно же, представляет собой дедуктивную систему, систематизирующую интуиционистски значимую *логическую* истину. В последующих дискуссиях эта интерпретация рассматривалась то в одном, то в другом ключе. Гёдель же, очевидно, обращался с логической истиной так, как если бы она была разновидностью простой материальной истины.

Х. МАШИНЫ ТЬЮРИНГА ИЛИ МАШИНЫ ГЁДЕЛЯ?

Достижения Гёделя далеко не исчерпываются тем, что изложено здесь. Одно из самых весомых следствий их выросло из работы Гёделя над полнотой и неполнотой. В объяснении этой работы и её следствий я постоянно ссылался на то, что является вычислимым, и на то, что может быть проделано чисто механически. Эти обороты подразумевают одно и то же, но что означает одно и то же в данном случае? Этот вопрос стал важным в тридцатые годы в результате разработок, подобных теореме Гёделя о неполноте. Он может быть сформулирован следующим образом: Какие функции эффективно (механически) вычислимы? (Вычислимость здесь, грубо говоря, может рассматриваться как эквивалент тому, что может вычислить идеальный компьютер с неограниченной памятью в неограниченное время.) Этот вопрос был инспирирован несколькими логиками, включая Гёделя. В своей статье, опубликованной в 1934 году, он предположил, что вычисляемые функции можно отождествить с общерекурсивными функциями, т.е. с функциями, определяемыми конечным числом рекурсивных уравнений, вроде тех, что могут быть использованы для определения базовых арифметических операций. Примеры таких уравнений предлагаются аксиомами (А.1)–(А.7) арифметики Робинсона (см. *Главу 3*).

Сам Гёдель не был уверен, что такая характеристика действительно выполняет свою работу. Может ли существовать такого типа рекурсия, которая не охватывается его определением общерекурсивных функций? Кроме того,

вскоре другие логики предложили свои определения эффективно вычислимых функций. Среди них были понятия, определённые Постом, Чёрчем, Клини и Марковым. Наиболее известным является характеристика эффективно вычислимых функций Аланом Тьюрингом с точки зрения того, что может быть вычислено посредством некоторых простых идеализированных компьютеров, которые стали известны под названием машин Тьюринга. Их основная идея объяснялась выше. На первый взгляд, определения кажутся непохожими, использующими различный круг идей. Например, характеристика Чёрча осуществляется в терминах особого логического исчисления, известного как лямбда-исчисление. Какое из этих определений является правильным? Удивительным ответом – удивительным, конечно, для современников Гёделя – был ответ, что все они верны. Одно из наиболее впечатляющих достижений логики двадцатого века заключается в том, что все эти различные определения эффективной вычислимости оказались эквивалентными. Эта замечательная сходимость к тому же строго предполагала, что эти определения действительно схватывают важную идею вычислимости. То, что они утверждают, ныне известно как тезис Чёрча. Вместе с тем, работа, приведшая к этим определениям, была одним из наиболее важных исходных пунктов теоретических компьютерных исследований. Систематическое изучение вычислимости в смысле этих определений известно как теория рекурсивных функций и эффективной вычислимости.

Определение Гёделя было первым в этой любопытной серии определений. Таким образом, Гёдель занимает интересное место в истории теории вычислений. Но, как указывает Феферман, сам Гёдель никогда не развивал систематическую теорию самой вычислимости. Следовательно, не смотря на пионерскую роль Гёделя, вероятно, нет исторической несправедливости в том, что эффективная вычис-

лимость сегодня прежде всего связывается с вычислимостью машин Тьюринга.

Гёдель, тем не менее, глубоко интересовался философскими вопросами, связанными с компьютерами и вычислимостью. Наиболее интересный вопрос, занимавший его и впоследствии вызвавший широкую дискуссию, был под-сказан его собственным результатом о неполноте. Выше мы неоднократно указывали, что результаты Гёделя относятся к ограничениям на компьютеры (машины Тьюринга), а не к каким-то внутренним границам логики. Поскольку логика предположительно является посредником человеческого мышления, это предполагает, что человеческий ум способен на большее, чем любой компьютер, и, следовательно, он не может быть компьютером. Это предположение разделялось самим Гёделем. Позднее некоторые авторы, включая Лукаса и Роджера Пенроуза, расширили доказательство в пользу заключения о том, что теорема Гёделя о невозможности показывает, что человеческий ум не может быть компьютером — по крайней мере, он не может быть машиной Тьюринга.

Во всей этой дискуссии есть, однако, много путаницы. В некотором смысле верно, что человеческий ум действует способом, отличным от *modus operandi* машины Тьюринга, верно даже то, что теорема Гёделя показывает это различие. Однако аргументы, предложенные в литературе, по большей части в высшей степени неудовлетворительны. Во-первых, что, по предположению, человек знает, а машина — нет? Очевидно, о существовании истинного, но недоказуемого арифметического предложения. Но аргумент Гёделя не доказывает существования абсолютно недоказуемых арифметических истин. Это заключение релятивизовано к некоторой заданной первопорядковой системе аксиом элементарной арифметики, такой как арифметика Робинсона, объяснённая в *Главе 3*, и доказывает только то, что существуют истинные высказывания, недоказуемые в

этой конкретной системе. В изобилии существуют другие системы, в которых это же самое предложение доказуемо механически.

Во-вторых, Гёдель доказал даже не существование истинного, но недоказуемого в данной системе предложения, а только то, что если эта система непротиворечива, *тогда* такое парадоксальное предложение существует. Чтобы человеческий ум или компьютер знали о существовании гёделева предложения, он должны знать о непротиворечивости. Только как он может знать это?

Ещё более важно то, что предполагаемые следствия ограничительной теоремы Гёделя о соотношении человеческого ума и машины основываются по большей части на поверхностном понимании того, что представляет собой мышление как в случае человека вообще, так и в случае конкретного индивида. Фактически, границы мышления отождествляются с тем, что может быть доказано посредством логических правил вывода. Но фраза «посредством» весьма тонка. Реальное мышление не руководствуется подобными правилами вывода, независимо от того, человеческое оно или машинное по Тьюрингу. Простая причина заключается в том, что правила вывода являются только разрешительными. Они не говорят нам, что делать. Они говорят нам, что мы *можем* делать во избежание логических ошибок. При наличии некоторого числа потенциальных посылок правила вывода не говорят нам, к какой из них сперва применять правила вывода. В реальном рассуждении нам сверх и помимо правил вывода нужны правила стратегии, т.е. правила, которые говорят нам, как применять правила вывода. Реалистическое сравнение человеческого мышления и обработки информации компьютером должно сопровождаться ссылкой на способность компьютеров обращаться с правилами стратегии, а не ссылкой на совокупность теорем, которые могут быть доказаны механически.

ЛИТЕРАТУРА

Работы Гёделя изданы в собрании: *Collected Works* (Oxford University Press, New York), глава редакционной коллегии Соломон Феферман. Были опубликованы три тома: *Vol. 1: Publications 1929–1936*, 1986; *Vol. 2: Publications 1938–1974*, 1990; *Vol. 3: Unpublished Essays and Letters*, 1995. Работы Гёделя, написанные на немецком языке, представлены здесь в оригинале и в английском переводе. Эти тома включают информативные предисловия и комментарии к отдельным работам, подготовленные специалистами. Другие, прежде непубликовавшиеся материалы появились в сборнике: Kurt Gödel, *Unpublished Philosophical Essays*, ed. Francisco A. Rodriguez-Consuegra (Birkhäuser, Basel, 1995). Оригинальные публикации наиболее важных статей и монографий Гёделя следующие:

Die Vollständigkeit des Axioms der logischen Funktionenkalkulus, *Monatshefte für Mathematik und Physik*, vol. 37 (1930), 349–360.

Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I, *Monatshefte für Mathematik und Physik*, vol. 38 (1931), 173–198;

The Consistency of Continuum Hypothesis (Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1940);

Über eine bisher noch nicht benützte Erweiterung des Finiten Standpunktes, *Dialectica*, vol. 12 (1958), 280–287;

Russell's Mathematical Logic, *The Philosophy of Bertrand Russell* (Library of Living Philosophers), ed. Paul A. Schilpp (Northwestern University Press, Evanston, Ill., 1944), 123–153.

Личность Гёделя, его жизнь и философские идеи основательно описаны и проанализированы его другом Хао Ванном в двух томах: Wang H. *Reflection on Kurt Gödel* (MIT Press, Cambridge, 1987) и Wang H. *Logical Journey: From Gödel to Philosophy* (MIT Press, Cambridge, 1996). Имеется хорошая биография Гёделя, написанная Джоном Доусоном: Dawson J.W. *Logical Dilemmas:*

The Life and Work of Kurt Gödel (A.K. Peters, Wellesley MA, 1997). Некоторые биографические материалы о Курте Гёделе плюс статья о его идеях относительно интуиционистской логики были опубликованы в книге: *Gödel Remembered* (Salzburg 10–12 July 1983), ed. P. Weingartner и L. Schmetter (Bibliopolis, Napoli, 1987).

Хорошее обсуждение работ Гёделя и его места в современной логике и основаниях математики можно найти в статьях Соломона Фефермана *Gödel's Life and Work* и *Kurt Gödel: Conviction and Cation* в кн.: *Feferman S. In the Light of Logic* (Oxford University Press, New York, 1998), с. 127–149 и 150–164, а также в статье Георга Крайзеля: *Kreisel G. Biographical Memoirs of Fellows of the Royal Society*, vol. 26 (December, 1980), 148–224.

Точное, но технически подробное изложение результата Гёделя о неполноте можно среди прочего найти в книге: Mostowski A. *Sentences Undecidable in Formalized Arithmetic: An Exposition of The Theory of Kurt Gödel* (North-Holland, Amsterdam, 1952), более современное изложение: Smorinski C. *The Incompleteness Theorems* в кн.: *Handbook of Mathematical Logic*, ed. Jon Barwise (North-Holland, Amsterdam, 1977) и, наконец, в книге Раймонда Смаллиана: *Smullyan R.M. Gödel's Incompleteness Theorems* (Oxford University Press, New York, 1992). Смаллиан также дал популярное (и забавное), но в то же время точное изложение размышлений типа гёделевских в своих книгах-головоломках, особенно в книге *What Is the Name of This Book* (Prentice-Hall, Englewood Cliffs, New Jersey, 1978).

Работа Соломона Фефермана о второй теореме Гёделя о неполноте представлена в серии важных статей, начинающейся с *Arithmetization of Metamathematics in General Setting*, *Fundamenta Mathematicae*, vol. 49 (1960), 35–92. Полезный краткий обзор этой работы дан в статье Фефермана *My Route to Arithmetization*, *Theoria*, vol. 63 (1997), 168–181.

Ранние работы Альфреда Тарского в некоторой степени параллельны Гёделю. Они доступны в сборнике *Logic, Semantics, Metamathematics* (Clarendon Press, Oxford, 1956).

Аргументы Чейтина помимо прочих работ представлены в статье: *Chaitin G.J. Information-Theoretic Limitations of Formal Systems*, *Journal of the Association for Computing Machinery*,

vol. 21, 941–954. Ложность утверждений Чейтина продемонстрирована в статье Пану Раатикайнена: Raatikainen P. On Interpreting Chaitin's incompleteness Theorem, *Journal of Philosophical Logic*, vol. 27 (1998), 569–586.

Есть прекрасные сборники первоисточников, охватывающие развитие логики и оснований математики, образующее фон работ Гёделя. Среди них: Jean von Heinjonoort (ed.) *From Frege to Gödel* (Harvard U.P., 1967) и William B. Ewald (ed.) *From Kant to Hilbert, I–II* (Oxford U.P., 1996).

О различии между перво- и второпорядковой логикой и разных интерпретациях последнего см.: Jaakko Hintikka Standard vs. Nonstandard Distinction: A Watershed in the Foundations of Mathematics в сборнике: Jaakko Hintikka (ed.) *From Dedekind to Gödel* (Kluwer Academic, Dordrecht, 1995), 21–44.

Изложение результатов, упомянутых в конце *Главы 5*, находится в статье: J. Paris и L. Harrington A Mathematical Incompleteness in Peano Arithmetic в сборнике: Jon Barwise (ed.) *Handbook of Mathematical Logic* (North-Holland, Amsterdam, 1977), 1133–1142.

Статьи Генцена собраны в сборнике M.E. Szabo (ed.) *The Collected Papers of Gerhard Genzen* (North-Holland, Amsterdam, 1969).

Исследования Пола Козна по теории множеств (а также большая часть работы Гёделя) суммированы в книге Paul Cohen *Set Theory and the Continuum Hypothesis* (W.A. Benjamin, New York, 1982). Об аксиоме выбора см.: Gregory H. Moore *Zermelo's Axioms of Choice* (Springer, Heidelberg and New York, 1982). О континуум гипотезе см.: Raymond Smullyan, Melvin Fitting *Set Theory and the Continuum Problem* (Oxford University Press, 1996).

Основные статьи Гёделя, Чёрча, Тьюринга, Россера, Клини и Поста переизданы в сборнике: Martin Davis (ed.) *The Undecidable* (Raven Press, Hewlett, New York, 1965).

Обсуждение возможного значения теоремы Гёделя о неполноте для вопроса о том, может ли человеческий ум быть машиной, началось со статьи John R. Lucas *Minds, Machines and Gödel*, *Philosophy*, vol. 36 (1961), 112–127. (См. также J.R. Lucas *Mind, Machines and Gödel: a Retrospect* в сборнике P.J.R. Millican, A. Clark *Machines and Thought* (Clarendon Press, Oxford, 1996), 103–

124. Лукас обсуждала классическую статью Алана Тьюринга *Computing Machinery and Intelligence*, *Mind*, vol. 59 (1950), 433–460. Последующая литература по этой проблеме столь же обширна, сколь и безрезультатна. В баталии даже включились известные математики и учёные, вроде Роджера Пенроуза, см. его книги *The Emperor's New Mind* (Oxford University Press, New Yourk, 1989) и *Shadows of the Mind* (Oxford University Press, New York, 1994). Относительно собственных идей Гёделя на этот счёт лучшим введением является статья Хао Вана *Can Machines Think?*, *Philosophia Mathematica*, series 3, vol. 1 (1993), 97–138. Информативное обсуждение всей области, относящейся к данной теме, можно найти в статье Джадсона Уэбба *Metamathematics and the Philosophy of Mind*, *Science*, vol. 35 (1968), 156–178 и в его книге *Mechanism, Mentalism and Metamathematics* (D. Reidel, Dordrecht, 1980).

Литература о К. Гёделе на русском языке²

1. Успенский В.А. Теорема Гёделя о неполноте. М.: Наука, 1982.
2. Подниекс К.М. Вокруг теоремы Геделя. Рига: Зинатне, 1992.
3. Хофштадтер Д. Гёдель, Эшер, Бах: Эта бесконечная гирлянда. – Самара: Издательский дом «Барах-М», 2001.
4. Крайзель Г. Биография Курта Гёделя. Москва; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003.
5. Целищев В.В. Алгоритмизация мышления: Гёделевский аргумент. – Новосибирск: Параллель, 2005.
6. Нагель Э., Ньюмен Дж.Р. Теорема Гёделя. М.: КРАСАНД, 2010.
7. Смаллан Р. Вовеки неразрешимое. Путь к Гёделю через занимательные загадки. М.: Канон+, 2013.

² Добавлено редакторами перевода.

Курт Гёдель

Статьи

Курт Гёдель

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ОСНОВАНИЯХ МАТЕМАТИКИ (1933)¹

Проблема обоснования математики (а под математикой в данной работе я подразумеваю всю совокупность методов доказательства, фактически используемых математиками) может рассматриваться как распадающаяся на две части. Во-первых, эти методы доказательства нужно свести к минимальному числу аксиом и исходных правил вывода, которые должны быть сформулированы по возможности наиболее точно. Затем, во-вторых, для этих аксиом в том или ином смысле должно быть найдено оправдание, т.е. теоретическое обоснование того, что они приводят к результатам, согласующимся друг с другом и с эмпирическими фактами.

Первая часть проблемы была решена вполне удовлетворительным способом, заключающимся в так называемой «формализации» математики, которая подразумевала изобретение совершенно точного языка, с помощью кото-

¹ Перевод В.А. Суровцева и Р.Ф. Галимуллина по изданию: *Gödel K. The Present Situation in the Foundation of Mathematics // Collected Works. V. III. Unpublished Essays and Lectures / S. Feferman et al., eds. – N.Y., Oxford University Press, 1995. P. 46–53.* [Этот текст был представлен в качестве доклада на заседании Американской математической ассоциации 29–30 декабря 1933 г., Кембридж, Массачусетс, где Гёдель выступал в качестве приглашённого лектора. – *Прим. ред.*].

рого можно выразить любое математическое предложение посредством формулы. Некоторые из этих формул рассматриваются в качестве аксиом, а затем устанавливаются определенные правила вывода, позволяющие переходить от аксиом к новым формулам и, таким образом, выводить всё больше и больше предложений. При этом замечательная черта правил вывода заключается в том, что они являются сугубо формальными, т.е. ссылаются только на внешнюю структуру формул, а не на их значение, и поэтому они могут применяться тем, кто ничего не знает о математике, или машиной. Это имеет следствием то, что относительно случаев применения правил вывода не может быть никаких сомнений, и, таким образом, достигается наивысшая из возможных степеней точности.

Важный факт, что вся математика может быть сведена к нескольким формальным аксиомам и правилам вывода, был открыт Фреге и Пеано. Но когда впервые попытались сформулировать такую формальную систему, т.е. систему аксиом и правил вывода, возникло одно серьезное затруднение, а именно, если бы аксиомы и правила вывода были сформулированы тем способом, который, казалось бы, предполагался с первого взгляда, они приводили бы к очевидным противоречиям. Стало ясно, для обращения с бесконечными множествами нужно ввести определенные ограничения. По-видимому, то, как должны вводиться эти ограничения, по существу однозначно предопределено двумя требованиями: недопущением парадоксов и сохранением всей математики (включая теорию множеств). По крайней мере, до сих пор, хотя со дня открытия парадоксов и прошло 30 лет, известно только одно решение, отвечающее обоим требованиям. Это решение заключается в теории типов. (Я имею в виду простую теорию типов, а не ее усложненную форму, ведущую к аксиоме сводимости.)

Может показаться, что другое решение предлагается системой аксиом для теории множеств, представленной Цермело, Френкелем и фон Нейманом. Но оказывается, что эта система аксиом есть нечто иное, как естественное обобщение теории типов или, скорее, она есть то, чем оказывается теория типов, если исключить из нее некоторые избыточные ограничения. Это становится ясным, например, из статьи фон Неймана *Über eine Widerspruchsfreiheitsfrage in der axiomatischen Mengenlehre* [1929], согласно которой ограничение на логические правила, вводимые теорией типов, по существу заключается в том, что общее понятие класса или множества отбрасывается и заменяется бесконечной последовательностью различных понятий класса. Другими словами, для того чтобы говорить о классах вообще, требуется прежде, чтобы была задана система вещей, называемых индивидами (например, в качестве таковых можно рассматривать целые числа). Затем можно образовать понятие класса этих индивидов и говорить о всех таких классах. Далее, можно продвинуться еще на один шаг и образовать понятие класса, элементами которого являются эти классы индивидов, т.е. класс классов индивидов (называемый классом второго типа) и говорить о всех таких классах. Так можно бесконечно продвигаться в этой иерархии классов, не будучи в состоянии образовать наиболее общее понятие класса или говорить о всех классах вообще. Но в *Principia Mathematica* на эту иерархию типов были наложены следующие не являющиеся необходимыми ограничения (причём они не являются необходимыми с точки зрения постулирования формальной системы, которая избегает логических парадоксов и сохраняет всю математику, единственного вопроса, с которым мы здесь имеем дело):

1. В *Principia Mathematica* допускаются лишь так называемые чистые типы, т.е. не может быть образо-

ван класс, содержащий классы различных типов среди своих элементов.

2. Предложения вида $a \in b$ считаются бессмысленными (т.е. не истинными, и не ложными), если a и b не относятся к надлежащему типу – если, например, a не относится к более высокому типу, чем b . Этого усложнения можно избежать, просто устанавливая, что $a \in b$ должно быть ложным, если a и b не относятся к надлежащим типам.

Исключение этих двух первых ограничений не так уж существенно; легко показать, что из них не может возникнуть противоречия и что для каждого доказуемого в новой системе предложения имеется эквивалентное предложение в системе *Principia Mathematica*. Совершенно иначе обстоит дело с третьим ограничением, к объяснению которого я сейчас перехожу. В теории Рассела процесс перехода к следующему, более высокому типу, например от классов индивидов к классам классов индивидов, может быть повторен только конечное число раз, т.е. для каждого класса, встречающегося в системе *Principia Mathematica*, есть приданное конечное число n , указывающее, за сколько можно достичь рассматриваемый класса, начиная с уровня индивидов. Это число n может быть произвольно большим, но должно быть конечным.

Но нет никаких причин останавливать процесс образования типов на этой стадии, как указывалось уже, например, Гильбертом. Мы можем, например, образовать класс всех классов конечного типа, который, разумеется, не относится к конечному типу, но может быть назван классом ω типа. Общее определение ω типа было бы таким, что класс относится к нему, если среди своих элементов он содержит только классы конечного типа, но для каждого произвольно большого целого числа n он содержит эле-

менты типа большего, чем n . Ясно, каким образом такой процесс можно продолжать до бесконечности. Можно сделать так, что класс всех классов конечного типа будет играть роль класса индивидов, т.е. рассматривать его как основу для новой иерархии типов и так образовывать классы $\omega + 1$, $\omega + 2$ типов, и далее для каждого трансфинитного ординала.

На процесс такого образования классов бесконечного типа есть одно возражение, которое, возможно, и послужило одной из причин, почему Рассел от него отказался; а именно, для того чтобы постулировать аксиомы для формальной системы, включающей все возможные типы, вплоть до заданного ординала α , понятие такого ординала α должно предполагаться наперед известным, т.к. оно будет явным образом присутствовать в аксиомах. С другой стороны, удовлетворительное определение трансфинитных ординалов может быть получено только в терминах той самой системы, аксиомы которой необходимо постулировать. Я не думаю, что это возражение серьезно по следующей причине: первые два или три типа уже достаточны для определения очень больших ординалов. Так, можно начать с постулирования аксиом для этих первых типов, и для этой цели никакие ординалы вообще не требуются; затем определить трансфинитный ординал α в терминах первых нескольких типов и посредством него постулировать аксиомы для системы, включающей все классы типа, меньшего α . (Назовем её S_α .) К системе S_α можно снова применить тот же самый процесс, т.е. взять ординал β , больший α , который можно определить в терминах системы S_α и посредством него постулировать аксиомы для системы S_β , включающей все типы, меньшие β , и т.д.

Место, занимаемое системой аксиом теории множеств в этой иерархии, можно с помощью свойства замкнутости охарактеризовать следующим образом: Есть два различных

способа образования типов, первый заключается в восхождении от одного типа к следующему, а второй – в сложении трансфинитных последовательностей заданных типов, что мы и проделали, сформировав ω тип. И утверждение, сделанное посредством системы аксиом теории множеств, в сущности таково, что эти две процедуры не выходят за рамки данной системы, если вторая процедура применяется только к таким последовательностям типов, которые могут быть определены в рамках самой системы. Иными словами, если M – это множество ординалов, определяемых в данной системе, и если каждому ординалу из M приписывается тип, содержащийся в системе, то тип, получаемый сложением таких типов, так же содержится в данной системе. Но было бы ошибочно предполагать, что с такой системой аксиом теории множеств мы достигли бы предела в иерархии типов. Ибо все классы, встречающиеся в этой системе, могут рассматриваться как новая область индивидов и использоваться в качестве исходного пункта для создания ещё более высоких типов. Этому процессу нет конца, и совокупность всех систем, полученных таким образом, по-видимому, образует совокупность, сходную по характеру со множеством ординалов второго ординального класса.

Итак, мы столкнулись с необычной ситуацией. Мы стремились найти формальную систему для математики, а вместо этого нашли бесконечность систем, и какую бы систему в этой бесконечности мы ни выбрали, существует более общая система, т.е. система, аксиомы которой сильнее. На практике мы можем безопасно ограничить себя одной из этих систем (например, первоначальной системой теории множеств), поскольку все математические методы и доказательства, разработанные на сегодняшний день, находятся в рамках этой системы, и, помимо некоторых теорем первоначальной теории множеств, вся разработанная на

сегодняшний день математика находится в рамках еще менее выразительных систем, включающих лишь несколько первых типов. Тем не менее, ситуация, созданная существованием бесконечности систем, каждая из которых может быть расширена, посредством дальнейших понятий и аксиом, может рассматриваться как неудовлетворительная и дискредитирующая теорию типов, которая привела к этой ситуации.

Но, по существу, эта особенность наших систем обрачивается сильным аргументом в пользу теории типов. Ибо она хорошо согласовывается с определёнными фактами, которые могут быть установлены совершенно независимо. Можно показать, что если какая-то формальная система (независимо от того, основывается она на теории типов или же нет) является непротиворечивой, то она с необходимостью ущербна в своих собственных методах доказательства. Или более точно: для любой формальной системы можно сконструировать предложение – а на самом деле предложение арифметики целых чисел, – которое является определённо истинным, если система свободна от противоречия, но которое не может быть доказано в данной системе. Если рассматриваемая система (назовем ее S) основывается на теории типов, оказывается, что для доказательства такого арифметического предложения нужен как раз следующий, более высокий тип, не содержащийся в данной системе, т.е. это предложение становится доказуемой теоремой, если в систему S добавить следующий, более высокий тип и относящиеся к нему аксиомы.

Этот факт интересен также и с другой точки зрения. Он показывает, что конструкция все более и более высоких типов не является просто зарядкой для ума, но необходима для доказательства теорем даже относительно простой структуры, а именно предложений арифметики. Под этим я понимаю следующее: я называю предложение «предло-

жением арифметики», если оно утверждает, что определенным свойством P обладают все целые числа, где P является свойством, разрешимым для каждого целого числа посредством общей процедуры. Проблема Гольдбаха, которая утверждает, что каждое четное число представимо в виде суммы двух простых чисел, является арифметическим предложением в данном смысле. В особом случае общей теоремы о существовании неразрешимых предложений в любой формальной системе утверждается, что существуют арифметические предложения, которые можно доказать лишь посредством аналитических методов и, кроме того, существуют такие арифметические предложения, которые не могут быть доказаны даже посредством анализа, но только с помощью методов, включающих очень большие бесконечные кардиналы и другие сходные понятия.

Возвращаясь к теории типов, мне кажется, что среди логиков бытует распространенное ощущение, что с этой теорией что-то не так, и должен быть другой, более удовлетворительный способ избежать парадоксов. Я считаю, что это ощущение оправдано относительно формы теории, представленной в *Principia Mathematica*. Но если исключить упомянутые мной выше избыточные ограничения, большинство возражений, выдвигаемых против этой теории, может быть снято. Например, исчезает необходимость устанавливать аксиомы отдельно для каждого типа, т.к. если отбросить ограничение на чистоту типов, можно ввести переменную, пробегающую по любому заданному множеству типов. Как я упоминал выше, теория типов, если мы понимаем ее в более общей объяснённой мной форме, всё ещё является единственным решением проблемы ограничения правил так называемой наивной логики, поскольку избегает парадоксов и сохраняет всю математику, и похоже всё так и останется. Все остальные решения,

представленные до сегодняшнего дня, либо оставались неопределенными обещаниями, т.е. не доходили до создания формальной системы, либо вели к противоречиям.

Теперь приступим ко второй части нашей проблемы, а именно к проблеме оправданности наших аксиом и правил вывода. Относительно этого вопроса необходимо сказать, что ситуация крайне неудовлетворительна. Наш формализм очень хорошо работает и совершенно не вызывает возражений, пока мы рассматриваем его как простую игру с символами. Но как только мы начинаем придавать значение нашим символам, возникают серьезные затруднения. По существу, есть три разновидности таких затруднений.

Первое связано с неконструктивным понятием существования. Другими словами, в силу аксиом наших систем нам, например, позволяется образовывать следующее предложение: «Существует целое число, имеющее определенное свойство P ». И хотя у нас нет средства установить, существует такое целое число или же нет, мы применяем закон исключенного третьего к этому предложению так, как если бы в некоторой объективной области идей данный вопрос был решен независимо от какого-либо человеческого познания. Такая трактовка ведет к необычным результатам, что и можно было бы ожидать. Например, зачастую можно доказать существование целого числа с заданным свойством, без того, чтобы это число можно было назвать или хотя бы описать процедуру, посредством применения которой мы получили это число (так называемое неконструктивное доказательство существования).

Второй слабый пункт, который ещё более серьезен, связан с понятием класса. Как я объяснил выше, общее понятие класса было исключено из наших систем и разбито на бесконечную последовательность понятий классов различных типов. Но возьмем произвольное понятие из этой последовательности, например понятие «класс первого типа».

т.е. класс целых чисел. Как таковой класс чисел, по крайней мере, если он бесконечен, можно задать только посредством характеристического свойства, принадлежащего всем его членам, понятие «класс целых чисел» по существу это то же самое, что и «свойство целых чисел», и это понятие появляется в качестве исходной идеи в наших системах. Помимо этого, слова «все» и «существует» применяются к свойствам целых чисел точно так же, как в отношении самих чисел, например закон исключенного третьего. Такие действия особенно чреваты в применении к свойствам, так как они допускают не только неконструктивные предложения о существовании, но и так называемый метод непредикативного определения, согласно которому свойство P определяется выражением следующего вида: целое число x обладает свойством P , если для всех свойств (включая P) некоторое высказывание о x является истинным. Опять-таки, как и в случае закона исключенного третьего, такой метод определения предполагает, что совокупность всех свойств существует как-то независимо от нашего познания и наших определений и что наши определения просто служат для того, чтобы выбирать определенные свойства из этих заранее существующих свойств. Если мы допускаем это, то метод непредикативного определения нам вполне подходит (на что и было указано Рамсеем), ибо определённо нет ничего предосудительного в том, чтобы характеризовать отдельный элемент заранее заданной совокупности, указывая на всю эту совокупность. Мы поступаем так, когда, например, говорим о самом высоком здании в городе.

Но, если мы считаем, что свойства *образуются* посредством наших определений, ситуация становится совершенно иной. Ибо, мы определенно попадаем в порочный круг, пытаясь образовать объект, указывая на совокупность, в которой этот объект по предположению уже присутству-

ет. Для того чтобы избежать порочного круга, Рассел был вынужден разбить понятие свойства заданного типа на бесконечное число подтипов таким образом, что свойство, включающее указание на совокупность свойств, никогда не принадлежит этой совокупности. Это приспособление позволяет избежать порочного круга, но оно также делает невозможной адекватную теорию вещественных чисел, многие фундаментальные теории которой существенно зависят от непредикативных определений.

Третий слабый пункт в наших аксиомах связан с аксиомой выбора, к деталям которой я не хочу переходить, поскольку она менее важна для развития математики.

Результатом предыдущего обсуждения заключается в том, что наши аксиомы, если их интерпретировать как осмысленные высказывания, необходимо предполагают некоторую разновидность платонизма, который не может считаться удовлетворительным ни для какого критически настроенного рассудка и который даже не добавляет уверенности в том, что они непротиворечивы. Тем не менее, по другим причинам крайне неправдоподобно, что они действительно включают противоречие. Ибо следствия спорных методов, вроде непредикативного определения, были прослежены во всех направлениях, особенно в теории множеств и теории вещественных функций, и не привели ни к каким противоречиям. Таким образом, возникает предположение, что, хотя нам не удалось придать не вызывающие возражений значения символам наших формальных систем, мы, по крайней мере, смогли бы показать, что они свободны от противоречия посредством бесспорных методов. Кажется разумным ожидать, что это возможно, поскольку высказывание, которое требуется доказать — я имею в виду высказывание о том, что данная формальная система непротиворечива — по характеру является весьма простым и не затрагивает никаких спорных понятий, вроде

«свойство целых чисел». Действительно, свобода от противоречия просто означает, что если мы начнем с определенных формул (называемых аксиомами) и применим к ним произвольное количество раз определенные операции (принятые за правила вывода), мы никогда не получим две противоречащие друг другу формулы, т.е. две формулы, одна из которых является отрицанием другой. В нашем доказательстве свободы от противоречия мы не должны заботиться о значении символов наших систем, поскольку правила вывода никогда не ссылаются на значение, и поэтому суть дела становится просто комбинаторным вопросом относительно обращения с символами согласно заданным правилам.

Конечно, главный пункт в требуемом доказательстве свободы от противоречия заключается в том, что оно должно проводиться с помощью бесспорных методов, т.е. следует строго избегать неконструктивные доказательства существования, непредикативные определения и сходные вещи, ибо именно для этих сомнительных методов как раз и требуется искомое нами оправдание. Итак, если исключить данные методы и сохранить только те вещи, которые можно сконструировать, и операции, которые действительно можно осуществить, то от математики останется лишь так называемая интуиционистская математика, а область интуиционистской математики отнюдь не столь однозначно определена, как это может показаться на первый взгляд. Ибо, определённо верно, что существуют различные понятия конструктивности и соответственно различные пласты интуиционистской или конструктивной математики. По мере восхождения в иерархии этих пластов мы приближаемся к обычной неконструктивной математике, и, в то же самое время, методы доказательства и конструкции, которые мы допускаем, становятся все менее удовлетворительными и менее убедительными. Самый

нижний из этих пластов, т.е. наиболее строгая форма конструктивной математики, можно грубо описать с помощью следующих двух характеристик:

1. Применение понятия «все» или «любой» должно ограничиваться только такими бесконечными совокупностями, для которых можно задать конечную процедуру получения всех их элементов (что, например, можно сделать для совокупности целых чисел посредством процесса образования последующего большего целого числа и нельзя – для совокупности всех свойств целых чисел).

2. Отрицание не должно применяться к предложениям, утверждающим, что нечто имеет место для всех элементов, поскольку это приводило бы к предложениям о существовании. Или, чтобы быть более точными: отрицания общих предложений (например, предложений о существовании) должны иметь значение в нашей системе только в том смысле, что мы нашли пример, но, ради краткости, не приводим его явно. То есть они служат просто в качестве сокращений и, при желании, без них можно обойтись.

Из того факта, что мы отказываемся от понятия существования и связанных с ним логических правил следует, что, по существу, мы остаёмся только с одним методом доказательства общих предложений, а именно с полной индукцией, применяемой к процессу образования наших элементов.

И, наконец, мы требуем, чтобы вводились только такие понятия, которые разрешимы для любого отдельного элемента, и только такие функции, значение которых может быть вычислено для любого отдельного элемента. Такие понятия и функции всегда могут быть определены посредством полной индукции, и поэтому мы можем сделать вы-

вод, что наша система (я буду называть её A) основывается исключительно на методе полной индукции как в своих определениях, так и в своих доказательствах. Этот метод предполагает особенно высокую степень очевидности и, следовательно, он был бы наиболее желательным, если бы свобода от противоречия обычной неконструктивной математики могла бы быть доказана методами, допустимыми в системе A . И, по существу, все попытки доказательства свободы от противоречия пытались достичь именно этого. К несчастью, с точки зрения обнаруженных недавно фактов, надежда следовать этому направлению совершенно исчезла. С достаточной степенью общности можно показать, что не существует доказательства свободы от противоречия формальной системы S , которое могло бы быть выражено в терминах самой этой системы S , т.е. которое следовало бы тем методам доказательства, которые выражимы в самой системе S . Итак, все интуиционистские доказательства, соответствующие требованиям системы A , которые когда-либо были созданы, можно легко выразить в системе классического анализа и даже в системе классической арифметики, и есть основания считать, что это будет иметь силу для любого доказательства, которое когда-либо может быть построено.

Итак, по-видимому, даже непротиворечивость классической арифметики невозможно доказать методами системы A , поскольку такое доказательство, если бы оно соответствовало правилам системы A , должно было бы выражаться в самой классической арифметике, что невозможно. Как бы то ни было, были получены интересные частные результаты, среди которых выделяется следующая теорема, доказанная Эрбраном. Если мы берем теорию, которая является конструктивной в том смысле, что каждое утверждение существования, заложенное в аксиомах, конструктивно, и если мы добавляем к этой теории неконструктив-

ное понятие существования и все относящиеся к нему логические правила, например закон исключенного третьего, то мы никогда не получим противоречия. Можно посчитать, что это как раз то, что нам нужно. Но, к несчастью, в классической арифметике мы не просто применяем правила логики (например, закон исключенного третьего) к выражениям, включающим неконструктивное понятие существования. Мы также применяем полную индукцию к этим выражениям, т.е. мы образуем свойства целых чисел посредством неконструктивного понятия существования и, чтобы доказать принадлежность этих свойств всем целым числам, применяем полную индукцию. Именно в этом пункте доказательство Эрбрана терпит неудачу. Методы Эрбрана могут быть обобщены также и для систем, принимающих разбиение Расселом типов на подтипы, но, как я отмечал ранее, для более богатых систем, включающих всю арифметику или анализ, ситуация становится безнадежной, если вы настаиваете на получении доказательства свободы от противоречия средствами самой системы A .

Если же мы взглянем на интуиционистскую математику, как она развивается Брауэром и его последователями, нам станет ясно, что они ни в коей мере не ограничивают себя системой A . Первый пункт, где они выходят за её границы, — это понятие «абсурдности». В нашей системе A мы запретили любые отрицания общих предложений или, лучше сказать, они допускались только в том смысле, что мы действительно обнаружили контрпример. Однако Брауэр вводит иное понятие отрицания общих предложений, называемое «абсурдностью», и под утверждением, что предложение p — абсурдно, он подразумевает, что из p было получено противоречие (конечно, при помощи интуиционистских методов доказательства). Может случиться, и действительно случается так, что посредством интуиционистских методов доказательства вы можете вывести про-

тиворечие из предложения «для любого x , $F(x)$ является истинным» без предоставления контрпримера, т.е. такого x , для которого $F(x)$ является ложным, так что у вас имеется прекрасная замена для неконструктивных теорем о существовании. Но и это еще не все. При более внимательном рассмотрении аксиом интуиционистской математики, как они сформулированы учеником Брауэра Гейтингом, оказывается, что для понятия абсурдности имеют силу те же самые предложения, которые выполняются для отрицания в обычной математике – по крайней мере, это верно в рамках арифметики. Поэтому, посредством понятия абсурдности, мы преуспели в задании интерпретации и, следовательно, также в доказательстве свободы от противоречия для классической арифметики, что было невозможно посредством системы А. Характер аксиом, предложенных Гейтингом относительно понятия абсурдности, можно видеть на следующем примере: $p \supset \neg\neg p$, который означает: если p доказано, то допущение $\neg p$ ведет к противоречию. Это очевидно, поскольку p и $\neg p$ уже создают противоречие. Аксиомы этого вида не нарушают тот основной принцип конструктивной математики, что осмысленно можно говорить только о тех вещах, которые можно действительно построить, и о тех операциях, которые можно осуществить. Ибо, то, что высказывается аксиомами Гейтинга, в каждом случае имеет такую форму, что на основании доказательства или *reductio ad absurdum* определенного предложения можно сконструировать доказательство или *reductio ad absurdum* некоторого другого предложения, а аксиомы таковы, что эти конструкции всегда могут быть осуществлены. Поэтому аксиомы Гейтинга, касающиеся абсурдности и сходных понятий, отличаются от системы А только тем фактом, что материалом, на котором осуществляются подобные конструкции, являются доказательства, а не числа или другие перечисленные множества матема-

тических объектов. Но уже самим этим фактом они нарушают принцип, сформулированный мной выше, что слово «любой» можно применять только к тем совокупностям, для которых у нас есть конечная процедура образования всех их элементов. Совокупность всех возможных доказательств определённо не предполагает такого характера, но, тем не менее, слово «любой» применяется к такой совокупности в аксиомах Гейтинга, как можно видеть из примера, который я привел выше и который прочитывается: «Для любого доказательства предложения p можно сконструировать *reductio ad absurdum* предложения $\neg p$ ». Совокупности, элементы которых не могут быть образованы посредством правильно определенной процедуры, в некотором смысле имеют смутные и неопределенные границы. И это возражение применимо, в частности, к совокупности интуиционистских доказательств из-за смутности понятия конструктивности. Следовательно, такое обоснование классической арифметики посредством понятия абсурдности имеет сомнительную ценность. Но остается надежда, что в будущем найдутся другие, более удовлетворительные методы конструирования, выходящие за рамки системы А, которые позволят нам обосновать на ее основе классическую арифметику и анализ. Этот вопрос обещает быть продуктивным полем для дальнейших исследований.

Курт Гёдель

РАССЕЛОВСКАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА (1942)¹

Математическая логика, которая есть нечто иное, как точная и полная формулировка формальной логики, имеет два совершенно различных аспекта. С одной стороны, это

¹ (Добавлено к более поздним изданиям статьи). Эта статья впервые была опубликована в книге: *The Philosophy of Bertrand Russell in the Library of Living Philosophers*, ed. by P.A. Schilpp, La Salle. 111. Open Court, 1942. Автор хотел бы заметить (1), что со времени первой публикации этой статьи в ряде проблем, обсуждающихся в ней, был достигнут прогресс, и поэтому данные в статье формулировки могли бы быть кое-где улучшены, и (2), что термин «конструктивистский» в этой статье использовался в строго номиналистическом виде конструктивизма, какой имеет место, например, в расселовской «не-класс-теории». Его значение, следовательно, весьма отлично от того, которое используется в текущих дискуссиях по основаниям математики, то есть от «интуиционистски допустимого» и «конструктивного» в смысле школы Гильберта. Обе эти школы основывали свои конструкции на математической интуиции, избегание которой было как раз принципиальной целью расселовского конструктивизма (см. по поводу первой альтернативы последнее предложение в сноске 24 ниже). В конструктивизме Рассела, с его точки зрения, может быть получена система конечных порядков в разветвленной иерархии без аксиомы бесконечности для индивидов. Объяснение термина «конструктивный», данное в сноске 23 ниже, следует заменить только что сделанными замечаниями.

раздел Математики, трактующий классы, отношения, комбинации символов и т. д. вместо чисел, функций, геометрических фигур и т.д. С другой стороны, это наука, предшествующая всем остальным, содержащая идеи и принципы, лежащие в основании всех наук. Именно во втором смысле математическая логика была впервые замыслена Лейбницем в его *Characteristica Universalis*, центральной частью которой она должна бы и быть. Но только почти два века спустя после его смерти его идея логического исчисления, по-настоящему достаточного для того вида размышления, которым пользуются в точных науках, была осуществлена (по крайней мере, в некоторой форме, даже если не в той, которую имел в виду Лейбниц) Фреге и Пеано². Фреге был главным образом заинтересован в анализе мысли и использовал свое исчисление в первую очередь для вывода арифметики из чистой логики. Пеано, с другой стороны, больше интересовался ее применением внутри математики и создал элегантный и гибкий символизм, который позволял выражать даже наиболее сложные математические теоремы в совершенно точной, и часто очень точной манере, единственной формулой.

Именно в русле идей Фреге и Пеано началась работа Рассела. Фреге, из-за его запутанного анализа доказательств, не продвинулся дальше наиболее элементарных свойств числового ряда, в то время как Пеано накопил огромную коллекцию математических теорем, выраженных в новом символизме, но без доказательств. И только в *Principia Mathematica* новый метод вывода большей части математики из весьма малого числа логических кон-

² Фреге, без сомнения, имеет здесь приоритет, так как его первая публикация по этому поводу, которая содержит все самое существенное, появилась на 10 лет раньше работ Пеано.

цепций и аксиом был использован по-настоящему. В дополнение к этому новая наука была обогащена новым инструментом, абстрактной теорией отношений. Исчисление отношений было развито до этого Пирсом и Шредером, но только с определенными ограничениями и слишком близкой аналогией с алгеброй чисел. В *Principia* с этой абстрактной реляционной точки зрения рассматривались не только теория множеств Кантора, но и обычная арифметика и теория измерений.

Достойно сожаления, что это первое всеобъемлющее и тщательное представление математической логики и выведение из нее Математики столь сильно грешит отсутствием формальной точности в основаниях (*1–*21 *Principia*), что является в этом отношении значительным шагом назад по сравнению с Фреге. Среди упущенного в первую очередь – это точная формулировка синтаксиса формализма. Синтаксические рассмотрения опущены даже в тех случаях, где они необходимы для убедительности доказательств, в частности в связи с «неполными символами». Эти символы вводятся не точными определениями, а правилами, описывающими то, как предложения, их содержащие, должны переводиться в предложения, их не содержащие. Для того чтобы быть уверенным в том, однако, что этот перевод возможен и однозначно определен (для какого рода выражений), и что (в какой степени) правила вывода применимы также к новому виду выражений, необходимо иметь обзор всех возможных выражений, и это может быть сделано только синтаксическими рассмотрениями. Дело становится особенно сомнительным для правила подстановки и замены определяемого символа его определением. Если это последнее правило применимо к выражениям, содержащим другие определенные символы, оно требует, чтобы порядок элиминации этих символов был безраз-

личным. Это, однако, отнюдь не всегда имеет место (так $\phi!u = u[\phi!u]$ является контрпримером). В *Principia* такая элиминация осуществляется всегда подстановкой в теоремы, согласно определениям, так что, главным образом, правило подстановки и подлежит доказательству.

Я не хочу, однако, входить в дальнейшие детали ни по поводу формализма, ни по поводу математического содержания *Principia*³ и посвящу дальнейшую часть этого очерка работе Рассела по анализу концепций и аксиом, лежащих в основании математической логики. В этой области Рассел произвел огромное число интересных идей, некоторые из них наиболее ясно представлены (или содержатся только там) в его ранних работах. Я, следовательно, буду часто ссылаться на эти ранние работы, хотя их содержание может частично расходиться с нынешней точкой зрения Рассела.

Что поражает и удивляет – так это отчетливо выраженная реалистическая позиция Рассела в этой области, что проявляется во многих пассажах его произведений: «логика имеет дело с реальным миром точно так же, как зоология, хотя с его более абстрактными и общими чертами», – говорит он, например, в его «Введении в математическую философию» (издание 1920 г., с. 169). Верно, однако, и то, что эта позиция становилась все менее решительной по ходу времени⁴ и что она всегда была сильнее в теории, нежели на практике. Когда он начинал заниматься конкретными проблемами, объекты, подлежащие анализу (например, классы или суждения), вскоре, по большей части, обраща-

³ См. в этом отношении статью Куайна в томе «Библиотеки Живущих Философов», посвященном Уайтхеду.

⁴ Приведенная выше цитата была опущена в более поздних изданиях Введения.

лись в «логические фикции». Хотя это, вероятно, вовсе не означает (в том смысле, в котором Рассел использует этот термин), что эти вещи не существуют, но только то, что мы не имеем прямого их восприятия.

Аналогия между математикой и естественной наукой используется Расселом также и в другом отношении (в одном из его более ранних произведений). Он сравнивает аксиомы логики и математики с законами природы, а логическую очевидность — с чувственным восприятием, так что аксиомы вовсе не должны быть необходимо очевидными, а их оправдание лежит (точно так же, как и в физике) в том факте, что они делают возможным дедуцирование этих самых «чувственных восприятий». Это вовсе не исключает, что они имеют некоторую внутреннюю правдоподобность, сродни той, которая имеется в физике. Я думаю, что (при условии, что «очевидность» понимается в достаточно строгом смысле) этот взгляд был подтвержден в существенной степени дальнейшим развитием, и следует ожидать, что еще больше будет подтвержден в будущем. Как оказалось (при предположении, что современная математика непротиворечива), решение определенных арифметических проблем требует предположений, существенно выходящих за пределы арифметики, т.е. области элементарной неоспоримой очевидности, которую наиболее подходящим образом можно сравнить с чувственным восприятием. Больше того, весьма вероятно, что для решения определенных вопросов абстрактной теории множеств и даже близких к ней вопросов теории реальных чисел будут необходимы новые идеи, основанные на до сих пор неизвестных идеях. Вероятно также, что кажущиеся непреодолимыми трудности, возникающие при решении некоторых других математических проблем в течение многих лет, обязаны тому факту, что

необходимые аксиомы не были найдены. Конечно, при таких условиях математика потеряет добрую часть своей «абсолютной определенности»; но под влиянием современного критицизма оснований это уже в значительной степени случилось. Имеется некоторое сходство между этой концепцией Рассела и «дополнением данных математической интуиции» у Гильберта такими аксиомами, как, например, закон исключенного третьего, который, согласно Гильберту, не дан в интуиции. Граница между данными и предположениями, однако, должна проводиться различным образом, в зависимости от того, следуем ли мы Расселу или Гильберту.

Интересным примером расселовского анализа фундаментальных логических концепций является его трактовка определенного артикля *the*. Проблема здесь такова: что так называемые дескриптивные фразы (т.е. такие фразы, как, например, «(the) автор Вэверлея» или «(the) король Англии») обозначают или означают⁵, и каково значение предложений, в которых такие фразы встречаются? Кажущийся ясным ответ, что «автор Вэверлея» означает Вальтера Скотта, ведет к неожиданным трудностям. Потому что если мы допустим кажущуюся очевидной аксиому, согласно которой значение сложного выражения, содержащего конститuenty, сами имеющие значение, зависит только от значения этих конститuent (но не от манеры, в которой это значение выражено), тогда следует, что предложение «Скотт есть автор Вэверлея» означает ту же самую вещь, что «Скотт есть Скотт». А это ведет почти неизбежно к заключению о том, что все истинные предложения имеют одно и то же значение (как, впрочем,

⁵ Я использую термин *signify*, потому что он соответствует немецкому слову *bedeuten*, которое Фреге, который первым исследовал этот вопрос, использовал в этой связи.

и ложные)⁶. Фреге действительно вывел такое заключение, и он понимал его почти в метафизическом смысле, напоминающем в чем-то доктрину «Единого» элеатов. «Истина» – в соответствии со взглядами Фреге – анализируется им как имя для общего означения всех истинных суждений⁷.

Согласно Расселу, предложениям во внешнем мире соответствуют факты. Однако он избегает термина «означает» (signify) или «обозначает» (denote) и вместо них использует «указывает» (indicate) (в ранних статьях он использует слова «выражает» (express) или «является символом для»), потому что он полагает, что отношение между предложением и фактом совершенно отлично от того, которое имеет место между именем и именуемой вещью. Далее, он использует «обозначает» (вместо «означает») для отношения между именами и вещами, так что «обозначает» и «указывает» вместе соответствуют фрегевскому *bedeuten*. Поэтому в соответствии с расселовской терминологией и взглядами истинные суждения «указывают» на факты, и соответственно ложные суждения не указывают ничего⁸.

⁶ Единственные дальнейшие предположения, которые были бы нужны для получения строгого доказательства, таковы: 1) что « $\phi(a)$ » и суждение « a есть объект, который имеет свойство ϕ и тождествен с a », означают одно и то же, и 2) что каждое суждение «говорит о чем-то», т.е. может быть приведено к форме $\phi(a)$. Далее, нужно было бы использовать тот факт, что для любых двух объектов a и b имеется истинное суждение формы $\phi(a, b)$, как, например, $a \neq b$ или $a = a \cdot b = b$.

⁷ См. «Sinn und Bedeutung», *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. Vol. 100 (1892). P. 35.

⁸ Следует отличать указание (*Bedeutung*) предложения от того, что Фреге назвал его смыслом (*Sinn*), которое концептуально соответствует объективно существующему факту (или «Истине»). От теории Рассела можно было бы ожидать возможного

Отсюда, фрегевская теория должна бы быть приложима в некотором смысле к ложным суждениям, так как все они указывают одну и ту же вещь, а именно ничто. Но различные истинные суждения могут указывать много различных вещей. Следовательно, этот взгляд относительно предложений приводит к необходимости либо опустить вышеупомянутый принцип обозначения (то есть в расселовской терминологии соответствующий обозначению и указанию), либо отрицать, что дескриптивные фразы обозначают описываемый объект. Рассел выбрал последнее⁹, приняв взгляд, что дескриптивная фраза не обозначает ничего вообще, а значима только в контексте; например, предложение «автор Вэверлея есть Скотт» определяется как значащее: «Имеется точно одно существо, которое написало Вэверлея, и кто бы ни написал Вэверлея, он является Скоттом». Это означает, что предложение, включающее фразу «автор Вэверлея», не утверждает (строго говоря) ничего о Скотте (поскольку не содержит конститuenty, обозначающей Скотта), но представляет собой косвенный путь утверждения чего-либо о концепциях, входящих в дескриптивную фразу. Рассел приводит два главных аргумента

факта (или, скорее, возможности факта), который существовал бы также в случае ложных пропозиций. Но Рассел, как он говорил, никогда не мог поверить, что такие «курьезно призрачные» вещи существуют реально. В-третьих, имеется также психологический коррелят факта, называемый «означением» [signification] и понимаемый в качестве соответствия вере в поздней книге Рассела «Исследование смысла и истины». «Предложение», в противоположность «пропозиции», используется для обозначения прямой комбинации символов.

⁹ Он не делал точного утверждения о первом взгляде, но, похоже, он справедлив для логической системы *Principia*, хотя, вероятно, более или менее без последствий.

в пользу этого взгляда, а именно: (1) что дескриптивная фраза может быть значимо использована, даже если описываемый объект не существует (например, в предложении: «Настоящий король Франции не существует»), (2) Можно вполне понять предложение, содержащее дескриптивную фразу, без знакомства с описываемым объектом, в то время как невозможно его понять, не будучи знакомым с объектом, о котором нечто утверждается. Тот факт, что Рассел не рассматривал весь вопрос об интерпретации дескрипций как вопрос простой лингвистической конвенции, но рассматривал скорее как вопрос правильности или неправильности, является другим примером его реалистической трактовки, что верно в предположении, что его интерес отнюдь не ограничивался простым психологическим исследованием действительного процесса мышления. Что касается вопроса в логическом смысле, я не могу отделаться от впечатления, что проблема, поднятая загадочным заключением Фреге, была лишь обойдена расселовской теорией дескрипций, и что имеется нечто такое в этой связи, что еще понято не полностью.

Есть один чисто формальный аспект, в котором можно отдать предпочтение расселовской теории дескрипций. Определяя значение предложений с дескриптивными фразами вышеуказанным образом, он избегает в своей логической системе любых аксиом о частице *the*, то есть аналитичность теорем о *the* становится явной; может быть показано, что они следуют из точных определений значения предложений, включающих *the*. Фреге, в противоположность этому, должен был предположить аксиому о *the*, которая, конечно, также была аналитической, но только в том неявном смысле, что она следует из значения неопределенных терминов. Тщательное рассмотрение, однако, показывает, что это преимущество теории Рассела над теорией Фреге су-

существует только до тех пор, пока определения интерпретируются как простые типографские сокращения, не вводящие имен для объектов, описываемых определениями, – особенность, свойственная как Расселу, так и Фреге.

Я перехожу сейчас к наиболее важным исследованиям Рассела в области анализа концепций формальной логики, а именно тех, которые касаются логических парадоксов и их решений. Анализируя парадоксы, к которым вела теория множества Кантора, он освободил их от всех математических деталей, таким образом, открыв тот удивительный факт, что наши логические интуиции (то есть интуиции, касающиеся таких понятий, как «истина», «концепция», «бытие», «класс» и т. д.) являются самопротиворечивыми. Затем он исследовал, где и как эти здравые предположения логики должны быть подправлены, и пришел к заключению о том, что ошибочная аксиома состоит в предположении, что для каждой пропозициональной функции существует класс объектов, ей удовлетворяющий. или что каждая пропозициональная функция существует «как отдельная сущность»¹⁰, под которой подразумевается нечто отдельное от аргумента (идея тут заключается в том, что пропозициональные функции абстрагируются от пропозиций, которые даны до того), а также нечто отличное от комбинации символов, выражающих пропозициональную функцию. Это тогда есть то, что мы называем понятием

¹⁰ В первой статье Рассела по этому предмету *On Some Difficulties in the Theory of Transfinite Numbers and Order Types* // *Proc. London Math. Soc. Series 2. Vol. 4. 1906. P. 29*. Если кто-либо хочет подвести такие парадоксы, как «лжец», под эту точку зрения, в этом случае универсальные (и экзистенциальные) суждения должны рассматриваться как включающие класс объектов, на которые они указывают.

или концепцией, определенной функцией¹¹. Существования этой концепции уже достаточно для парадоксов в их «интенциональной» форме, где концепция «неприложимости к самому себе» находит место в расселовском парадоксальном классе.

Отвергая существование класса или концепции вообще, остается определить, при каких дальнейших гипотезах (касательно пропозициональной функции) эти сущности все-таки существуют. Рассел указал (*loc. cit.*) два возможных направления, в рамках которых можно искать такие критерии, и которые названы им соответственно зигзаг-теорией и теорией ограничения размера, и которые могли бы, вероятно, быть названы более значимо интенциональной и экстенциональной теориями. Во второй теории существование класса зависит от объема пропозициональной функции (требование состоит в том, чтобы он не был слишком велик), а в первой теории оно зависит от содержания или значения функции (требование состоит в некоторого рода «простоте», точная формулировка которого будет проблемой).

Наиболее характерная особенность второй теории (по сравнению с первой) состоит в несуществовании универсального класса или (в интенциональной интерпретации) понятия «чего-либо» в неограниченном смысле. Аксиома-

¹¹ «Пропозициональная функция» (без фразы «как отдельная сущность») может быть понята как значащая пропозицию, в которой одна или несколько конститuent обозначены как аргументы. Можно считать, что пара, состоящая из пропозиции и аргумента, могла бы для всех целей играть роль «пропозициональной функции как отдельной сущности», но при этом нужно заметить, что эта пара (как одна сущность) есть опять множество или концепция и, следовательно, не обязана существовать.

тическая теория множеств, развитая позднее Цермело и другими, может рассматриваться как разработка этой идеи, насколько это касается классов¹². В частности, фраза «не слишком велик», может быть специфицирована (как показал Дж. фон Нейман¹³), как значащая следующее: не эквивалентен универсуму всех вещей, или, если быть более точным, пропозициональная функция определяет класс, тогда и только тогда, когда не существует отношения (в интенциональном случае, пропозициональной функции с двумя переменными), которое соотносит одно-однозначно каждый объект с объектом, удовлетворяющим пропозициональную функцию, и обратно. Этот критерий не появляется, однако, в качестве основания теории, а является следствием аксиом, и может быть при обращении заменен на две аксиомы (аксиома замещения и аксиома выбора).

Второй из предложенных Расселом подходов, а именно зигзаг-теория, тоже был недавно реализован в виде логической системы, которая разделяет некоторые существенные особенности этого подхода. Это система Куайна¹⁴. Вполне вероятно, что в этом направлении откроются и другие интересные возможности.

Собственно работа самого Рассела в решении парадоксов не пошла в русле указанных двух направлений, им же и

¹² С интенциональными парадоксами можно иметь дело, например, в простой теории типов или разветвленной иерархии типов, которые не включают никаких нежелательных ограничений, если их применять только к концепциям, но не классам.

¹³ См.: *Über eine Widerspruchsfreiheitsfrage in der axiomatischen Mengenlehre* // *Journal für reine und angewandte Mathematik*. Vol. 160, 1929. P. 227.

¹⁴ См.: *«New Foundations for Mathematical Logic»*, Amer. Math. Monthly. Vol. 44. P. 70.

указанных, но была основана на более радикальной идее «не-класс теории», согласно которой классы или концепции никогда не существуют в качестве реальных объектов, и предложения, содержащие эти термины, значимы только в такой степени, в какой они могут быть интерпретированы как *façon de parler*, в манере разговора о других вещах (см. стр. 26–27). Так как в *Principia* и других работах, однако, он сформулировал определенные принципы, открытые в ходе развития его теории как общие логические принципы без того, чтобы упоминать их зависимость от не-класс теории, я имею намерение рассмотреть сначала эти принципы.

Я имею в виду, в частности, принцип порочного круга, который, запрещает определенного рода «круговую» процедуру, которая и ответственна за парадоксы. Ошибочность, связанная с парадоксами, проистекает из того, что порочный круг определяет (или неявно предполагается при этом) всеобщности, чье существование должно влечь существование определённых новых элементов той же самой всеобщности, а именно элементов, определимых только в терминах полной всеобщности. Это ведет к формулировке принципа, который говорит, что «всеобщность не может содержать членов, определенных в терминах только этой всеобщности, или членов, включающих или предполагающих эту всеобщность» (принцип порочного круга). Для того чтобы сделать этот принцип применимым к интенциональным парадоксам, нужно предположить еще один принцип, а именно, что «каждая пропозициональная функция предполагает всеобщность своих значений» и, следовательно, также, всеобщность своих возможных аргументов¹⁵. [В противном случае концепция «непримени-

¹⁵ См.: *Principia Mathematica*. Vol. I. P. 39.

мости к себе» не должна предполагать всеобщности (так как она не включает квантификацию)¹⁶ и порочный круг не предотвратил бы его применения к самому себе.] Соответствующий принцип порочного круга для пропозициональных функций, который говорит, что ничего из того, что определено в терминах пропозициональной функции, не может быть возможным аргументом этой функции, является тогда следствием¹⁷. Логическая система, к которой приходят на основании этих принципов, есть теория порядков в форме, принятой, например, в первом издании *Principia*, в соответствии с которой пропозициональная функция, которая либо содержит квантификацию, указывающую на пропозициональные функции порядка n , или может осмысленно утверждаться о пропозициональных функциях порядка n , сама есть, по крайней мере, порядка $n + 1$, и область значений пропозициональных функций так же, как и область квалификации, должна быть всегда ограничена определённым порядком.

Во втором издании *Principia*, во Введении (стр. xi и xii) установлено, что «в ограниченном смысле» также и функции более высокого порядка, чем сам предикат (следовательно, также и функции, определенные в терминах предиката, например, как $\kappa \in \kappa$ в p), могут появляться как аргументы предикатов функций; и в Приложении В такие вещи случаются постоянно. Это означает, что принцип порочного круга для пропозициональных функций постоянно не соблюдается. Это изменение связано с новой аксиомой, что

¹⁶ Кванторы есть два символа ($\exists x$) и (x), означающие соответственно «существует объект x » и «для всех объектов x ». Всеобщность объектов x , на которые они указывают, называется их областью.

¹⁷ См.: *Principia Mathematica*. Vol. 1. P. 47, section IV.

функции могут входить в суждения только «через их значения», то есть экстенционально, следствием чего является то, что любая пропозициональная функция может брать в качестве аргумента любую функцию подходящего типа, чей объем является определенным (при этом неважно, какой порядок кванторов используется в определении этого объема). Нет сомнения, что против этих вещей возразить нечего, даже с конструктивистской точки зрения (см. с. 21), при условии, что кванторы всегда ограничены определенными порядками. Парадоксы избегаются простой теорией типов¹⁸, которая в *Principia* соединена с теорией порядков (что в результате дает «разветвленную иерархию»), но которая полностью от нее независима и не имеет ничего общего с принципом порочного круга (ср. с. 33).

Что касается собственно принципа порочного круга, как он сформулирован выше, следует сначала заметить, что фразам «определяемый только в терминах», «включающий» и «предполагающий» соответствуют на самом деле

¹⁸ Под простой теорией типов я понимаю доктрину, которая говорит, что объекты мысли (или, в другой интерпретации, символические выражения) разделены на типы, а именно индивиды, свойства индивидов, отношения между индивидами, свойства таких отношений и т. д. (с подобной же иерархией для объемов), а предложения формы «*a* имеет свойство ϕ », «*b* имеет отношение *R* к *c*» и т. д. бессмысленны, если *a*, *b*, *c* и *R* по типам не подходят друг к другу. Смешанные типы (такие как классы, содержащие индивиды и классы в качестве своих элементов) и, следовательно, также трансфинитные типы (такие как классы всех классов конечного типа) исключаются. Этой теории простых типов достаточно также для избегания эпистемологических парадоксов, как показывает их тщательный анализ (см. статью Рамсея, цитированную в сноске 21, и A. Tarski. *Der Wahrheitsbegriff in den formalisierten Sprachen*. Stud. phil. Vol. 1. Lemberg, 1935. P. 399).

три различных принципа, из которых второй и третий более правдоподобны, чем первый. Но он-то как раз и представляет интерес, потому что только он делает невозможными непредикативные определения¹⁹ и, следовательно, разрушает выведение математики из логики, произведенное Дедекиндом и Фреге, а кроме того, добрую часть самой современной математики. Можно показать, что формализм классической математики не удовлетворяет принципу порочного круга в первой его форме, так как аксиомы влекут существование действительных чисел, определенных в этом формализме только с обращением ко всем действительным числам. Так как классическая математика может быть построена на основании *Principia* (включающей аксиому сводимости), отсюда следует, что даже *Principia* (в первом издании) не удовлетворяет принципу порочного круга в первой форме, если «определяемый» означает «определяемый внутри системы», и нет до сих пор известных методов определения вне системы (или вне систем классической математики), за исключением таких, которые включают еще более охватывающие всеобщности, нежели те, которые входят в систему.

Я хотел бы рассматривать это как доказательство того, что скорее ложен принцип порочного круга, нежели ложна классическая математика, и это предположение правдоподобно само по себе. Во-первых, можно, на вполне здравых основаниях, отрицать, что ссылка на всеобщ-

¹⁹ Это определения объекта *a* ссылкой на всеобщность, к которой принадлежит само *a* (и, вероятно, такие вещи, определяемые только в терминах α). Например, если определить класс α как пересечение всех классов, удовлетворяющих определенному условию φ , и тогда заключить, что α есть подмножество также таких классов ι , которые определены в терминах α (при условии, что они удовлетворяют φ).

ность необходимо влечет ссылку на отдельные ее элементы, или, другими словами, что «все» означает то же самое, что бесконечная логическая конъюнкция. Можно, например, следовать предложению Лэнгфорда и Карнапа²⁰ интерпретировать «все» как означающее аналитичность, или необходимость, или доказуемость (*demonstrability*). Есть трудности в таком предположении, но нет сомнения в том, что на этом пути круговой характер не-предикативных определений исчезает.

Во-вторых, даже если «все» означает бесконечную конъюнкцию, то кажется, что принцип порочного круга в его первой форме применяется только в том случае, если сущности, о которых идет речь, сконструированы нами самими. В этом случае ясно должно существовать определение (а именно описание конструкции), которое не обращается ко всеобщности, к которой определяемый объект принадлежит, потому что конструкция вещи определено не может быть основана на всеобщности вещей, которую предстоит конструировать и к которой вещь сама принадлежит. Если, однако, речь идет об объектах, которые существуют независимо от наших конструкций, нет ничего хоть в малейшей степени абсурдного в существовании всеобщностей, содержащих члены, которые могут быть описаны (или однозначно охарактеризованы)²¹ только ссылкой на эту всеобщность²². Такое состояние

²⁰ См.: Rudolf Carnap in *Erkenntnis*. Vol. 2. P. 103; and *Logical Syntax of Language*. P. 162; and C.H. Langford. *Bulletin American Mathematical Society*. Vol. 33 (1927). P. 599.

²¹ Объект a описывается пропозициональной функцией $\varphi(x)$, если $\varphi(x)$ истинна для $x = a$ и ни для какого другого объекта.

²² См.: F.P. Ramsey. *The Foundations of Mathematics // Proc. London Math. Soc. Series 2*. Vol. 25 (1926). P. 338.

дел не противоречило бы даже второй форме принципа порочного круга, так как никто не может сказать, что объект, описываемый со ссылкой на всеобщность, «включает» эту всеобщность, хотя само описание может включать. Это не противоречило бы и третьей форме, если «предполагает» означает «предполагает для существования», но не «для познаваемости».

Поэтому представляется, что принцип порочного круга в его первой форме приложим только при принятии конструктивистской (или номиналистической) точки зрения²³ по отношению к объектам математики и логики, в частности по отношению к пропозициям, классам и понятиям, например, если понимать под понятием символ вместе с правилом преобразования предложений, содержащих символ, в такие предложения, которые его не содержат, так что отдельный объект, обозначаемый символом, оказывается просто фикцией²⁴.

Классы и концепции могут, однако, рассматриваться также и как реальные объекты, а именно классы – как «множественности вещей» или как структуры, состоящие из множественности вещей, а концепции – как свойства и

²³ Я буду использовать далее «конструктивизм» как общий термин, включающий обе точки зрения, а также те тенденции, которые включены в «не-класс теорию» Рассела.

²⁴ Можно было бы подумать, что такая концепция понятия невозможна, потому что предложения, в которые осуществляется перевод, также должны содержать понятия, и при этом получался бы бесконечный регресс. Это, однако, не предотвращает возможности утверждения указанной выше точки зрения для все более абстрактных понятий, таких как второго и более высоких типов, или на самом деле для всех понятий, за исключением примитивных терминов, которые могли бы встречаться в очень малом количестве.

отношения вещей, существующих независимо от наших определений и конструкций.

Мне кажется, что предположения о таких объектах столь же допустимы, как и предположения о физических телах, и имеется столь же много причин верить в их существование. Они в том же самом смысле необходимы для получения удовлетворительной системы математики, как физические тела необходимы для получения удовлетворительной теории наших чувственных восприятий, и в обоих случаях невозможно интерпретировать утверждения, которые делаются о таких сущностях, как утверждения о «данных», то есть в последнем случае как о чувственных восприятиях. Рассел сам заключает последнюю главу его книги *Meaning and Truth*, хотя и с некоторым «колебанием», что существуют универсалии, но кажется, он хочет ограничить это утверждение концепциями чувственного восприятия, которые не помогают логикам. Я буду в дальнейшем использовать термин «концепция» исключительно в этом объективном смысле. Одно формальное различие между двумя концепциями понятий состояло бы в том, что два любых различных определения формы $\alpha(x) = \varphi(x)$ по предположению определяют два различных понятия α в конструктивистском смысле. (В частности, это был бы случай номиналистической интерпретации термина «понятие», предложенной выше, так как два таких определения дают различные правила преобразования суждений, содержащих α .) Для концепций, наоборот, это ни в коей степени не справедливо, так как одна и та же вещь может быть описана различными путями. Может быть даже так, что аксиома экстенциональности²⁵, или нечто близкое с ней, спра-

²⁵ То есть, что нет двух различных свойств, принадлежащих точно одной вещи, что в некотором смысле есть аналог лейбницев-

ведливы для концепций. Различие может быть продемонстрировано следующим определением числа два: «Два есть понятие, под которое подпадают пары и ничего больше». Имеется определенно больше, чем одно понятие в конструктивистском смысле, удовлетворяющее этому условию, но могла бы быть одна общая «форма» или «природа» для всех пар.

Так как принцип порочного круга в его первой форме все-таки приложим к сконструированным сущностям, не-предикативные определения и всеобщность всех понятий или классов или суждений являются недопустимыми в конструктивистской логике. Непредикативное определение требует конструировать понятие через комбинацию множества понятий, к которому само вновь образующееся понятие принадлежит. Отсюда, если предпринять попытку перевода предложения, содержащего символ для такого непредикативного определенного понятия, окажется, что результат опять содержит символ для того же самого понятия²⁶. Это по крайней мере так, если «все» означает бесконечную конъюнкцию, но идея Карнапа и Лэнгфорда (упомянутая выше) не поможет тут, потому что «доказуемость», введенная в манере, совместимой с конструктивистской установкой по отношению к понятиям, даст нам разбиение на иерархию порядков, которые предотвратят получение желаемых результатов²⁷. Как показал Хвистек²⁸,

ского принципа тождества неразличимых, утверждающего, что нет двух различных вещей, имеющих точно те же самые свойства.

²⁶ См.: Carnap, loc. cit., сноска 19 выше.

²⁷ Тем не менее эта схема интересна потому, что она опять показывает конструктивность понятий, которые могут осмысленно утверждаться о понятиях произвольно высокого порядка.

²⁸ См.: Erkenntnis. Vol. 3. P. 367.

при определенных условиях, допустимых внутри конструктивистской логики, возможно даже вывести действительное противоречие из неограниченного допущения не-предикативных определений. Более точно, он показал, что система простых типов становится противоречивой, если к ней добавить «аксиому интенциональности», которая (грубо говоря) утверждает, что различные определения принадлежат разным понятиям. Эта аксиома, однако, как только что было указано, может предполагаться справедливой для понятий в конструктивистском смысле.

При разговоре о концепциях вопрос меняется полностью. Так как концепции, по предположению, существуют объективно, нет возражений ни против разговора о всех них, ни против описания некоторых из них через ссылку на все концепции (по крайней мере, все данного типа). Но, могут спросить, не является ли этот взгляд опровержимым и для концепций, потому что он ведет к «абсурду», что будут существовать свойства φ такие, что $\varphi(a)$ заключается в определенном положении дел, включающим все свойства (само φ и свойства, определенные в терминах φ), что будет означать, что принцип порочного круга не будет справедлив даже в его второй форме для концепций и суждений? Нет сомнений, что всеобщность всех свойств (или всех свойств данного типа) ведет-таки к ситуациям подобного рода, но я не думаю, что они содержат какую-либо абсурдность²⁹. Правда, что такие свойства φ [или такие

²⁹ Формальная система, соответствующая этому взгляду, должна иметь вместо аксиомы сводимости правило подстановки для описываемых функций, например в т. I «Оснований математики» Гильберта-Бернаиса, применимое к переменным любого типа, вместе с определенными аксиомами интенциональности, требуемыми концепцией свойства, которая, однако, была бы слабее, чем у Хвистека. Следует заметить, что этот взгляд не

суждения $\phi(a)$] должны содержать сами себя в качестве конститuent своего содержания или их значения, и это происходит весьма разнообразным образом из-за свойств, определенных в терминах ϕ , но это только приводит к невозможности сконструировать их значение (то есть объяснить его как утверждение о чувственных восприятиях или некоторых других концептуальных сущностях), что не является возражением для того, кто придерживается реалистической точки зрения. Не является самопротиворечивым и то, что собственная часть должна быть идентичной (а не просто равной) целому, как это видно в случае структур в абстрактном смысле. Структура ряда целых чисел, например, содержит себя как собственную часть, и легко убедиться, что существуют также структуры, содержащие бесконечно много различных частей, каждая из которых содержит целую структуру как часть. В добавление к этому существуют, даже в сфере действия конструктивистской логики, определенные приближения к этой саморефлексивности непредикативных свойств, а именно суждения, которые содержат как часть их значения не самих себя, а их собственную формальную доказуемость³⁰. Формальная доказуемость предложения влечет (если верны аксиомы и правила вывода) это предложение, и во многих случаях эквивалентно ему. Более того, несомненно существуют предложения, отсылающие к всеобщности предложений, к которой они принадлежат, как, например, предложение: «Каждое предложение (данного языка) содержит, по крайней мере, одно слово для отношений».

необходимо влечет существование концепций, которые не могут быть выражены в этой системе, если скомбинировать этот взгляд с решением парадоксов в направлении, указанном выше).

³⁰ См. мою статью в: *Monatshefte für Mathematik und Physik*. Vol. 38 (1931). P. 173, или: *Carnap R. Logical Syntax of Language*. § 35.

Конечно, этот взгляд на непредикативные свойства заставляет искать другое решение для парадоксов, в соответствии с которым ложность (то есть соответствующие ошибочные аксиомы) не заключается в предположении определенной саморефлексивности примитивных терминов, а заключается в других предположениях. Такое решение может быть найдено, по крайней мере на нынешнее состояние, в простой теории типов, и в будущем, вероятно, в развитии идей, набросанных выше. Конечно, все это относится только к концепциям. Что касается понятий в конструктивистском смысле, нет сомнения, что здесь парадоксы обязаны порочному кругу. Неудивительно, что парадоксы должны иметь разные решения для различных интерпретаций терминов.

Что касается классов, понимаемых как множественности или всеобщности, то, как мне кажется, подобным же образом, они не создаются, но просто описываются их определениями, и следовательно, принцип порочного круга в первой его форме тут неприменим. Я даже думаю, что существуют интерпретации термина «класс» (а именно как некоторого рода структур), к которым неприменима и вторая форма³¹. Но для развития всей современной математики можно даже предположить, что принцип применяется во второй форме, которая для классов, понимаемых как простые множественности, в самом деле очень правдо-

³¹ Идеи, развиваемые в этом направлении, содержатся в следующих статьях: *Mirimanoff D.*: Les antinomies de Russell et Burali-forte et le probleme fondamental de la theorie des ensembles, L'Enseignement mathematique, vol. 19 (1917), p. 37–52; Remarques sur la theorie des ensembles et les antinomies Cantorianes. L'Enseignement mathematique. Vol. 19 (1917). P. 209–17 and Vol. 21 (1920). P. 29–52. Ср., в частности: Vol. 19. P. 212.

подобное предположение. Оно тогда ведет к чему-то очень похожему на аксиоматическую систему Цермело для теории множеств, то есть множества расщепляются на «уровни» таким образом, что только множества меньших уровней могут быть элементами множеств более высоких уровней (то есть $x \in y$ всегда ложно, если x принадлежит более высокому уровню, чем y). Нет никаких причин для классов в этом смысле исключать смешение уровней в одном множестве и трансфинитные уровни. Место аксиомы сводимости занимает аксиома классов (цермеловская *Aussagerungsaxiom*), которая говорит, что для каждого уровня существует для произвольной пропозициональной функции $\varphi(x)$ множество тех x этого уровня, для которых $\varphi(x)$ истинна, и это как будто следует из концепции классов как множественностей.

Рассел выдвинул два довода против экстенционального рассмотрения классов, а именно (1) нуль-класс, который не может быть совокупностью, и (2) единичные классы, которые должны быть тождественны с единственными их элементами. Но, как мне кажется, эти аргументы могут, если они вообще верны, самое большее доказать, что нуль-класс и единичные классы (отличные от их единственного элемента) являются фикциями (введенными для упрощения исчисления, подобно введению точек на бесконечности в геометрии), а не то, что все классы являются фикциями.

Но парадоксы сподвигнули Рассела на устойчивую тенденцию строить логику, насколько это возможно, без предположения об объективном существовании таких сущностей, как классы и концепции. Это привело к формулировке вышеупомянутой «некласс-теории», в соответствии с которой классы и концепции должны быть введены как *façon de parler*. Но и позднее суждения (в частности,

включающие квантификацию)³² были включены в эту схему, которая и является не чем иным, как логическим следствием этой точки зрения, поскольку, например, универсальные суждения, как объективно существующие сущности, очевидно, принадлежат к той же самой категории идеальных объектов, как классы и концепции, и ведут к тем же самым видам парадоксов, если допущены без ограничений.

Что касается классов, то эта программа действительно выполнена, то есть правила для перевода предложений, содержащих имена классов или термин «класс», в такие предложения, которые их не содержат, были установлены точно, и основания теории, то есть область тех предложений, в которые надо осуществить перевод, ясны, так что от классов можно избавиться (в рамках системы *Principia*), но только если предположить существование концепций всякий раз там, где собираются сконструировать класс. Когда же дело касается концепций и интерпретации предложений с ними или их синонимами, ситуация никоим образом не ясна. Во-первых, некоторые из них (примитивные предикаты и отношения, такие как «красный» и «холоднее») должны, кажется, рассматриваться как реальные объекты³³; остальные (в частности, согласно второму изданию *Principia*) все понятия типа, более высокого, чем первый, и, следовательно, все интересные логические понятия рассматриваются как нечто сконструированное (то есть как

³² См.: Les paradoxes de la logique, Rev. de Metaph. et de Morale. Vol. 14 (1906). P. 627.

³³ В Приложении C к *Principia* сделан набросок способа, которым они могли бы быть сконструированы посредством определенных отношений подобия среди атомарных суждений так, чтобы эти последние остались единственными реальными объектами.

нечто не принадлежащее мировому «инвентарю»); но ни базисная область пропозиций, в терминах которой, наконец, все может быть интерпретировано, ни метод интерпретации не являются такими ясными, как в случае классов (см. ниже).

Вся эта схема не-класс теории представляет огромный интерес как один из немногих примеров детально реализованной тенденции в элиминировании предположения о существовании объектов, находящихся за пределами «данных», и заменить их конструкциями на основании этих данных³⁴. Результат в этом случае был существенно отрицательным, то есть классы и концепции, введенные таким образом, не имеют всех свойств, требуемых для их использования в математике, пока не введены специальные аксиомы о данных (например, аксиома сводимости), которая, в сущности, уже означает существование в качестве данных тех видов объектов, которые предполагается конструировать, или сделаны предположения, что можно образовывать пропозиции бесконечной (и даже несчетной) длины³⁵, то есть оперировать с истинностными функциями бесконечного количества аргументов, независимо от того, можно или нет их сконструировать. Но что такое есть подобная истинностная функция, как не специальный ее вид бесконечного объема (или структуры), и даже более сложный, чем класс, снабженный к тому же гипотетическим значением, которое может понять только бесконечный ум? Все это есть только подтверждение взгляда, защищавшегося выше, о том, что логика и математика (как и физика)

³⁴ «Данные» понимаются здесь в относительном смысле, то есть в нашем случае как логика без предположения о существовании.

³⁵ См.: Ramsey, loc. cit., сноска 21 выше.

построены на аксиомах с реальным содержанием, от которого нельзя «отделаться».

Что можно получить на основании конструктивистского подхода, так это теорию порядков (см. стр. 19); только теперь (и это есть сильная сторона теории) включенные ограничения не кажутся *ad hoc* гипотезами во избежание парадоксов, а являются неизбежными следствиями тезиса о том, что классы, концепции и квантифицируемые предложения не существуют как реальные объекты. Это не выглядит так, как если бы вселенная была разделена на порядки, а потом было запрещено говорить о всех порядках; наоборот, возможно говорить о всех существующих вещах, только среди них нет классов и концепций, и если они введены как *façon de parler*, то оказывается, что само это расширение символизма вызывает возможность введения их в более обширном виде, и так далее, неопределенно далеко. Для того чтобы осуществить эту схему, нужно, однако, предположить арифметику (или нечто эквивалентное), которая докажет, что даже эта ограниченная логика не может быть построена на пустом месте (nothing).

В первом издании *Principia*, где это был вопрос действительного построения логики и математики, конструктивистский подход был по большей части отброшен, так как аксиома сводимости для типов более высоких, чем первый, вместе с аксиомой бесконечности делают совершенно необходимым, чтобы существовали примитивные предикаты произвольно высоких типов. От конструктивистского подхода остается только: (1) введение класса как *façon de parler*; (2) определение $\sim$, $\vee$ и т. д. в применении к предложениям, содержащим кванторы, которое, кстати, показало свою плодотворность в доказательстве непротиворечивости арифметики; (3) пошаговое конструирование функций порядка более высокого, чем 1, которое, од-

нако, становится излишним из-за аксиомы сводимости; (4) интерпретация определений как простых типографских сокращений, которые делают каждый символ по определению неполным символом (не именующий объект, описанный определением). Но это последнее, по большей части, иллюзия из-за аксиомы сводимости, потому что всегда существуют реальные объекты в форме примитивных предикатов или комбинации таковых, соответствующих каждому определенному символу. Наконец, теория дескрипций Рассела также есть нечто такое, что принадлежит конструктивистскому порядку идей.

Во втором издании *Principia* (или, чтобы быть более точным, во *введении к нему*) конструктивистский подход возобновлен. Аксиома сводимости отброшена, и точно устанавливается, что все примитивные предикаты принадлежат наинизшему типу, и что единственная цель переменных (и очевидно, также констант) высших порядков и типов состоит в том, чтобы сделать возможными утверждения о более сложных истинностных функциях от атомарных суждений³⁶, что равносильно тому, что высшие типы и порядки есть только *façon de parler*. Это утверждение в то же самое время информирует нас, какого рода пропозиции лежат в основании теории, а именно истинностные функции от атомарных суждений.

Это, однако, не вызывает трудности только в том случае, когда число индивидов и предикатов конечно. В противном случае (который и представляет основной интерес для целей вывода математики) Рамсей (цит. выше) обратил внимание на нашу неспособность образовывать суждения бесконечной длины как на «просто случайную»,

³⁶ То есть суждения формы $S(a)$, $R(a, b)$ и т. д., где S , R являются примитивными предикатами и a и b – индивидами.

которая должна игнорироваться логиками. Это, конечно, решает, точнее, отсекает трудности. Но следует заметить, что если игнорировать в этом отношении различие конечного и бесконечного, существует более простая и в то же время далеко идущая интерпретация теории множеств (и следовательно, математики). А именно в случае конечного числа индивидов, согласно тонкому замечанию Рассела, утверждения о классах, которые могут быть интерпретированы как утверждения об их элементах, становятся буквально истинными, так как « $x \in m$ » эквивалентно « $x = a_1 \vee x = a_2 \vee \dots x = a_n$ », где a_1 есть элементы m , и «существует класс такой, что...» эквивалентно «существуют индивиды $x_1, x_2, \dots, x_n$ такие, что...»³⁷, при условии, что n есть число индивидов в мире и что мы на время отрицаем нуль-класс, который следует оговаривать специальным предложением. Конечно, итерацией этой процедуры мы можем получить класс классов и т. д., так что полученная логическая система будет подобна теории простых типов, за исключением того, что возможно смешение типов. Аксиоматическая теория типов кажется тогда экстраполяцией этой схемы для случая бесконечного числа индивидов или бесконечной итерации процесса образования множеств.

Точка зрения Рамсея, конечно, представляет собой все что угодно, но не конструктивистскую точку зрения, если не предположить конструкции бесконечного ума. Рассел во втором издании *Principia* взял менее метафизический курс, ограничив себя такими истинностными функциями, которые могут быть действительно сконструированы. На этом пути опять мы приходим к теории порядков, которая, однако, проявляется в новом свете, а именно как метод

³⁷ x , могут, конечно, как всегда, быть полностью или частично тождественными друг другу.

конструирования все более и более усложняющихся истинностных функций от атомарных суждений. Но эта процедура, как представляется, предполагает в той или иной форме арифметику (см. следующий абзац).

Что касается вопроса, как далеко можно продвинуться в построении математики на этой основе (без каких-либо предположений о данных, — то есть о притимивных предикатах и индивидах — за исключением, насколько это необходимо, аксиомы бесконечности), ясно, что теория действительных чисел в ее настоящей форме не может быть получена³⁸. Что касается теории целых чисел, во втором издании *Principia* утверждается, что она может быть получена. Трудность, которую надо преодолеть, состоит в том, что в определении целых чисел как «тех кардинальных чисел, которые принадлежат каждому классу, содержащему 0 и содержащему $x+1$, если он содержит x », фраза «каждый класс» должна делать ссылку на данный порядок. Поэтому получаются целые числа различных порядков, и полная индукция может быть приложима к целым числам порядка n только для свойств порядка n ; в то же время часто случается, что понятие целого числа само входит в свойство, к которому прилагается индукция. Это понятие, однако, порядка $n+1$ для целых чисел порядка n . В приложении В ко второму изданию *Principia* предлагается доказательство, что целые числа любого порядка, большего 5, являются теми же самыми, что порядка 5, что, конечно, утрясает все трудности. Доказательство, как оно там приведено, однако, не является убедительным. В доказательстве основной леммы *89.16, которая говорит,

³⁸ По поводу вопроса, как далеко может быть построена теория действительных чисел, предполагающая целые числа, см.: Hermann Weyl, *Das Kontinuum*, 1932.

что каждое подмножество α (произвольно высокого порядка)³⁹ индуктивного класса β порядка 3 само есть индуктивный класс порядка 3, индукция применяется к свойству β , включающему α [α именно, $\alpha - \beta \neq \emptyset$], которое, однако, должно читаться $\alpha - \beta \sim \varepsilon \text{Induct}_2$, потому что (3) очевидно ложно. Это свойство, однако, порядка >3 , если α порядка >3 . Поэтому вопрос, может ли (или до какой степени) теория целых чисел получена на основании разветвленной иерархии, должен рассматриваться на настоящее время как нерешенный. Следует заметить, однако, что даже в том случае, если бы был возможен положительный ответ на этот вопрос, это бы не имело особой ценности для вопроса о том, следует ли арифметика из логики, если пропозициональные функции порядка n определены как (во втором издании *Principia*) определенные конечные (хотя произвольно сложные) комбинации (кванторов, пропозициональных связок и т.д.), потому что тогда должно быть предположено понятие конечности. Этот факт затемняется тем обстоятельством, что такие сложные понятия, как «пропозициональная функция порядка n », берутся в неанализируемой форме как примитивные термины формализма и получают определение только в обыденном языке. В ответ, вероятно, может быть сказано, что в *Principia* понятие пропозициональной функции порядка n не является примитивным, не определяется в терминах понятия конечной комбинации, но, скорее, кванторы, указывающие на

³⁹ Что переменная намеренно предназначена быть неопределенного порядка, видно из дальнейшего применения *89.17 и из примечания к *89.17. Главное ее применение заключается в строке (2) доказательства *89.24, где нужна рассматриваемая лемма для того, чтобы α 'ы были произвольно высоких порядков.

пропозициональные функции порядка (все, что требуется), определяются как бесконечные конъюнкции и дизъюнкции. Но тогда должно спросить: почему не определить целые числа через бесконечную дизъюнкцию

$x=0 \vee x=0+1 \vee x=0+1+1 \vee \dots$ до бесконечности, не впадая при этом во все трудности, связанные с понятием индуктивности? Все это возражение неприменимо, если понимать под пропозициональной функцией порядка n функцию, «получаемую из таких истинностных функций от атомарных суждений, которые не предполагают в своем определении всеобщностей, за исключением пропозициональных функций порядка $<n$ и индивидов»; это понятие, однако, лишено точности.

Теория порядков оказывается более плодотворной, если ее рассматривать с чисто математической точки зрения, независимо от философского вопроса, допустимы ли непредикативные определения. Если рассматривать ее таким образом, то есть как теорию, построенную в рамках обычной математики, где допустимы непредикативные определения, нет никаких возражений против ее распространения на произвольно высокие трансфинитные порядки. Даже если отвергнуть непредикативные определения, не должно быть возражений, я полагаю, против распространения ее на такие трансфинитные ординальные числа, которые могут быть сконструированы в рамках конечных порядков. Теория сама по себе, кажется, требует такого расширения, так как оно ведет автоматически к рассмотрению функций, чьи определения ссылаются на все функции конечных порядков, и это были бы функции порядка ω . При допущении трансфинитных порядков может быть доказана аксиома сводимости. Это, однако, не способствует первоначальной цели теории, потому что ординальное число α такое, что каждая пропозициональная функция экстенционально эк-

вивалентна функции порядка α , столь велико, что оно предполагает непредикативные всеобщности. Тем не менее, на этом пути может быть сделано столь много, что все непредикативности сводятся к одному специальному виду, а именно к существованию определенного большого ординального числа (или вполне упорядоченных множеств) и значимости рекурсивного способа рассуждения для них. В частности, существование *вполне упорядоченного* множества порядка ω_1 уже недостаточно для теории действительных чисел. В дополнение эта трансфинитная теорема о сводимости позволяет доказательство непротиворечивости аксиомы выбора, канторовской континуум-гипотезы и даже обобщенной континуум-гипотезы (которая говорит, что не существует кардинального числа между мощностью некоторого произвольного множества и мощностью множества его подмножеств) с аксиомами теории множеств, как и с *Principia*.

Я сейчас займусь более детально теорией простых типов, которая появляется в *Principia* в комбинации с теорией порядков; первая, однако (как замечено выше), совершенно независима от последней, так как смешанные типы, очевидно, никоим образом не противоречат принципу порочного круга. Соответственно Рассел основывал простую теорию типов совсем на других соображениях. Ведущее соображение (в дополнение к «согласию со здравым смыслом») очень похоже на соображение Фреге, который в его системе уже предполагал теорию простых типов для функций, но не смог избежать парадоксов потому, что он оперировал с *классами* (или, скорее, с экстенциональными функциями) без всяких ограничений. Суть его состоит в том, что пропозициональная функция (благодаря *переменной, которая в нее входит*) есть нечто неоднородное (или, как говорит Фреге, нечто незавершенное,

нуждающееся в дополнении) и, следовательно, может входить в значимое суждение только таким образом, чтобы эта неоднозначность элиминировалась (например, подстановкой константы для переменной, или же квантификацией). Следствия этого таковы, что функция не может заменить индивид в суждении, потому что последнее не имеет неоднозначности, которую надо устранять, и что функции с различными видами аргументов (то есть различными неоднозначностями) не могут заменять друг друга. А это и есть сущность теории типов. Принимая более номиналистическую точку зрения (какая предположена во втором издании *Principia* и в «Исследовании смысла и истины»), можно было бы заменить «пропозицию» на «предложение» в такого рода рассматриваниях (с соответствующими дополнительными изменениями). Но в обоих случаях этот аргумент явно принадлежит к семейству идей «не-класс теории», так как в ней понятия (или пропозициональные функции) рассматриваются как нечто, сконструированное из пропозиций или предположений при условии того, что одной или несколькими их конституентам позволено оставаться неопределенными. Пропозициональные функции в этом смысле есть, так сказать, «фрагменты» пропозиций, которые сами по себе не имеют смысла, а имеют смысл только в той мере, в какой они используются для формирования суждений путем комбинирования их, что возможно, только если они «подходят» друг другу, то есть если они подходящих типов. Но следует заметить, что теория простых типов (в противоположность принципу порочного круга) не может в строгом смысле следовать из конструктивистской точки зрения, потому что можно сконструировать понятия и классы другим образом, как, например, указано выше, когда возможно смешение типов. Если, с одной стороны, рассматривать концепции как реальные объек-

ты, теория простых типов не очень-то правдоподобна, так как то, что можно было бы ожидать в качестве концепции (такой, например, как «транзитивность» или число два), будет чем-то, находящимся за пределами всех ее различных «реализаций» на разных уровнях и, следовательно, не существующим, согласно теории типов. Тем не менее, есть какого-то рода истина в этой идее реализации одной и той же концепции на разных уровнях, и можно было бы, следовательно, ожидать, что теория простых типов окажется полезной или необходимой, по крайней мере, в качестве отправного пункта для более удовлетворительной системы, – путь, который уже использовал Куайн⁴⁰. Расселовская «типовая неоднозначность» есть шаг в этом направлении. Так как, однако, она только лишь добавляет упрощающие символические конвенции к теории типов, она де факто не выходит за пределы этой теории.

Нужно отметить, что теория типов дает новую идею для решения парадоксов, особенно приспособленную к их интенциональной форме. Она заключается в том, что вина за парадоксы возлагается не на аксиому, по которой каждая пропозициональная функция определяет концепцию или класс, но на предположение, что каждая концепция дает значимое суждение, если оно утверждается для любого произвольного объекта или объектов в качестве аргументов. Явное возражение, что каждая концепция может быть расширена на все аргументы, через определение другой концепции, которая дает ложное суждение, когда исходная концепция является бессмысленной, может легко быть парировано указанием на то, что концепция «осмысленно приложима» не обязательно должна быть всегда осмысленно приложимой.

⁴⁰ Loc. cit., см. сноску 13 выше.

Теория простых типов (в ее реалистической интерпретации) может быть рассмотрена как реализация этой схемы, основанной, однако, на следующем дополнительном предположении относительно осмысленности: «Всякий раз, когда объект x может заменить другой объект y в одном осмысленном суждении, он может делать это в каждом осмысленном суждении»⁴¹. Это, конечно, имеет следствие, что объекты разделены на взаимно исключающие области значимости, и каждая область состоит из тех объектов, которые могут заменять друг друга, и что каждая концепция значима только для аргументов, принадлежащих к одной из этих областей, то есть для бесконечно малой части всех объектов. Вышеупомянутый принцип подозрителен, однако, потому что полагание его делает формулировку в качестве осмысленного суждения невозможной⁴², потому что x и y должны быть ограничены определенными областями значимости, которые могут быть теми же самыми, а могут быть и различными, и в обоих случаях утверждения не выражают принцип или даже его часть. Другое его следствие состоит в том, что тот факт, что объект x есть (или нет) данного типа, также не может быть выражен осмысленным утверждением.

Представляется невозможным, чтобы идея ограниченных областей значимости могла бы быть осуществлена без вышеупомянутого ограничительного принципа. Может даже оказаться, что возможно предположить, что каждая концепция значима повсюду, кроме определенных «сингу-

⁴¹ Рассел формулировал несколько отличный принцип, но с тем же действием, см.: *Principia*. Vol. I. P. 95.

⁴² Это возражение неприменимо к символической интерпретации теории типов, потому что здесь не имеется объектов, а есть лишь символы различных типов.

лярных точек» или «предельных точек», так что парадоксы будут аналогичны чему-то вроде деления на нуль. Такая система была бы более удовлетворительной в следующем отношении: наши логические интуиции оставались бы тогда правильными с точностью до определенных маленьких поправок, то есть они могли бы тогда рассматриваться как дающие существенно правильную, но только кое в чем расплывчатую, картину действительного состояния дел. К несчастью, эти попытки до сих пор не привели к успеху⁴³, с другой стороны, никто не доказал невозможности этой схемы, вопреки теоремам Клини и Россера о строгой противоречивости⁴⁴.

В заключение я хочу сказать несколько *слов* по вопросу о том, можно ли рассматривать (и в каком смысле) аксиомы *Principia* как аналитические. Что касается самой проблемы, то нужно заметить, что аналитичность может пониматься в двух смыслах. Во-первых, она может иметь чисто формальный смысл, что термины могут быть определены (либо эксплицитно, либо через правила элиминации их из содержащих их предложений) таким образом, что аксиомы и теоремы становятся специальными случаями закона тождества, и опровергаемые суждения становятся отрицаниями этого закона. В этом смысле даже теория целых чисел, как может быть показано, не является

⁴³ Формальная система подобного толка представлена у Church'a (См.: A Set of Postulates for the Foundation of Logic, Annals of Mathematics. Vol. 33 (1932). P. 346 and Vol. 34 (1933). P. 839), где, однако, лежащая в основе идея выражена вводящим в заблуждение утверждением, что происходит отказ от закона исключенного третьего. Как бы то ни было, система, как показано, является противоречивой. См. сноску 44.

⁴⁴ См.: Kleene S.C. and Rosser J.B. The Inconsistency of Certain Formal Logics. Annals of Math. Vol. 36 (1936). P. 630.

аналитической при условии, что от правил элиминации надо потребовать, чтобы они позволяли действительно проводить элиминацию в каждом случае в конечное число шагов⁴⁵. Опуская это условие за счет допущения, например, предложений бесконечной (и несчетной) длины как непосредственных шагов процесса редукции, все аксиомы *Principia* (включая аксиомы выбора, бесконечности и сводимости) могут, как доказано, считаться аналитическими для определенных интерпретаций.⁴⁶ Но это наблюдение имеет сомнительную ценность, потому что вся математика должна быть применима к предложениям бесконечной длины для того, чтобы доказать эту аналитичность. Например, аксиома выбора может быть доказана в качестве аналитической только в том случае, если она предполагается истинной.

Во втором смысле суждение называется аналитическим, если оно справедливо «благодаря значению концепций, которые входят в него», где это значение может быть, вероятно, неопределимым (то есть сводимым к чему-то более фундаментальному)⁴⁷. Все аксиомы *Principia* в первом издании (за исключением аксиомы бесконечности) как будто аналитичны в этом смысле для определенных интерпретаций примитивных терминов, а именно если термин «предикативная функция» заменяется либо «классом» (в экстенциональном смысле), или отказом от аксиомы выбора

⁴⁵ Потому что это бы повлекло существование разрешающей процедуры для всех арифметических суждений. См.: *Turing A.M. Proc. Lond. Math. Soc.*, vol. 42 (1936), p. 230.

⁴⁶ См. также *Ramsey F.P.* цит. выше, сноска 21, где, однако, не может быть получена аксиома бесконечности, потому что она интерпретирована так, что указывает на индивиды в мире.

⁴⁷ Два значения термина *аналитический* могли бы, вероятно, различаться как тавтологический и аналитический.

«концепций», так как ничего не может выразить лучше значение термина «класс», чем аксиома классов) и аксиома выбора, и так как, с другой стороны, значение термина «концепция» влечет, что каждая пропозициональная функция определяет концепцию⁴⁸. Трудность состоит только в том, что мы не воспринимаем концепции «концепции» и «класса» с достаточной отчетливостью, как это показывается парадоксами. Имея в виду эту ситуацию, Рассел взял курс на рассмотрение и классов, и концепций (за исключением логически неинтересных примитивных предикатов) как несуществующих, и на замену их нашими собственными конструкциями. Нельзя отрицать, что эта процедура ведет к интересным результатам, которые важны и для тех, кто придерживается противоположной точки зрения. В целом, однако, результат состоит в том, что остаются только фрагменты математической логики, если не ввести снова запрещаемые объекты в форме бесконечных суждений, или

⁴⁸ Этот взгляд не противоречит мнению, защищавшемуся выше, что математика основана на аксиомах с реальным содержанием, потому что само существование концепции, например, «класса» уже составляет такую аксиому; если, например, «класс», и « $\in$ » определяются как «концепции, удовлетворяющие аксиомам», то невозможно доказать их существование. «Концепция», вероятно, могла бы быть определена в терминах «пропозиции» (хотя я не думаю, что это было бы естественной процедурой); но тогда должны быть предположены определенные аксиомы о пропозициях, обоснованные только ссылкой на неопределенное значение этого термина. Следует заметить, что этот взгляд об аналитичности опять делает возможным, чтобы каждое математическое суждение могло бы быть, вероятно, сведено к специальному случаю $a = a$, а именно если сведение осуществляется не благодаря определению терминов, а благодаря их значению, которое никогда не может быть полностью выражено множеством формальных правил.

такими аксиомами, как аксиома сводимости, которая (в случае бесконечного числа индивидов) определенно ложна, если не предположить либо существование классов или же бесконечно многих «*qualitates occultae*». Это, как мне кажется, есть указание на то, что нужно взять более консервативный курс, который бы состоял в том, чтобы сделать значение терминов «класс» и «концепция» яснее и построить непротиворечивую теорию классов и концепций как объективно существующих сущностей. Это курс, который принят действительным развитием математической логики, и которому сам Рассел способствовал в более конструктивистской части своей работы. Главными среди попыток в этом направлении (некоторые из них упоминались в этом очерке) являются простая теория типов, а это есть система первого издания *Principia* и аксиоматическая теория множеств, обе из которых были успешны. по крайней мере, в том, что они позволили выведение в их рамках современной математики, в то же самое время избегая всех известных парадоксов. Многие симптомы, однако, показывают совершенно ясно, что примитивные концепции нуждаются в дальнейшем уточнении.

Кажется разумным подозревать, что как раз это неполное понимание оснований ответственно за тот факт, что математическая логика так и не вышла на рубеж тех больших ожиданий, которые связывали с ней Пеано и другие (в соответствии с целью Лейбница) и которые надеялись, что она облегчит труд в теоретической математике в такой же мере, в какой десятичная система чисел облегчила числовые расчеты. Но как можно ожидать решения проблем простым анализом концепций, если нашего анализа даже недостаточно для установления аксиом? Но нет нужды терять надежду. Лейбниц не говорил в своих работах о *Charateristica universalis* как об утопическом проекте; для того чтобы

мы поверили его словам, он довел до значительного уровня свое исчисление мышления, но не торопился с публикацией до тех пор, пока семена не упадут на благодатную почву⁴⁹. Он пошел столь далеко⁵⁰, что оценил время, которое было бы необходимо для того, чтобы его исчисление было развито немногими избранными учеными до такого уровня, «что человечество приобретет новый вид инструмента, увеличивающего власть разума намного больше, чем любой оптический инструмент увеличил мощь зрения». Время, которое он дал на это, было 5 лет, и он заявил, что его метод не более труден для изучения, чем математика или философия в его время. Более того, он постоянно повторял, что даже в рудиментарном состоянии, которое было свойственно его теории, она внесла вклад в его математическое открытие; а это, как и следовало ожидать, даже Пуанкаре должен признать как достаточное доказательство плодотворности теории⁵¹.

⁴⁹ Die philosophischen Schriften von G.W. Leibniz, herausgegeben von C.J. Gerhart. Vol. 7 (1890). P. 12, см. также: *Vacca G.* La logica di Leibniz (section VII), Riv. di Mat. Vol. 8 (1902–1906). P. 72, Leibniz's Samtliche Briefe und Schriften, herausgegeben von der Preussischen Akademie der Wissenschaften (1923–).

⁵⁰ Leibniz, Philosophische Schriften (ed. Gerhart). Vol. 7. P. 187.

⁵¹ Я хотел бы выразить благодарность профессору Алонзу Черчу из Принстонского университета, который помог мне найти правильные английские выражения в ряде мест.

Курт Гёдель

**НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕМЫ
В ОСНОВАНИЯХ МАТЕМАТИКИ
И ИХ СЛЕДСТВИЯ (1951)¹**

Исследования в области оснований математики за последние несколько десятков лет привели к результатам, которые с моей точки зрения представляют интерес не только сами по себе, но также и в связи с их следствиями для традиционных философских проблем о природе математики. Эти результаты, полагаю, хорошо известны, и, тем не менее, я полагаю, что будет полезно представить основные их очертания вновь, тем более что благодаря работам многих математиков они приняли более удовлетворительную форму по сравнению с исходной. Самые большие достижения были получены через точное определение кон-

¹ Перевод В.В. Целищева по изданию: *Gödel K. Some Basic Theorems on the Foundations of Mathematics and their Implications // Collected Works. Vol. III. Unpublished Essays and Lectures / S. Feferman et al., eds. N.Y., Oxford University Press, 1995. P. 304–323.*

[Доклад на заседании Американского Математического общества (Brown University, 26 декабря 1951 г., 25 сессия лектория в честь Джозая Уилларда Гиббса. В философских дискуссиях эта статья К. Гёделя часто называется Гиббсовской лекцией. – *Прим. ред.*]

цепции конечной процедуры², которое играет решающую роль в этих результатах. Есть несколько способов получения такого определения, которые, тем не менее, ведут к той же самой концепции. Наиболее удовлетворительный способ, с моей точки зрения, состоит в сведении концепции конечной процедуры к понятию машины с конечным числом частей, как это было сделано британским математиком Тьюрингом. Что касается философских следствий этих результатов, я не считаю, что они были оценены адекватно, и были лишь просто отмечены.

Метаматематические результаты, которые я имею виду, концентрируются вокруг различных аспектов одного базисного факта или же являются различными аспектами этого факта, который может быть назван незавершенностью или неисчерпаемостью математики. С этим фактом в его наипростейшей форме мы сталкиваемся, когда применяем аксиоматический метод, но не к некоторой гипотетико-дедуктивной системе, такой как геометрия (где математик может утверждать лишь условные истины теорем), но к математике собственно, то есть к совокупности тех математических утверждений, которые справедливы в абсолютном смысле, без каких-либо дальнейших гипотез. Такого рода утверждения должны существовать, поскольку в противном случае не должно существовать и никаких

² Эта концепция, с точки зрения приложений, которые будут рассмотрены в данной лекции, эквивалентна концепции «вычислимой функции на целых числах» (то есть такой, чье определение делает действительно возможным вычисление $f(n)$ для каждого целого числа n). Рассматриваемые процедуры оперируют не на числах, а на формулах, но поскольку формулы перечислены, они всегда могут быть сведены к операциям на целых числах.

гипотетических теорем. Например, *некоторые* импликации такой формы, как

Если предполагаются такие-то и такие-то аксиомы, тогда справедливы такие-то и такие-то теоремы,

должны быть истинны в абсолютном смысле. Подобным образом, любая теорема финитистской теории чисел, такая как $2 + 2 = 4$, является утверждением именно такого рода. Конечно, задача аксиоматизации собственно математики отличается от концепции аксиоматики, поскольку аксиомы не должны быть произвольными, а должны быть корректными математическими утверждениями, и больше того, очевидными, не требующими доказательства, поскольку доказательства должны начинаться с какой-то отправной точки. Однако существует масса различающихся взглядов касательно расширения собственно математики, как я определил ее. Например, интуиционисты и финитисты отвергают некоторые из ее аксиом и концепций, которые признаются другими, такие как закон исключенного третьего или же общая концепция множества.

Феномен неисчерпаемости математики³ всегда представлен в некоторой форме, независимо от принятой точки зрения. Поэтому я хотел бы объяснить его в самой простом и естественном виде, который принимает математику такой, какой она является, без урезания ее какой-либо критикой. С этой точки зрения вся математика сводима к абстрактной теории множеств. Например, утверждение, что все аксиомы проективной геометрии влекут определенную

³ Термин «математика», здесь и в дальнейшем, всегда означает «собственно математика» (что, конечно, включает формальную логику, в той степени, в какой она признается правильной с определенной точки зрения).

теорему, означает, что если множество M элементов, называемых точками, и множество N подмножеств, называемых прямыми, удовлетворяют аксиомам, тогда теорема справедлива для M и N . Или другой пример, теорема теории чисел может быть интерпретирована как утверждение о конечных множествах. Так что на кону стоит аксиоматизация теории множеств. Теперь если эта проблема решается, результат совершенно отличен от того, который ожидался. Вместо того чтобы закончить конечным перечнем аксиом, как это имеет место в геометрии, мы сталкиваемся с бесконечным рядом аксиом, которые могут расширяться все дальше и дальше, без всякого видимого конца и кажется, без какой-либо возможности собирания всех этих аксиом конечным правилом, которое бы производило их⁴. Это случается в обстоятельствах, когда в попытках избежать парадоксов теории множеств без привнесения чего-то полностью постороннего математической практике, концепция множества должна быть аксиоматизирована поэтапным образом⁵. Например, если мы начинаем с целых чисел, то есть конечных множеств специального рода, мы имеем сперва множества целых чисел и аксиомы для них (аксиомы первого уровня), затем множества множеств целых чисел с их аксиомами (аксиомы второго уровня), и так далее, для любой конечной итерации операции «множество (чего-

⁴ При аксиоматизации нематематических дисциплин, вроде физической геометрии, предполагается собственно математика, и аксиоматизация относится к содержанию дисциплины только в той степени, в какой она выходит за пределы собственно математики. Это содержание, по крайней мере, в приводимых примерах, может быть выражено конечным числом аксиом.

⁵ Эти обстоятельства в обычном представлении аксиом не проявляются прямо, но показывают себя при более тщательном рассмотрении значения аксиом.

то)» (set of)⁶. Далее, мы имеем множество всех этих множеств конечного порядка. Но теперь мы уже можем обращаться с этим множеством точно так же, как до того с множеством целых чисел, то есть рассматривать его подмножества (то есть множества порядка ω) и формулировать аксиомы об их существовании. Ясно, что эта процедура может итерироваться за пределы ω , и на самом деле, за пределы любого трансфинитного ординального числа. Так что в качестве следующей аксиомы нам потребуется, чтобы итерация была возможна для *любого* ординала, то есть для любого порядкового типа, принадлежащего некоторому вполне упорядоченному множеству. Достигаем ли при этом конца? Никоем образом. Потому что мы имеем сейчас новую операцию образования множеств, а именно образование множества из некоторого исходного множества A и некоторого вполне упорядоченного множества B применением операции «множества (чего-то)» к A столько раз, сколько на это указывает вполне упорядоченное множество B ⁷. И полагая множество B равным некоторому вполне упорядоченному множеству A , мы можем итерировать эту новую операцию, и опять итерировать ее до бесконечности. Это приводит к новой операции, с которой мы можем обращаться тем же самым образом, и так далее. Так что следующий шаг состоит в том, чтобы потребовать, чтобы лю-

⁶ Операция «множество (чего-то)» существенно та же самая операция, как и операция образования множества-степени, где множество-степень множества M есть по определению множество всех подмножеств множества M .

⁷ Для выполнения итерации можно положить $A = B$ и предположить, что любому множеству приписано специальное вполне упорядочение. Для ординалов второго порядка [предельных ординалов] (limit ordinals) всегда может быть образовано множество предыдущих множеств.

бая операция, производимая над множествами, могла итерироваться вплоть до любого ординального числа (то есть до порядкового типа вполне упорядоченного множества). Достигаем ли мы при этом конца? Нет, потому что мы требуем не только того, что только что описанная процедура могла быть осуществлена с любой операцией, но больше того, что должно существовать множество, замкнутое относительно нее, то есть что имеющее свойство, что если эта процедура (с некоторой операцией) применяется к элементам этого множества, она опять дает элементы этого множества. Я полагаю, можно уяснить, что мы все еще не находимся в конце, а также, что нет конца этой процедуре образования аксиом, потому что сама формулировка аксиом на определенной стадии приводит к возникновению следующей аксиомы. Верно, что в современной математике высшие уровни такой иерархии никогда не используются. Вполне уверенно можно сказать, что 99,9% нынешней математики содержится в первых трех уровнях этой иерархии. Так что для всех практических целей вся математика *может* быть сведена к конечному числу аксиом. Однако это обстоятельство есть результат чисто исторической случайности, которая не имеет значения к принципу. Больше того, не так уж невероятно, что такой характер нынешней математики как-то связан с другим характерным свойством математики, а именно с ее неспособностью доказать некоторые фундаментальные теоремы, например гипотезу Римана, несмотря на многолетние усилия в этом направлении. Потому что может быть показано, что аксиомы высших порядков в своей значимости никоим образом не ограничены этими множествами, а наоборот, имеют следствия даже для 0-уровня, то есть, для теории целых чисел. Если быть более точным, каждая из этих теоретико-множественных аксиом влечет решение определенных диофантовых про-

блем, которые неразрешимы на основании предыдущих аксиом⁸. Упомянутые диофантовы проблемы представляют собой следующее: Пусть $P(x_1, \dots, x_n, y_1, \dots, y_m)$ есть полином с заданными целочисленными коэффициентами и $n + m$ переменными $x_1, \dots, x_n, y_1, \dots, y_m$. Будем считать переменные x_i неизвестными, а переменные y_i параметрами. Тогда проблема состоит в следующем: имеет ли уравнение $P = 0$ целочисленные решения для любых целочисленных значений параметров, или же имеются такие целочисленные значения параметров, для которых это уравнение не имеет целочисленных значений? Каждой теоретико-множественной аксиоме может быть приписан полином P , для которого только что сформулированная проблема может быть разрешена благодаря этой аксиоме. Это даже может всегда быть достигнуто при степени полинома не выше 4. Сегодняшняя математика не научилась до сих пор использовать теоретико-множественные аксиомы для решения теоретико-числовых проблем, за исключением аксиом первого уровня. Последние действительно используются в аналитической теории чисел. Но

⁸ Эта теорема, для того чтобы быть верной и для интуиционистской или финитистской позиций, требует в качестве гипотезы непротиворечивость аксиом теории множеств, которая, конечно, самоочевидна (и следовательно, может быть опущена как гипотеза), если теория множеств рассматривается как собственно математика. Однако для финитистской математики подобная теорема справедлива и без спорных гипотез о непротиворечивости; а именно введение рекурсивных функций все более высоких порядков ведет к решению все большего числа теоретико-числовых проблем специфического рода. В интуиционистской математике имеется без сомнения аналогичная теорема для введения (новыми аксиомами) все более высоких ординалов второго числового класса.

для подлинного овладения теорией чисел этого явно недостаточно. Некоторого рода теоретико-множественная теория чисел, которую все еще предстоит открыть, сулит весьма богатые достижения.

До сих пор я пытался объяснить факт, который называю незавершаемостью математики для конкретного подхода к основаниям математики, а именно аксиоматической теории множеств. Однако то, что сам по себе факт совершенно не зависит от конкретного подхода и выбранной позиции, следует из очень общих теорем. *Первая из этих теорем просто утверждает, что независимо от того, какую вполне упорядоченную систему аксиом и правил вывода мы выбрали, всегда существуют диофантовы проблемы описанного выше типа, которые неразрешимы этими аксиомами и правилами, при одном лишь условии, что никакое ложное утверждение этого типа не является выводимым*⁹. Если я говорю здесь о вполне определенных системах аксиом и правил, то это значит только, что должно быть возможно действительно выписать аксиомы в некотором точном формализме или, если число их бесконечно, должна быть задана конечная процедура выписывания их одной за другой. Подобным же образом правила вывода должны быть таковыми, что если даны некоторые посылки, может быть записано заключение (посредством одного из правил вывода) или же должно быть осознано, что не существует непосредственного заключения с помощью соответствующего правила вывода. Это требование для правил

⁹ Это условие может быть заменено непротиворечивостью (как показано в Rosser 1936), но неразрешимые утверждения имеют при этом немного более сложную структуру. Больше того, может быть добавлена гипотеза, что аксиомы влекут примитивно-рекурсивные свойства сложения, умножения и $<$.

вывода и аксиом эквивалентно требованию, что должно быть возможно построить конечную машину, в точном смысле «машины Тьюринга», которая выпишет все следствия аксиом одно за другим. По этой причине теорема, о которой шла речь, эквивалентна факту, что не существует конечной процедуры для систематического разрешения всех диофантовых проблем означенного типа.

Вторая теорема имеет дело с концепцией избавления от противоречия. Для вполне определенной системы аксиом и правил вопрос об их непротиворечивости, конечно, является вполне определенным математическим вопросом. Больше того, так как символы и предложения любого формализма всегда перечислимы, все может быть отображено в целые числа, и правдоподобно, и на самом деле доказуемо, что вопрос о непротиворечивости может быть всегда преобразован в теоретико-числовой вопрос (если быть более точным, в вопрос одного из типов, который был описан выше). Теперь теорема утверждает, что *для любой вполне определенной системы аксиом и правил, в частности утверждение об ее непротиворечивости*¹⁰ *(или скорее эквивалентное теоретико-числовое утверждение) не является выводимым из этих аксиом и правил при условии, что эти аксиомы и правила непротиворечивы и достаточны для выведения определенной порции*¹¹ *финитистской арифметики целых чисел. Именно эта теорема делает незавершаемость математики очевидной. Потому что она делает*

¹⁰ Это одно из утверждений, которые неразрешимы при условии, что не выводимо никакое ложное теоретико-числовое утверждение (см. предыдущую теорему).

¹¹ А именно аксиом Пеано и правила определения обычной индукции с логикой, удовлетворяющей самые строгие финитистские требования.

невозможным, что можно установить определенную систему аксиом и правил и непротиворечиво делать следующее утверждение о ней: все аксиомы и правила, которые я воспринимаю (с математической определенностью) как правильные, и больше того, я верю, что они содержат всю математику. А если кто-либо делает такое утверждение, он противоречит самому себе¹². Потому что если он воспринимает аксиомы как правильные, он также воспринимает (с той же самой определенностью), что они непротиворечивы. Отсюда, он имеет математическое прозрение, которое не выводимо из его аксиом. Однако нужно проявить осторожность при попытке понять ясно значение такого состояния дел. Означает ли оно, что никакая вполне определенная система правильных аксиом не может содержать всю собственно математику? Это так, если под собственно математикой понимается система всех истинных математических утверждений; это, однако, не так, если под этим понимать систему всех доказуемых математических утверждений. Я различаю эти два значения – математика в объективном и субъективном смысле. Очевидно, никакая вполне определенная система правильных аксиом не может объять всю объективную математику, так как утверждение, которое устанавливает непротиворечивость системы истинно, но не доказуемо в системе. Однако что касается субъективной математики, никоим образом не возбраняется, что должно существовать конечное правило для произведения всех ее очевидных аксиом. Однако если такое правило существует, мы с нашим человеческим пониманием определенно не смогли бы знать его как таковое,

¹² Если он говорит только лишь «Я верю, что смогу воспринимать одно за другим как истинные» (где их число бесконечно), он не противоречит себе (см. ниже).

то есть мы никогда бы не узнали с математической определенностью, что все производимые при этом утверждения правильны¹³; другими словами, мы могли бы воспринимать как истинное только одно утверждение за другим, для любого конечного их числа. Однако утверждение, что все они истинны, могло быть известно самое большее с эмпирической определенностью, на основании достаточно числа примеров или же через другие индуктивные выводы¹⁴. Если бы это было так, это означало бы, что человеческий ум (в области чистой математики) эквивалентен конечной машине, что, однако, не позволяет понять полностью¹⁵ ее функционирование. Эта неспособность

¹³ Потому что это (или следствие относительно непротиворечивости аксиом) составило бы математическое прозрение, не выводимое из аксиом и правил, противореча предпосылке.

¹⁴ Например, вполне допустимо (хотя это находится далеко за пределами нынешнего состояния науки), что физиология мозга продвинется настолько, что можно будет знать с эмпирической определенностью:

1) что мозг достаточен для объяснения всех ментальных феноменов и является машиной в смысле Тьюринга;

2) что то-то и то-то есть точная анатомическая структура, а также физиологическое функционирование части мозга, которая отвечает за математическое мышление.

Далее, в случае принятия финитистской (или интуиционистской) точки зрения, такой индуктивный вывод мог бы основываться на (более или менее эмпирической) вере, что не-финитистская (или не-интуиционистская) математика непротиворечива.

¹⁵ Конечно, физическая работа мыслительного механизма могла бы быть полностью понята; однако прозрение, что этот конкретный механизм должен приводить к правильным (или только непротиворечивым) результатам будет превосходить мощь человеческого мышления.

человека понять себя ошибочно покажется ему безграничностью или неисчерпаемостью его ума. Но, пожалуйста, заметьте, что если бы то было так, это никоим образом не умаляет незавершаемости объективной математики. Наоборот, это делает ее еще более поразительной. Потому что если бы человеческий ум был эквивалентен конечной машине, тогда объективная математика была бы не только незавершаема в том смысле, что не содержится в любой вполне определенной аксиоматической системе; больше того, должны существовать *абсолютно* неразрешимые диофантовы проблемы описанного выше типа, где эпитет «абсолютно» означает, что они будут неразрешимыми не просто в какой-то аксиоматической системе, но и для *любого* математического доказательства, которое может постигнуть человек. Так что неизбежным становится следующее дизъюнктивное заключение: *Либо математика незавершаема в том смысле, что ее очевидные аксиомы не могут быть охвачены конечным правилом, то есть, человеческий ум (даже в области чистой математики) бесконечно превосходит возможности любой конечной машины, или же существуют абсолютно неразрешимые диофантовы проблемы обозначенного выше типа* (не исключен и третий случай, когда истинны оба члена дизъюнкции, так что есть, строго говоря, три альтернативы). Именно этот математически установленный факт, с моей точки зрения, представляет огромный философский интерес. Конечно, в этой связи важно то, что по крайней мере этот факт полностью независим от конкретных точек зрения в основаниях математики¹⁶.

¹⁶ Для интуиционистов и финитистов теорема справедлива как импликация (вместо дизъюнкции). Следует заметить, что интуиционисты всегда утверждали первый член дизъюнкции

Есть, однако, одно ограничение этой независимости, а именно, позиция должна быть достаточно либеральной, чтобы допустить осмысленность утверждения о всех числах. Если есть такие строгие финитисты, которые утверждают, что только такие конкретные утверждения как $2 + 2 = 4$ принадлежат к собственно математике¹⁷, тогда

(и отрицали второй, в том смысле, что не может существовать доказуемо неразрешимых утверждений). (Примечание редакторов сборника работ Геделя: Мы не смогли найти место в тексте, на которое ссылается здесь Гедель). Но это ничего не значит для вопроса, какая альтернатива применима к интуиционистской математике, если члены дизъюнкции понимаются в объективном смысле (отвергаемая как бессмысленная интуиционистами). Что касается финитизма, очень похоже, что первый дизъюнктивный член ложен.

¹⁷ «Импликационистская позиция» К. Менгера (см. Menger 1930a. P. 323), взятая в строгом смысле, приводит к такой установке, так как в соответствии с этой позицией единственными осмысленными математическими утверждениями (то есть в моей терминологии, единственными утверждениями, принадлежащими собственно математике) будут такие, которые утверждают, что такое-то и такое-то заключение может быть выведено из таких-то и таких-то аксиом и правил вывода в такой-то и такой-то манере. Однако это утверждение имеет точно такой же логический характер, как $2 + 2 = 4$. Некоторые из неприемлемых следствий этой позиции таковы: отрицательное утверждение, что заключение В не может быть выведено из аксиом и правил А, не будет принадлежать собственно математике; отсюда, о нем ничего не может быть известно, за исключением, вероятно, того, что оно следует из определенных аксиом и правил. Однако доказательство, что оно все же следует (так как эти другие аксиомы и правила опять-таки произвольны), никоим образом не исключает возможность, что (вопреки формальному доказательству противоположного) выводение В из А могло бы быть однажды выполнено. Также по той же са-

теорема о незавершаемости не будет применима, по крайней мере, не *эта* теорема о незавершаемости. Но я не думаю, что такая установка может утверждаться непротиворечиво, потому что это именно такого же рода свидетельства, как и те, по которым мы полагаем, что $2 + 2 = 4$, и что $a + b = b + a$ для любых двух чисел a и b . Больше того, эта позиция, для того чтобы быть непротиворечивой, должна также исключать *концепции*, которые отсылают ко *всем* целым числам, таким как «+» (или ко всем формулам, таким как «правильное доказательство по таким-то и таким-то правилам»), и заменять их другими, которые прилагаются только в рамках некоторой конечной области целых чисел (или формул). Однако следует заметить, что, хотя истинность дизъюнктивной теоремы не зависит от принятой позиции, вопрос о том, какая из альтернатив справедлива, не обязательно должна быть независимым от нее (см. сноску 15).

Я полагаю, что достаточно объяснил математический аспект ситуации и могу обратиться к философским следствиям. Конечно, вследствие неразвитого состояния философии в наши дни, мы не должны ожидать, что соответствующие выводы будут сделаны с математической строгостью.

В соответствии с дизъюнктивной формой главной теоремы о незавершаемости математики, философские следствия, с первого взгляда, также должны иметь вид дизъюнкции. Однако любая из альтернатив решительно противится материалистической философии. А именно если справедлива первая альтернатива, тогда из нее следует, что

мой причине, обычное индуктивное доказательство для $a + b = b + a$ не будет исключать возможности открытия двух целых чисел, не удовлетворяющих этому равенству.

работа человеческого ума не может быть сведена к работе мозга, который, судя по всему, есть конечная машина, состоящая из конечного числа частей, а именно нейронов и их связей. Так что приходится принять некоторого рода виталистический взгляд. С другой стороны, вторая альтернатива, где существуют абсолютно неразрешимые математические утверждения, кажется, опровергает взгляд, что математика является нашим собственным творением; ведь творец необходимо знает все свойства своего творения, потому что они не могут иметь ничего такого, чего он не дал им. Поэтому данная альтернатива, кажется, влечет, что математические объекты и факты (или, по крайней мере, *некоторые* из них) существуют объективно и независимо от наших ментальных актов и решений, то есть влечет ту или иную форму платонизма или «реализма» в отношении математических объектов¹⁸. Потому что эмпирические интерпретации математики¹⁹, то есть взгляды, что математи-

¹⁸ Не существует термина достаточной общности для того, чтобы выразить точно полученное нами заключение, которое говорит только, что объекты и теоремы математики столь же объективны и независимы от нашего свободного выбора и наших творческих актов, как и в физическом мире. Это, однако, не определяет ни в коей мере, какого рода сущностями они являются, в частности локализованы ли они в природе, или же в человеческом уме, или же ни в том, ни в другом. Эти три взгляда о природе математики в точности соответствуют трем взглядам о природе концепций, которым традиционно присваиваются названия психологизма, аристотелевского концептуализма и Платонизма.

¹⁹ То есть взгляд, что математические объекты и способ нашего познания их не отличаются существенно от физических или психических объектов и законов природы. Истинная ситуация, наоборот, состоит в том, что если предполагается объективность математики, тогда немедленно следует, что эти объекты

ческие факты являются специальным видом физических или психологических фактов, слишком абсурдны, чтобы серьезно принимать их (см. ниже). Неизвестно, является ли справедливой первая альтернатива, но в любом случае она вполне согласуется с мнением некоторых ведущих специалистов в области физиологии и мозга и нервной системы, которые решительно отрицают возможность чисто механического объяснения психических и нервных процессов.

Что касается второй альтернативы, можно возразить, что конструктору не обязательно знать *каждое* свойство того, что он конструирует. Например, мы строим машины и, тем не менее, не можем предсказать их поведение детальным образом. Но это возражение весьма слабо. Потому что мы не создаем машины из ничего, а строим их из некоторого заданного материала. Если бы ситуация была такой же в математике, тогда этот материал или основание для нашей конструкции будет чем-то объективным и заставит

должны быть полностью отличны от чувственных объектов по следующим причинам:

1. Математические утверждения, если их проанализировать правильно, оказывается, ничего не говорят об актуальностях пространственно-временного мира. Это, в частности, ясно в применении таких предложений, как: сегодня идет дождь или не идет дождь. Существование чисто концептуального знания (помимо математического), удовлетворяющего этим требованиям, не исключается этим замечанием.

2. Математические объекты известны точно, и общие законы могут распознаваться с определенностью, то есть дедуктивным, а не индуктивным выводом.

3. Они могут быть известны (в принципе) без использования чувств (то есть посредством одного лишь разума) по той самой причине, что они не касаются актуальностей, о которых чувства (включая внутреннее чувство) информируют нас, а касаются только возможностей и невозможностей.

нас принять реалистическую точку зрения, даже если определенные другие ингредиенты математики были нашим собственным творением. То же самое должно быть истинным, если в наших творениях мы использовали бы инструменты в нас, но отличные от нашего эго (такие как «разум», интерпретированный как нечто сходное с мыслящей машиной). Потому что математические факты будут тогда (по крайней мере, частично) выражать свойства этого инструмента, которые должны иметь объективное существование.

Можно в третий раз возразить, что значение утверждения обо всех целых числах, так как невозможно проверить его для всех целых чисел одно за другим, может заключаться только в существовании общего доказательства. Следовательно, в случае неразрешимого утверждения обо всех целых числах ни оно само, ни его отрицание не являются истинными. Отсюда, ни одно из них не выражает объективно существующего, но неизвестного свойства целых чисел. Я сейчас не готов обсуждать эпистемологический вопрос о том, является ли эта точка зрения вообще непротиворечивой. Видимо, нужно *сперва* понять значение утверждения, перед тем как понять его доказательство, так что значение «все» не может быть определено в терминах значения «доказательства». Но независимо от этого эпистемологического исследования я хотел бы указать, что можно предположить истинность универсального утверждения (например, я могу проверить определенное свойство *любого* данного мне целого числа), и в то же время предположить, что не существует общего доказательства этого факта. Легко вообразить ситуацию, в которой оба эти предположения будут вполне обоснованны. Для первой половины этого такая ситуация была бы, например, случаем, если бы утверждение было некоторым уравнением

$F(n) = G(n)$ с двумя теоретико-числовыми функциями, которые были бы проверены для очень больших чисел n ²⁰. Больше того, точно так же как и в естественных науках, эта *induction per enumerationem simplicem* никоим образом не является единственным индуктивным методом, приемлемым для математики. Я допускаю, что каждый математик имеет врождённую приверженность тому, чтобы придавать индуктивным аргументам большую значимость, чем просто эвристическая польза. Если математик описывает индуктивный мир просто как физик, нет никаких причин возражать против применения индуктивных методов в математике, точно так же как в физике. Факт остается фактом, что в математике мы все еще занимаем ту же позицию, как и в прежние времена в отношении ко всей науке, а именно мы пытаемся вывести все путем разумного доказательства из определений (то есть, в онтологической терминологии, из сущности вещей). Вероятно, этот метод, если он претендует на монополию, столь же неверен в математике, как и в физике.

Все это рассуждение показывает между тем, что философские следствия математических фактов не находятся

²⁰ Такая верификация равенства (но не неравенства) между двумя теоретико-числовыми функциями не слишком сложной или искусственной структуры определенно придавала бы большую вероятность их полного равенства, хотя ее численное значение не может быть оценено на современном уровне науки. Однако легко дать примеры общих утверждений, где такая вероятность может быть оценена даже сейчас. Например, вероятность утверждения, которое устанавливает, что для каждого n имеется по крайней мере одна цифра, не равная n , между n -й и n^2 -й цифрами десятичного разложения π , сходится к 1 по мере верификации все больших чисел n . Подобная ситуация также превалирует для теорем Гольдбаха и Ферма.

полностью на стороне рационалистической или идеалистической философии, и в одном отношении они свидетельствуют в пользу эмпирической точки зрения²¹. Верно, что вторая альтернатива указывает в этом направлении. Однако, и именно *этот вопрос я хотел бы обсудить сейчас*, мне кажется, что философские заключения из второй альтернативы, в частности концептуальный реализм (платонизм), поддерживаются также современным развитием оснований математики, независимо от того, какая из альтернатив верна. Главный аргумент, указывающий в этом направлении, с моей точки зрения, таков. Прежде всего, если вся математика есть наше свободное творение, неведение относительно объектов, которые мы создаем, может иметь место только из-за отсутствия ясного понимания того, что, собственно мы создаем (или же из-за практических трудностей в осмыслении запутанных вычислений). Таким образом, эта трудность должна исчезать (по крайней мере, в принципе, хотя вероятно не на практике²²), как только мы добиваемся совершенной ясности. Однако современное развитие в основаниях математики достигло невероятной степени точности, но это практически ничего не дало для решения математических проблем.

Во-вторых, активность математика мало что говорит о свободе, которой должен наслаждаться творец. Даже если, например, аксиомы о целых числах были бы свободным изобретением, все еще можно допустить, что математик, после того как он вообразил первые свойства своего объек-

²¹ Более точно это предполагает, что ситуация в математике не очень-то отлична от ситуации в естественных науках. И являются ли, в конечном счете, априоризм и эмпиризм верными, это совсем другой вопрос.

²² То есть каждая проблема должна бы быть сведена к конечным вычислениям.

та, находится в конце своей творческой способности, и не в состоянии создать по своей воле значимых теорем о нем. Если что-то вроде созданий и существует в математике, тогда то, что делает любая теорема, состоит в ограничении свободы творения. Однако то, что ограничивает творение, должно существовать независимо от творения²³.

В-третьих, если математические объекты – наши создания, тогда ясно, что целые числа и множества целых чисел должны быть двумя различными творениями, и первое не обязательно вызывает второе. Однако для того чтобы доказать определенные утверждения о целых числах, необходима концепция множества целых чисел. Поэтому здесь, для того чтобы обнаружить, какие свойства мы придали определенным объектам нашего воображения, мы должны сперва создать определённые другие объекты – в самом деле, странная ситуация!

²³ Неверно было утверждать, что эти ограничения привнесены требованием непротиворечивости, которое само по себе является свободным выбором, поскольку можно было бы выбрать как непротиворечивость, так и определенные теоремы. Не помогает и то, что теоремы только повторяют (частично или полностью) уже изобретенные свойства, потому что тогда точное понимание того, что предложено первым, было бы достаточно для решения любого вопроса теории, что опровергает первый аргумент (выше) и третий аргумент (ниже). Что касается вопроса, могут ли неразрешимые утверждения разрешаться произвольно новым актом творения, см. сноску b. [По этому вопросу в рукописи не было найдено никакой сноски. Однако рукописная аннотация к с. 29 (см. примечание g редакторов ниже, а также текстуальные примечания) все-таки содержит фразу «непрерывное творение». Это могло быть заметкой Гёделя самому себе для напоминания о том, что нужно написать что-то по этому вопросу. – *Прим. ред.*]

До сих пор сказанное мною сформулировано в терминах весьма расплывчатой концепции «свободное создание» или «свободное изобретение». Есть попытки придать более точное значение этому термину. Однако это имеет то следствие, что опровержение обсуждаемой точки зрения становится также более точным и убедительным. Я хотел бы показать это в деталях в случае наиболее точной и в то же время самой радикальной формулировки из тех, которые были даны до сих пор. Это взгляд, который интерпретирует математические утверждения как выражающие лишь определенные аспекты синтаксических (иди лингвистических) конвенций²⁴, то есть что они просто повторяют

²⁴ То есть конвенции не должны указывать на какие-то экстралингвистические объекты (как это делают наглядные определения), но должны устанавливать правила о значении или истинности символических выражений, исходя лишь из оснований их внешней структуры. Больше того, эти правила должны быть таковыми, чтобы не влечь истинность или ложность никаких фактических утверждений (так как в этом случае, они не могут избежать содержания и, стало быть, не могут быть названы синтаксическими). Однако это влечет их непротиворечивость, потому что противоречивость (в классической логике, которая и рассматривается здесь) будет иметь следствием любое фактическое утверждение. Следует отметить, что если термин «синтаксическое правило» понимается в рамках такой общности, рассматриваемый взгляд включает, в качестве некоторой детализации, формалистические основания математики, так как согласно последним математика основана исключительно на определенных синтаксических правилах типа: утверждения такой-то и такой-то структуры истинны [аксиомы], и если предложения... структуры истинны, тогда такие-то и такие-то утверждения также истинны; и больше того, как легко убедиться, доказательство непротиворечивости дает заверения, что эти правила лишены содержания, поскольку они

части этих конвенций. Согласно этому взгляду, математические утверждения, должным образом проанализированные, должны быть лишены любого содержания, как, например, утверждение «все жеребцы лошади». Все согласятся с тем, что это утверждение не выражает никакого зоологического или другого объективного факта и скорее его истинность обязана исключительно тому, что мы выбрали термин «жеребец» как сокращение для «лошадь мужского пола». Самым общим типом символической конвенции являются определения (либо точные, либо контекстуальные, и последние должны быть, однако, такими, чтобы возможно было элиминировать термин, определенный в любом контексте). Следовательно, самая простая версия рассматриваемого взгляда будет состоять в представлении, что математические утверждения истинны благодаря определениям входящих в них терминов, то есть что последо-

не влекут фактических утверждений. С другой стороны, также верно и обратное, оказывается, что осуществимость номиналистических программ влечет осуществимость формалистических программ. (По поводу очень изящных изложений философских аспектов номиналистических взглядов см.: *Carnap R. Formal Wissenschaft und Realwissenschaft // Erkenntnis. № 5. 1935, P. 30–37*). Можно было бы усомниться, входит ли этот (номиналистический) взгляд в качестве части представления, что математика есть свободное творение ума, потому что он полностью отрицает существование математических объектов. Больше того, эти два взгляда чрезвычайно близки, так как, с точки зрения одного из них, существование математических объектов заключается только лишь в их рассмотрении в мысли, а номиналисты не будут отрицать, что мы действительно воображаем (несуществующие) объекты за математическими символами и что эти субъективные идеи могли бы даже снабдить нас направляющим принципом в выборе синтаксических правил.

вательным замещением всех терминов их определениями любая теорема может быть сведена к точной тавтологии, $a = a$. (Заметим, что $a = a$ должно полагаться истинным, если приняты определения, потому что мы можем определить b через $a = b$, и тогда, согласно этому определению, заменяем b на a в этом равенстве). Но из упомянутой выше теоремы прямо следует, что такая редукция к точным тавтологиям невозможна, потому что она немедленно даст механическую процедуру для решения вопроса об истинности или ложности каждого математического утверждения. Однако такой процедуры не может существовать даже для теории чисел. Правда, такое опровержение относится только к самой простой версии (номиналистического) взгляда. Но и для более разработанных версий ситуация не лучше. Наислабейшее утверждение, которое по крайней мере могло бы быть доказуемым, в поддержку взгляда о приемлемости тавтологического характера математики, состоит в следующем: каждое доказуемое математическое утверждение может быть выведено из одних лишь правил об истинности и ложности предложений (то есть, без использования или знания чего-то еще, кроме этих правил) и не может быть получено отрицания доказуемых математических утверждений²⁵. В точно сформулированных языках такое правило (то есть правила, которые постулируют, при каких условиях данное предложение истинно) является средством определения значения предложения. Больше того, во всех известных языках есть такие предложения,

²⁵ Что касается требований непротиворечивости, см. сноску 23. [Вполне возможно, что Гедель намеревался написать новую заметку по этому вопросу. В рукописи данный нами текст пересекается с частью текста, в которой кое-что сказано о «требовании непротиворечивости», в котором он хотел, судя по всему, повторить содержание сноски 23. – *Ред.*]

истинность которых обязана одним только этим правилам. Например, если дизъюнкция и отрицание вводятся правилами:

- 1) $p \vee q$ истинно, если по крайней мере один из членов истинен,
- 2) $\neg p$ истинно, если p не истинно,

Тогда из этих правил следует, что правило $p \vee \neg p$ истинно всегда, независимо от того, каково p . (Предложения, выведенные таким образом, называются тавтологиями). И это действительно так, потому что для символизма математической логики с подходяще выбранными семантическими правилами истинность математических аксиом выводима из этих правил²⁶; однако (и в этом состоит непреодолимое препятствие) в этом выведении должны использоваться в специальных приложениях сами математические и логические концепции и аксиомы, а именно в качестве указания на символы, комбинации символов, множества таких комбинаций и т.д. Отсюда, эта теория, если она хочет доказать тавтологический характер математических аксиом, должна сначала предположить ис-

²⁶ См. *Ramsey F. The Foundations of Mathematics // Proceedings of the London Mathematical Society.* (2) 25. 1926. P. 368 и 382 и *Carnap R. The Logical Syntax of Language.* L., 1937. P. 39 и 100. Следует заметить, что Рамсей даже преуспел в сведении их к точной тавтологии $a = a$ посредством точных определений (см. сноску 24 выше), но ценой допущения предложений бесконечной (и даже трансфинитной) длины, что, конечно, влечет необходимость предположения трансфинитной теории множеств для того, чтобы иметь возможность обращаться с этими предложениями бесконечной длины, а вместо них рассматривать бесконечные множества, множества множеств и т.д. этих конечных предложений.

тинность этих аксиом. Поэтому в то время как исходная идея этой точки зрения состояла в том, чтобы сделать истинность математических аксиом понятной через демонстрацию их тавтологичности, она закончилась в точности противоположным, то есть тем, что сначала нужно предположить истинность аксиом и уж затем, может быть, показать, в подходяще выбранном языке, что они являются тавтологиями. Больше того, подобное утверждение равно верно и для математических концепций, то есть взамен определения их значения посредством символических конвенций нам надо сначала понять их значение, для того чтобы понять эти синтаксические конвенции, или доказать, что они влекут именно математические аксиомы, а не их отрицания. Ясно, что эта разработка номиналистического взгляда не требует выполнения требования, изложенного ранее в этом абзаце, не из-за одних лишь синтаксических правил, но из-за всей используемой математики в добавлении к этим выводам. Но больше того, такая разработка номинализма дает прямое его *опровержение* (я должен признаться, что не могу описать лучшего опровержения этого взгляда, чем его доказательство), при условии добавления одной вещи, а именно, что описанный результат неизбежен (то есть независим от конкретного символического языка и выбранной интерпретации математики). Для опровержения обсуждаемого взгляда достаточно доказательства не точно этого, но нечто близкого к этому. А именно из метатеорем, упомянутых выше, следует, что доказательство тавтологического характера (в подходящем языке) математических аксиом есть в то же самое время доказательство их непротиворечивости и не может быть достигнуто более *слабыми* средствами доказательства, чем те, которые содержатся в самих аксиомах. Это не означает, что

в доказательстве непротиворечивости должны быть использованы *все* аксиомы данной системы. Напротив, обычно требуемые аксиомы находятся вне системы, и они делают возможным избавления от некоторых аксиом системы (хотя они не влекут последних)²⁷. Однако с практической определенностью можно сказать следующее: для того чтобы доказать непротиворечивость классической теории чисел (а fortiori всех более сильных систем), нужно использовать определенные *абстрактные* концепции (и явно очевидные аксиомы, соотносящиеся с ними), где под «абстрактными» понимаются концепции, которые не указывают на чувственные объекты²⁸ и пред-

²⁷ Например, может быть доказана непротиворечивость любой аксиоматической системы S теории множеств, принадлежащая ряду теорий, упомянутых в начале этой лекции, включая аксиому выбора, посредством аксиомы следующего порядка (или посредством аксиомы, которая совместима с S) без аксиомы выбора. Подобным же образом не является невозможным, что может быть доказана непротиворечивость аксиом низших порядков этой иерархии посредством аксиом высших порядков, однако с такими ограничениями, которые были бы приемлемы для интуиционистов.

²⁸ Примерами таких концепций являются «множество», «функции от целых чисел», «доказуемость» (последнее в неформалистском смысле «известное как истинное»), «выводимое» и т.д., и наконец, «имеется», указывающее на все *возможные* комбинации символов. Необходимость таких концепций для доказательства непротиворечивости классической математики следует из того факта, что символы могут быть отображены в целые числа, и следовательно, финитистская (и а fortiori, классическая) теория чисел содержит все доказательства, основанные исключительно на них. Свидетельства для этого факта не являются абсолютно заключительными, потому что очевидные аксиомы, соотносящиеся с рассматриваемыми не-абстракт-

ставлены символами специального рода. Однако эти абстрактные концепции определенно не являются синтаксическими [скорее они являются теми сущностями, синтаксическое обоснование которых должно быть главной задачей номинализма]. Отсюда следует, что не существует рационального обоснования наших докритических вер относительно применимости и непротиворечивости классической математики (ни даже их самого верхнего уровня, теории чисел) на основании синтаксической интерпретации. Верно, что это утверждение не применимо к определенным подсистемам классической математики, которые могут даже содержать некоторую часть теории соответствующих абстрактных концепций. В этом смысле номинализм может рассчитывать на некоторый частичный успех, потому что действительно можно обосновывать аксиомы этих систем чисто синтаксическими рассмотрениями. В этой манере, например, использование концепций «все» и «имеется», с указанием целых чисел, может быть обоснованно (то есть доказана их непротиворечивость) посредством синтаксических рассмотре-

ными концепциями, исследованы еще недостаточно. Однако сам этот факт признается многими ведущими формалистами; см.: Bernays P. Sur les questions methodologiques acuelles de la theorir hilbertienne de la demonstration // Les entretiens de Zurich. 6–9 decembre 1938 /ed. Gonseth F. 1941. P. 144, 147; Bernays H. Sur le platonisme dans mathematiques // L'enseignement mathematique. 34. 1935. P. 68, 69; Bernays H. Quelques points essentiels de la metamathematique // Ibid. P. 94; Bernays P. Zur Beurteilung der Sutation in der beweistheoretischen Forschung // Revue international de philosophie. 8. 1954. P. 2; также Gentzen G. Unendlichkeitsbegriff und Widerspruchsfreiheit der Mathematik // Travaux du IX Congres International de Philosophie. Vol. VI: Actualites scientifiques et industrielles 535. Paris, 1937. P. 203.

ний. Однако для наиболее существенной теоретико-числовой аксиомы, полной индукции, такое синтаксическое обоснование, даже в пределах возможного, не дает обоснования нашей докритической веры в него, так как сама эта аксиома должна использоваться в синтаксических рассматриваниях²⁹. Тот факт, что чем более вы скромны в аксиомах, для которых вы хотите установить тавтологическую интерпретацию, тем меньше математики требуется для этого, имеет то следствие, что если вы, наконец, становитесь столь скромным, что ограничиваете себя областью конечных целых чисел, например целыми числами до 1000, тогда математические утверждения, значимые в этой области, могут быть так интерпретированы, чтобы быть тавтологическими даже в самом строгом смысле, то есть сводимыми к точным тавтологиям посредством точных определений терминов. Это не вызывает удивления, потому что часть математики, необходимая для доказательства непротиворечивости этой финитной математики, содержится уже в теории конечных комбинаторных процессов, которые необходимы для того, чтобы свести формулу к точным тавтологиям через подстановки. Это объясняет хорошо известный, но толкуемый неверно факт, что $5 + 7 = 12$, может, посредством

²⁹ Поднятые здесь возражения против синтаксического основания теории чисел существенно те же, что Пуанкаре выдвигал как против Фреге, так и против Гильберта в вопросе об обосновании теории чисел. Однако это возражение не проходит против Фреге, потому что предполагавшиеся им логические концепции и аксиомы не содержат явно концепции «конечного многообразия» с ее аксиомами, в то время как для установления синтаксических правил необходимы грамматические концепции и рассмотрение и установление их тавтологического характера.

некоторых определений, быть сведено к точным тавтологиям. Этот факт, между прочим, неверно толкуется по причине того, что в таких сведениях (если они должны интерпретироваться как простые подстановки определяющего для определяемого на основании точных определений), $+$ не тождествен обычному $+$, потому что он может быть определен только для конечного числа аргументов (перечислением этого конечного класса случаев). Если, с другой стороны, $+$ определен контекстуально, тогда нужно использовать концепцию конечного многообразия уже в доказательстве $2 + 2 = 4$. Подобный логический круг встречается в доказательстве того, что $p \vee \neg p$ у тавтология, потому что дизъюнкция и ее отрицание, в их интуитивном значении, очевидно входят в нее.

Сущность этого взгляда состоит в том, что не существует такой вещи, как математический факт, что истинность утверждений, которые, как мы полагаем, выражают математический факт, означают только, что (благодаря скорее запутанным правилам, которые определяют значение утверждений, то есть определяют, при каких условиях данное утверждение истинно) в этих утверждениях имеет место праздное употребление языка, в том смысле, что правила делают их истинными независимо от содержания самих фактов. Такие утверждения могут правильно считаться лишенными содержания. Вполне возможно на самом деле построить язык, в котором математические утверждения лишены содержания в этом смысле. Единственная проблема состоит в том, что:

1. Он должен использовать те же самые математические факты (или равно сложные другие математические факты), для того чтобы показать, что они не существуют.

2. Этим методом, если дано разбиение эмпирических фактов на две части, А и В, такое, что В ничего не влечет в А, может быть сконструирован язык, в котором утверждения, выражающие В, будут лишены содержания. И если ваш оппонент скажет: «Вы произвольно игнорируете некоторый наблюдаемый факт В», ему можно ответить: «Но вы делаете то же самое, например, с законом полной индукции, который я воспринимаю как истинный на основании моего понимания (то есть восприятия) концепции целого числа».

Однако мне кажется, что один ингредиент этой неверной теории математической истины полностью правилен и на самом деле раскрывает истинную природу математики. А именно верно, что математическое утверждение ничего не говорит о физической или психической реальности, существующей в пространстве и времени, потому что оно истинно уже благодаря значению терминов, входящих в него, независимо от мира реальных вещей. Однако неверно, что значения терминов (то есть концепций, которые термины обозначают) представляют собой нечто созданное человеком (*man-made*) и заключаются просто в семантических конвенциях. Истина, я полагаю, состоит в том, что эти концепции образуют свою собственную объективную реальность, которую мы не можем создавать или изменять, но можем лишь воспринимать и описывать³⁰.

³⁰ Это равно справедливо для тех частей математики, которые *могут* быть сведены к синтаксическим правилам (см. выше), потому что эти правила основаны на идее конечного многообразия (а именно конечной последовательности символов), и эта идея и ее свойства полностью независимы от нашего сво-

Следовательно, математическое утверждение, хотя оно ничего и не говорит о пространственно-временной реальности, все еще может иметь солидное объективное содержание в той степени, в какой оно говорит нечто об отношении концепций. Существование не-«тавтологических» отношений между концепциями математики проявляется прежде всего в таком обстоятельстве, когда должны предполагаться аксиомы для примитивных терминов математики, и аксиомы эти ни коим образом не означают тавтологий (в смысле сведения к $a = a$), но все еще следуют из значения примитивных терминов. Например, базисная аксиома, или скорее, аксиомная схема для концепции целых чисел говорит, что если задано вполне определенное свойство целых чисел (то есть, пропозициональное выражение $\varphi(n)$, с целочисленным значением n), существует множество M этих чисел, которое имеет свойство φ . Теперь, рассматривая то обстоятельство, что φ само может содержать термин «множество целых чисел», мы обнаруживаем, что имеем ряд включенных в рассмотрение аксиом о концепции множества. Тем не менее, эти аксиомы (как показывают упомянутые выше результаты) не могут быть сведены к чему-то существенно более простому и уж тем более к точным тавтологиям. Верно, что эти аксиомы значимы благодаря значению термина «множество» — можно было бы даже сказать, что они выражают само значение термина «множество» — и, следовательно, они могли бы быть подходяще названы аналитическими. Однако термин «тавтологический», то есть лишенный содержания, для них просто не-

бодного выбора. На самом деле, их теория эквивалентна теории целых чисел. Возможность такого конструирования языка, в которую будет входить эта теория в форме синтаксических правил, ничего не доказывает.

уместен, потому что даже утверждение о существовании концепции множества, удовлетворяющего этим аксиомам (или о непротиворечивости этих аксиом), столь далеко от того, чтобы быть пустым, что оно не может быть доказано без повторного использования самой концепции множества, или некоторой другой абстрактной концепции подобной природы.

Конечно, этот конкретный аргумент адресован только математикам, которые допускают в собственно математику общую концепцию множества. Для финитистов, однако, буквально тот же самый аргумент может быть задействован для концепции целого числа и аксиомы полной индукции. Потому что если общая концепция множества не допускается в собственно математику, тогда полная индукция предполагается в качестве аксиомы.

Я хотел бы повторить, что «аналитический» тут означает скорее не «истинный благодаря нашим определениям», а «истинный благодаря природе концепций», в противоположность «истинный благодаря свойствам и поведению вещей». Эта концепция аналитического столь далека от значения «лишенного содержания», что полностью возможно, что аналитическое утверждение могло бы быть неразрешимым (или разрешимым с определенной вероятностью). Потому что наше знание мира концепций может быть ограничено и неполно, как и знание мира вещей. Определенно нельзя отрицать, что это знание в определенных случаях не только не полно, но и даже вряд ли распознаваемо. Это случается в парадоксах теории множеств, которые часто считаются опровержением платонизму, и как я полагаю, совершенно неоправданно. Наше визуальное восприятие иногда противоречит нашим тактильным ощущениям, например в случае палки, опущенной в воду, но никто в здравом уме не будет

заключать из этого факта, что не существует внешнего мира.

Я с умыслом говорю о двух отдельных мирах (мир вещей и мир концепций), потому что я не считаю приемлемым аристотелевский реализм (в соответствии с которым концепции являются частями или аспектами вещей).

Конечно, я не утверждаю, что такого рода рассуждения равносильны реальному доказательству этого взгляда о природе математики. Самое большее, что я могу утверждать, состояло бы в опровержении номиналистического взгляда, который рассматривает математику как состоящую лишь из синтаксических конвенций и их следствий. Больше того, я выдвинул сильные аргументы против более общего взгляда, что математика есть наше собственное творение. Однако есть и другие альтернативы платонизму, в частности психологизм и аристотелевский реализм. Для установления платонистского реализма эти теории следует опровергнуть одну за другой, и в этом случае будут исчерпаны все возможности. Я не в состоянии сделать это, однако я хотел бы наметить основные моменты в этом направлении. Одна возможная форма психологизма допускает, что математика исследует взаимоотношения концепций и что концепции не могут быть созданы по нашей воле, но даны нам в реальности, которую мы не можем изменить. Однако этот психологизм предполагает, что эти концепции являются психологическими установками, то есть что они есть не что иное, как колесики нашей думающей машины, если можно так выразиться. Если быть более точным, концепция будет заключаться в установке

1. Иметь определенный ментальный опыт, когда мы думаем о ней.

и

2. Обрести определенные суждения (или иметь определенный опыт прямого знания) о соотношении концепций с другими концепциями и эмпирическими объектами.

Сущность такого психологического взгляда состоит в том, что объект математики есть не что иное, как психологические законы, по которым мысли, убеждения и т. д. являются событиями в нас, в том же самом смысле, в каком объект другой части психологии представляет собой законы, согласно которым нами овладевают эмоции. Главное возражение этому взгляду, как я понимаю в настоящее время, состоит в том, что если он верен, мы не могли бы вовсе иметь математического знания. Мы не могли бы, например, знать, что $2 + 2 = 4$, и могли бы претендовать только на то, что наш ум так устроен, что мы считаем это утверждение верным, и тогда не было бы никакой причины того, почему бы согласно некоторому другому ходу мысли мы не могли бы прибыть к противоположному заключению с такой же степенью определенности. Отсюда, всякий, кто считает, что существует область, какой бы малой она ни была, *математических* утверждений, которые мы *знаем* как истинные, не может принять этот взгляд.

Я нахожусь под впечатлением, что после достаточного прояснения упомянутых концепций будет возможно проводить подобные обсуждения с математической строгостью и что в результате (при определенных предположениях, которые едва ли можно отрицать, в частности, при предположении, что вообще существует нечто вроде математического знания) платонистский взгляд есть единственная приемлемая альтернатива. Тем самым, я утверждаю, что математика описывает нечувственную реальность, ко-

торая существует независимо от действий и диспозиций человеческого ума и воспринимается лишь, вероятно весьма неполным образом человеческим умом. Этот взгляд скорее непопулярен среди математиков, но есть такие великие математики, которые придерживались его. Например, Эрмит написал следующее:

«Существует, если я не ошибаюсь, целый мир, состоящий из тотальности всех математических истин, которые доступны нам только через наш разум, точно так же как существует мир физических реальностей; каждый из них независим от нас, и оба сотворены божественно»³¹.

³¹ См.: *Darboux G. Eloges academiques et discours*. Paris, 1912. Этот пассаж продолжается так: «Они кажутся различными только лишь в силу слабости нашего ума. Но для более мощного интеллекта они оказываются одним и тем же, синтез которых раскрывается в замечательном соответствии, с одной стороны, абстрактной математики, и с другой стороны, астрономии и всех ветвей физики».

Здесь Эрмит, судя по всему, склонен к аристотелевскому реализму. Однако он делает это только фигурально, так как платонизм остается единственной концепцией, постижимой для человеческого ума.

Курт Гёдель

**СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ
ОСНОВАНИЙ МАТЕМАТИКИ
В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ (1961)¹**

Я хотел бы здесь представить в терминах философских концепций развитие в области оснований математики приблизительно с начала века и поместить его в общую схему возможных философских глобальных взглядов (world-view, Weltanschauungen). Для этой цели необходимо прежде всего иметь ясность относительно самой схемы. Полагаю, что самый полезный принцип в получении такой общей картины на возможные философские глобальные взгляды состоит в разделении по степеням их близости к метафизике (или религии) или же отдаленности от них. На этом пути мы немедленно получаем деление на две группы: скептицизм, материализм и позитивизм, на одной стороне, и спиритуализм, идеализм и теологию – на другой. Мы также видим сразу различные степени в этой последовательности,

¹ Перевод В.В. Целищева по изданию: *Gödel K. Some Basic Theorems on the Foundations of Mathematics and their Implications // Collected Works. Vol. III: Unpublished Essays and Lectures / S. Feferman et al., eds. N.Y., Oxford University Press, 1995. P. 374–387.* (Немецкий оригинал и английский перевод).
[Рукопись статьи датирована 1961 годом и, судя по всему, была подготовлена в качестве лекции, которую читают новые члены Американской философской ассоциации. – *Прим. ред.*].

например в том, что скептицизм находится даже в большем отдалении от теологии, чем материализм, в то время как идеализм, в частности, в его пантеистической форме представляет собой ослабленную форму теологии в ее собственном смысле.

Схема оказывается полезной и для анализа философских доктрин, используемых в специальных контекстах таким образом, что либо они выстраиваются в этой манере или же в смешанных случаях схема позволяет выявить их материалистические и спиритуалистские элементы. Так, можно, например, сказать, что априоризм помещается в принципе на правой стороне, а эмпиризм – на левой. С другой стороны, существуют также смешанные формы, такие как эмпирически обоснованная теология. Далее, можно видеть, что оптимизм помещается в принципе на правой стороне, а пессимизм – на левой. Потому что скептицизм есть определенно пессимизм в отношении знания. Больше того, материализм склонен считать мир неупорядоченной и, следовательно, бессмысленной грудой атомов. В дополнение к этому, смерть согласно материализму считается полным и окончательным уничтожением, в то время как теология и идеализм усматривают цель и разум во всем. С другой стороны, пессимизм Шопенгауэра представляет собой смешанную форму, а именно пессимистический идеализм. Другим примером теории, явно располагающейся справа, является теория объективного права и объективных эстетических ценностей, в то время как интерпретация этики и эстетики, исходя из обычаев, воспитания и пр., располагается слева.

Сейчас общеизвестным фактом, практически банальностью, стало то, что развитие философии со времени Возрождения по большому счету идет справа налево – не по прямой, с возвратами, все же в целом именно в этом

направлении. В частности, в физике это развитие достигло пика в наше собственное время, и проявляется это в том, что, по большому счету, отрицается возможность знания объективированных состояний дел и утверждается вместо этого, что мы должны довольствоваться предсказанием результатов наблюдения. Это на самом деле есть конец всех теоретических наук в обычном смысле слова (хотя такие предсказания опыта могут быть вполне достаточны для практических целей, таких как сооружение телевизионной сети или конструирования атомной бомбы).

Было бы настоящим чудом, если бы это (я бы сказал, яростное) развитие не начало также ощущаться в концепции математики. На самом деле, математика, по своей природе как априорная наука, всегда имеет сама по себе склонность смещаться вправо и по этой причине уже долго противостоит духу времени (*Zeitgeist*), который главенствует со времен Возрождения; например эмпиристская теория математики в том виде, как выдвинута Миллем, не нашла какой-то ощутимой поддержки. В самом деле, математика развивалась по пути все больших абстракций, все удаляясь от материи и ко все большей ясности в своих основаниях (например, давая точные основания для исчисления бесконечно малых и комплексных чисел) – таким образом, удаляясь от скептицизма.

Наконец, этому развитию в начале века пробил час: в частности это были антиномии теории множеств, противоречия, которые предположительно появились внутри математики, значение которых было преувеличено скептиками и эмпиристами в качестве предлога для сдвига влево. Я говорю «предположительно» и «преувеличено», потому что во-первых, эти противоречия появились не внутри математики, но ближе к ее самой внешней границе с философией, и во-вторых, они были разрешены в манере, которая

представляется полностью удовлетворительной и для каждого понимающего теорию – совершенно ясной. Но такие аргументы, однако, бесполезны против духа времени, и поэтому в результате многие математики, если не большинство их, отрицали, что математика, как она развивалась прежде, представляет собой систему истин; скорее, они признали это только за частью математики (большей или меньшей, в соответствии с их темпераментом) и оставляли за остальной в лучшем случае статус системы гипотетических утверждений – а именно такой, в которой теория собственно утверждает только то, что можно обоснованно вывести из определенных предположений (самых по себе необоснованных) определенные заключения. Они тем самым льстили себе, что при этом оставили самое существенное. (Так как, в конце концов, математиков интересует, в дополнение к выведению следствий из этих предположений, именно то, что может быть при этом получено.) Но правда состоит в том, что на этом пути математика становится эмпирической наукой. Потому что если я каким-либо образом докажу из произвольно постулированных аксиом, что каждое натуральное число есть сумма четырех квадратов, то при этом не следует с определенностью, что я никогда не найду контрпримера этой теореме, потому что мои аксиомы могут оказаться противоречивыми, и самое лучшее, я могу сказать, что это следует с определенной вероятностью, потому что вопреки многим дедукциям до сих пор не было обнаружено противоречие. В дополнение к этому, при такой гипотетической концепции математики многие вопросы теряют форму «Справедливо утверждение А или нет?», потому что от предположений, конструируемых произвольным образом, я не могу ожидать, что они имеют любопытное свойство вывода, в каждом случае, точно А или А.

Хотя эти нигилистические последствия находятся в полном согласии с духом времени, в них заложена реакция – ясно, что не по части философии, но скорее по части математики, которая по своей природе, как я уже говорил, не капитулирует перед *Zeitgeist*. И именно на этом пути возникает любопытный гермафродит, который представляет формализм Гильберта, который стремится отдать должное как духу времени, так и природе математики. Его суть такова: с одной стороны, в согласии с идеями, превалирующими с нынешней философии, признается, что истинность аксиом, с которых начинается математика, не может быть обоснована или распознана никаким образом, и, следовательно, выведение следствий из них имеет смысл только в гипотетическом виде, в то время как само выведение следствий (для того чтобы удовлетворить еще больше духу времени) конструируется как просто игра с символами согласно определенным правилам, не поддерживается прозрением.

Но с другой стороны, есть склонность к вере, соответствующей более ранней «направленной вправо» философии математики и математическому инстинкту, что доказательство правильности такого утверждения, что каждое число представлено суммой квадратов, должно обеспечить безопасное основание для такого утверждения. И далее, кроме того, что каждый точно сформулированный вопрос в математике, требующий ответа «да» или «нет», должен иметь абсолютно точный ответ. То есть, цель доказать, для внутренне присущих системе не обоснованных правил игры в символы, что им, так сказать, случайно приписано свойство, что из двух утверждений A и $\neg A$ выведено будет точно одно. То, что не могут быть выведены оба, и составляет непротиворечивость, и то, что вывод всегда на самом деле может быть сделан, означает, что на математический

вопрос, выраженный через A , можно ответить однозначно. Конечно, если хочется обосновать два этих утверждения с математической определенностью, определенная часть математики должна быть признана истинной в смысле старой, находящейся справа философии. Но эта часть гораздо менее противостоит духу времени, чем высокие абстракции теории множеств. Потому что она полагается только на конкретные и конечные объекты в пространстве, а именно на комбинации символов.

До сих пор я сказал довольно ясные вещи, которые я решил напомнить просто потому, что они важны для того, что следует дальше. Но следующий шаг в развитии таков: оказывается, что невозможно вызволить старые, находящиеся справа аспекты математики таким образом, чтобы они были более или менее согласованными с духом времени. Даже если мы ограничимся теорией натуральных чисел, невозможно найти систему аксиом и формальных правил, из которых для каждого теоретико-числового утверждения A можно вывести A либо $\neg A$. И следовательно, для разумно объемлющих аксиом математики невозможно вывести доказательство непротиворечивости просто размышлением над конкретными комбинациями символов, без введения более абстрактных элементов. Гильбертовская комбинация материализма и аспектов классической математики, таким образом, оказывается невозможной.

Отсюда остаются только две возможности. Одна состоит в том, чтобы отказаться от старых, находящихся справа аспектов математики или же попытаться противопоставить их духу времени. Ясно, что первый курс является единственным, который устраивает наше время, следовательно, именно он обычно и принимается. Однако следует иметь в виду, что это чисто негативная позиция. Она просто отказывается от тех аспектов, которые в любом случае были бы

очень желательными и которые зарекомендовали себя: а именно, с одной стороны, обезопасить для математики определенность ее знания, и с другой – придерживаться веры, что для ясно поставленных разумом вопросов этот разум должен иметь ясные ответы. И как должно быть отмечено, от этих аспектов отказываются не потому, что достигнутые математические результаты вынуждают сделать это, а потому что это единственный способ, вопреки этим результатам, сохранить согласие с превалирующей философией.

Сейчас никто никоим образом не закрывает глаза на огромные достижения, которые являют себя в наше время, и с известной долей справедливости можно утверждать, что эти достижения обязаны как раз духу философии и мировоззрений, располагающихся влево. Но с другой стороны, если рассмотреть это в собственно исторической перспективе, должно заключить, что полезность материализма зиждется частично только в эксцессах и неверном направлении предшествующей философии, находящейся справа. Что касается правоты и неправоты, или соответственно истинности и ложности, этих двух направлений, правильной мне кажется позиция, что истина лежит посередине или заключается в комбинации этих двух концепций.

В случае математики Гильберт попытался осуществить именно такую комбинацию, но явно слишком примитивную и с сильным перегибом в одну сторону. В любом случае, нет причин слепо доверять духу времени, и следовательно, без всяких сомнений важно направлять усилия в направлении другой из упомянутых выше альтернатив – чьи результаты пока остаются открытыми – в надежде получения при этом работоспособной комбинации. Это явно означает, что определенность математики гарантируется не доказательством некоторых свойств через проекцию в ма-

териальные системы – а именно манипуляцией с физическими символами – но скорее культивированием (углублением) знания самих абстрактных концепций, которые ведут к установлению этих механических систем, и далее – поиском, согласно тем же процедурам, озарения в разрешимости и настоящих методов решения всех значимых математических проблем.

Однако возможно ли на этом пути расширить наше знание этих абстрактных концепций, то есть сделать сами эти концепции точными и получить всеобъемлющее и безопасное проникновение в фундаментальные отношения среди них, то есть в аксиомы, справедливые для них? Ясно, что ответ отрицателен, или, в любом случае, не единственный, поскольку попытка дать точные определения для концепций и доказательств для аксиом требует других не определенных абстрактных концепций и аксиом для них. В противном случае можно было определить или доказать что-то из ничего. Таким образом, процедура должна состоять, по крайней мере, в большом масштабе, в прояснении значения, которое не заключается в задании определений.

Сегодня существуют на самом деле зачатки науки, которая претендует на систематический метод такого прояснения значения, и это феноменология, основанная Гуссерлем. У него прояснение значения состоит в более четком фокусировании на концепциях, имеющих отношение к направлению нашего внимания определенным образом, а именно на наши собственные акты при использовании этих концепций, на наши способности при выполнении этих актов и т.д. Но нужно иметь в виду, что феноменология не является наукой в том же самом смысле, что и другие науки. Скорее, это процедура или техника, которая должна произвести в нас новое состояние сознания, в ко-

тором мы описываем в деталях основные концепции, используемые нами в нашем мышлении, или постигаем другие концепции, до тех пор неизвестные нам. Я верю, что нет вовсе причин отвергнуть такие процедуры сходу как безнадежные. Эмпиристы, конечно, не имеют к этому никакого пристрастия, потому что это означало бы, что их эмпиризм есть, воистину, априоризм с обратным знаком.

Нет не только объективных причин для отказа от феноменологии, но напротив, есть резоны в ее пользу. Если рассмотреть развитие ребенка, можно заметить, что оно происходит в двух направлениях: с одной стороны, оно состоит в экспериментировании с объектами внешнего мира и ростом его собственных чувственных и моторных органов, и с другой стороны – во все более лучшем понимании языка, и это означает – как только ребенок выходит за пределы примитивного обозначения объектов – лучшее понимание концепций, на которых он основан. В отношении развития во втором направлении можно оправданно сказать, что ребенок проходит через состояния сознания различной глубины, то есть можно сказать, что наивысшее состояние сознания достигается тогда, когда ребенок сначала научается использованию слов, и подобным же образом, в моменты, когда он в первый раз понимает логический вывод.

Можно рассматривать в целом развитие эмпирической науки как систематическое и сознательное расширение того, что делает ребенок, когда он развивается в первом направлении. Успех этой процедуры в самом деле удивителен и превосходит в значительной мере то, что можно было бы ожидать априорно. В конце концов, он привел ко всему технологическому развитию в недавнее время. Это делает вполне возможным то, что систематическое и сознательное развитие во втором направлении также дале-

ко превзойдет ожидания, которые можно было бы иметь априорно.

На самом деле, есть примеры, где даже без применения систематической и сознательной процедуры, а полностью само по себе, имеет место ощутимое дальнейшее развитие во втором направлении, превосходящее «здравый смысл». А именно оказывается, что при систематическом установлении аксиом математики новые аксиомы, которые не следуют по формальной логике из установленных ранее, становятся очевидными вновь и вновь. Это вовсе не исключается отрицательными результатами, упомянутыми ранее, что тем не менее каждый явно поставленный вопрос – да или нет – разрешим на этом пути. Потому что это как раз то обстоятельство, что новые аксиомы становятся все более и более очевидными на основании значения примитивных понятий, чего машина не может имитировать.

Я хотел бы указать, что это интуитивное постижение все более новых аксиом, логически независимых от принятых ранее, которое необходимо для разрешения всех проблем даже в рамках ограниченной области, в принципе согласуется с кантианской концепцией математики. Правда, что соответствующие пассажи Канта неверны, если их принимать буквально, так как Кант утверждает, что в выведении новых теорем мы всегда нуждаемся в новых геометрических интуициях, и что, следовательно, чисто логическое выведение из конечного числа аксиом невозможно. Это явно ложно. Однако если в этом утверждении мы заменим термин «геометрический» на «математический» или «теоретико-множественный», тогда это становится явно истинным утверждением. Я полагаю общей особенностью многих кантовских утверждений является то, что понятые буквально, они ложны, но в более широком смысле содержат в себе глубокие истины. В частности, весь феномено-

логический метод, как я набросал его выше, есть возврат к центральной кантовской идее, и сделанное Гуссерлем состоит в том, что он впервые сформулировал ее более точно, сделав ее полностью сознательной и действительно выполнимой для конкретных областей. В самом деле, уже из терминологии, используемой Гуссерлем, можно, судить насколько положительно он относится к Канту.

Я полагаю, что именно поэтому в окончательном анализе философия Канта основывается на идее феноменологии, хотя и не полностью ясным образом, и тем самым вносит в нашу мысль нечто совершенно новое, и на самом деле, характеристику каждой подлинной философии – именно по этой причине, я считаю, Кант оказывал огромное влияние на все последующее развитие философии. В самом деле, едва ли есть последующее направление в философии, которое как-нибудь не соотносилось с идеями Канта. Однако, с другой стороны, именно из-за отсутствия ясности и буквального неверного прочтения многих кантовских формулировок из кантовской мысли возникли совершенно разные направления – ни одно из которых, однако, не отдало должного сути кантовской мысли. Это требование, мне кажется, впервые выполнено феноменологией, которая, в полном соответствии с намерениями Канта, избегает как смертельных прыжков идеализма в метафизику, так и позитивистского отказа от всякой метафизики. Но если неверное понимание Канта уже привело к тому, что представляет интерес в философии, и косвенным образом, в науке, чего мы можем ожидать от правильно понятого Канта?

Целищев В.В.

ФИЛОСОФИЯ КУРТА ГЁДЕЛЯ

Теоремы о неполноте Гёделя являются одними из самых известных результатов в математической логике и, по общему признанию, имеют важные философские следствия о пределах возможностей человеческого мышления. Курту Гёделю принадлежат и другие значимые результаты, которые позволяют считать его одним из самых выдающихся логиков за всю историю человечества. В оценке философских следствий теорем о неполноте в околону научной литературе присутствует значительнейшее число искажений и упрощений, за которые ни сам Гёдель, ни его теоремы ни коим образом не ответственны. Превосходное описание ситуации дано С. Блэкберном:

«Видные интеллектуалы в области литературы часто оперируют технической терминологией математической логики или философии языка. Один мой друг слышал как-то разговор в Кембридже по поводу дела Деррида, предложение о присуждении которому почетной степени вызвало серьезное сопротивление джентльменов. Журналист, освещающий возникший скандал, спросил Видного Интеллектуала в Литературе, в чем заключается важность Деррида. “Ну” – сказал тот со снисходительной наглостью. – Гёдель показал, что любая теория противоречива, если у нее нет поддержки извне, а Деррида показал, что нет этого извне».

Здесь есть, по крайней мере, три примечательные вещи. Во-первых, того, что якобы сделал Гёдель, вообще не может быть, поскольку существует весьма много непротиворечивых теорий. Во-вторых, Гёдель на самом деле не доказал этого и не пытался доказать. В-третьих, не имеет смысла говорить, что противоречивая теория могла бы стать непротиворечивой, будучи “поддержанной извне”, что бы это ни значило. (Противоречивость есть вещь упорная; вы можете избавиться от нее не добавлением, а лишь отниманием.) Так что то, что Деррида якобы сделал, так же невозможно, как и невозможно то, что якобы сделал Гёдель.

Такие ошибки приводят к провалу на экзамене по философии или логике на первом курсе. Однако это обстоятельство не производит особого впечатления в мире Видных Интеллектуалов в Литературе. В их мире простое упоминание Гёделя, подобно типичному заклинанию типа “иерархий” и “метаязыков”, создает впечатление чего-то страшно глубокого и страшно научного. Это придает Видному Интеллектуалу в Литературе лестный образ человека, которому по плечу самые трудные и глубокие проблемы, образ импрессарио страшно трудных вещей. Я полагаю, что журналист упал в обморок»¹.

Но как бы то ни было, значимость теорем о неполноте явно выходит за пределы чисто математической компетенции, поскольку есть общераспространенное убеждение, что речь в них идет в определенном смысле об ограничении

¹ *Blackburn S. Professor Whatever // New Republic – <http://magazines. enews.com/020700/blackburn020700.html>*

возможностей человеческого разума. В этой связи философские интерпретации теорем остаются одним из самых обсуждаемых тем не только собственно в философии математики, но также и в философии сознания и эпистемологии вообще.

Все, что связано с содержанием и интерпретацией математического вклада Гёделя, превосходно освещено в книге одного из самых проникательных логиков современности Я. Хинтикки, содержащейся в данном издании. Между тем значительная часть жизни Гёделя прошла в философских размышлениях о природе мышления и рациональности, которые оставались практически неизвестными широкой публике до публикации его записных книжек.

Описание итогов его размышлений связано с рядом значительных трудностей в источниковедческом смысле. Будучи человеком эксцентричным и замкнутым, Гёдель доверял свои мысли немногим близким друзьям, среди которых был и А. Эйнштейн. Но только один из этих друзей, известный математик и логик Хао Ван, оставил достаточно много записей разговоров с Гёделем вместе со своими комментариями. По некоторым свидетельствам, оба ощущали себя аутсайдерами в философском сообществе, что стало, видимо, одной из причин доверительных философских дискуссий между двумя склонными к философствованию математиками.

Хао Ван опубликовал несколько книг, посвященных философии Гёделя, которые являются важнейшим источником сведений об идеях и концепциях Гёделя. Другим важным источником сведений о философии Гёделя является видный математик Георг Крайзель, который долгое время был в дружеских отношениях с ним и написал его биографию. Огромную работу по расшифровке записных книжек Гёделя, а также при комментировании их выполнили

видные математики Соломон Феферман, Джордж Булос, историк математики Дж. Доусон и многие другие, под редакцией которых за последний десяток лет вышли пять томов сочинений Гёделя, включая его ранее неопубликованные рукописи и лекции. В них размышления Гёделя часто выражены в афористической форме или в виде парадоксальных суждений. Это создает значительные трудности при анализе тех проблем, которые обсуждал Гёдель и которые он не развил в систематическом виде. Естественно, что существуют различные интерпретации его идей, в зависимости от философских позиций интерпретаторов.

Примером такой ситуации является одна из парадоксальных идей Гёделя. Даже Г. Крайзель, понимание рассуждений которого о методологии математики практически всегда требуют значительных усилий, характеризует одну из таких идей как «закрученную»:

«Однажды в разговоре Гёдель привел одну из своих любимых закрученных формулировок: Либо наш ум не является механическим, либо математика, и даже арифметика, не является нашей собственной конструкцией»².

Отметим, что именно эта «закрученная формулировка» стала предметом обширной полемики о соотношении ума и компьютера в последние полтора десятка лет, особенно в связи с интерпретациями видным физиком Р. Пенроузом теорем о неполноте Гёделя³.

² Крайзель Г. Биография Курта Гёделя. М., 2003. С. 125.

³ См.: Пенроуз Р. Тени разума. М., 2003. Обстоятельное освещение этой полемики содержится в работе: Целищева В.В. Алгоритмизация мышления. Гёделевский аргумент. Новосибирск, Нонпарель, 2004.

В философских предпочтениях Гёделя особо выделяются несколько мыслителей, каждый из которых отвечал его идеям о природе математической реальности и математического мышления. Прежде всего, это Лейбниц, идеи которого оказались созвучными соображениям Гёделя о метафизике. В ряде пассажей из книг Хао Вана утверждается, что Гёдель полагал монадологию Лейбница абсолютно адекватной для понимания мира. Кроме того, идеи Лейбница об универсальном исчислении и важности аксиоматического метода сильно повлияли на Гёделя. Еще более интересной является приверженность Гёделя идее Лейбница о лучшем из возможных миров, напрямую связанная с его «рационалистическим оптимизмом», который частично обсуждается в данной статье. Сама приверженность Гёделя той системе метафизики, которая стала историей философии, поначалу вызывает странное ощущение, но аргументация и мысли его о такой проблематике очень интересны и глубоки.

Другим философом, работы которого тщательно читал Гёдель, был Кант. Для Гёделя была чрезвычайно важной идея чистого размышления, каковым является математическое мышление. Знаменитый вопрос Канта «Как возможна чистая математика?», по выражению Б. Рассела, должен волновать каждого философа. По ироничному замечанию Я. Хакинга:

«Рассел преувеличивал. Многие философы, не принадлежавшие скептическому направлению, не проявляли интереса к кантовскому вопросу. Он никогда не приходил им в голову, и уж тем более, не казался им важным»⁴.

⁴ *Hacking I. What Mathematics Has Done to Some and Only Some Philosophers // Mathematics and Necessity / ed. Smiley T. Oxford University Press, 2000, p. 83.*

Гёдель, в противоположность им, был истовым исследователем этого вопроса, и практически вся его философская активность была направлена на поиски ответа на этот вопрос. Субъективизм Канта отвергался Гёделем, который не считал концепцию объективного бытия абстрактных объектов бессмысленной или противоречивой. Так, в статье «Что такое континуум-гипотеза Кантора» он делает критическое замечание в адрес кантианского понимания абстрактных объектов математики:

«Очевидно, что “данное” в математике близко соотносится с абстрактными элементами, содержащимися в наших эмпирических идеях. Из этого никоим образом не следует, что данные этого второго рода, из-за того что они не могут быть ассоциированы с действиями определенных вещей на наши органы чувств, являются чисто субъективными, как утверждал Кант. Скорее они тоже могут представлять объективную реальность, но в противоположность чувственным данным, их присутствие в нас обязано другому роду отношений между нами и реальностью»⁵.

Стремление Гёделя к объективизму явилось частью его рационалистического оптимизма, веры в мощь человеческого ума. Одновременно это стремление явилось причиной того, что в последние годы его внимание привлек Гуссерль, который, как полагал Гёдель, пошел дальше, чем Кант. Так называемая Первая Философия, согласно Гуссерлю, должна состоять в постижении посредством интро-

⁵ Gödel K. What is Cantor's Continuum Problem // *Philosophy of Mathematics* / eds. Benacerraf P., Putnam H. Cambridge University Press, 2007. P. 484.

спективной интуиции трансцендентальной структуры сознания. Для Гёделя понятие математической интуиции было важнейшим понятием при обсуждении познаваемости математической реальности. Феноменология ставит вопрос о природе истинности аксиом, что занимало Гёделя в сильнейшей степени. Его знаменитое, часто цитируемое утверждение о том, что математическая интуиция играет точно такую же роль в математическом познании, как чувственное ощущение в познании физических объектов, считается признаком принадлежности Гёделя к платонизму. Сам Гёдель не был удовлетворен такой классификацией и на самом деле тщательно искал в феноменологии обоснование интуиции.

Фактически интерес Гёделя к перечисленным выше философам определялся теми аспектами математического мышления, над которыми он размышлял в определенный период времени. Понятие математической определенности как воплощения рациональности было одним из основных предметов обсуждения Гёделем проблем математического познания и природы математической реальности. Рассмотрение философии Гёделя, несмотря на апелляцию к указанным философам, тем не менее, часто привязано к проблемам, которые зачастую носят технический характер, и по этой причине значительно осложняет попытки «классификации» Гёделя именно как философа. Учитывая, что начиная с 1938 года, когда Гёдель получил последний математический результат в основаниях математики, его интеллектуальные усилия были связаны с философией. Поэтому представляют большой интерес попытки систематического изложения представлений Гёделя.

Философские взгляды Гёделя зачастую трудно определить в силу путаницы, которую внесли те философы, которые писали о неопозитивизме. Тот факт, что Гёдель одно

время по рекомендации Ф. Вайсмана посещал Венский кружок, позволял им сделать вывод о близости Гёделя к позитивистским взглядам. На самом деле такое представление очень далеко от действительности. Описание подлинной ситуации с Гёделем в этом отношении дал известный философ математики П. Бенацераф при описании философского климата в Америке в 50–60-е гг. прошлого столетия:

«Была и другая местная фигура, игравшая центральную роль в философской драме того времени. Хрупкий по сравнению с огромным Черчем, прячущийся в тень человек, каким он был и в Вене (согласно Крайзелю, хотя Крайзелю в таких делах трудно верить на слово). Этот человек молчаливо слушал, мало говорил – только когда его вынуждали. И все-таки, в тени или вне ее, он занимал центральное место. Он почитался как бог, его имя не пачкалось в повседневной борьбе за реконструкцию философии. Но ортодоксы чувствовали при нем некоторое неудобство. Подобно Черчу, он не следовал ни за кем, и подобно Черчу, он вводил движение в замешательство, поскольку не был идеологически чист и настаивал на взглядах, которые выглядели подозрительно метафизически, а ведь метафизика была приговорена к вымиранию.

Это был, конечно, Гёдель. В менее терпимой группе любой из его грехов, – наиболее знаменитое это стремительное бегство от Программы Гильберта через подтачивание ее изнутри (даже если он и сражался стойко для ее продвижения?) – или же проще, полнейший платонизм и контрреволюционные философские прокламации, должны были бы привести к смещению не только с алтаря,

и к изгнанию из внутреннего круга, но и к исключению из партийного списка. То, что он оставался почитаемой фигурой вопреки его подрывным взглядам и актам агрессии против нового порядка является свидетельством исключительной терпимости его апостолов. Большая часть из них были святыми – кто может быть святым в большей степени, чем Карнап или Гемпель? Но даже святые не могут изгнать Бога с Небес. Так что приходится приспособливаться, и они приспособились, хотя и неохотно»⁶.

В силу присущего Гёделю экстремального перфекционизма, он опубликовал лишь две, ставшие классикой в философии математики, статьи – «Расселовская математическая логика»⁷ и «Что такое континуум-гипотеза Кантора?»⁸

Известно, что он писал статью «Является ли математика синтаксисом языка» к очередному тому Библиотеки живущих философов, посвященного Р. Карнапу, но так и не сумел сдать ее редактору в течение нескольких лет. В письме редактору серии Артуру Шильппу он дал следующее объяснение задержке, которое хорошо иллюстрирует его тщательность в представлении собственных взглядов:

⁶ *Benacerraf P.* What Mathematical Truth Could not Be // *The Philosophy of Mathematics Today* / ed. Schim M. Oxford, Clarendon Press, 1998. P. 38.

⁷ *Гёдель К.* Расселовская математическая логика // Рассел Б. Введение в математическую философию: Новосибирск, 2007. (Опубликована в данной книге).

⁸ *Gödel K.* What is Cantor's Continuum Problem // *Philosophy of Mathematics* / eds. Benacerraf P., Putnam H. Cambridge University Press, 2007.

«На самом деле, я закончил несколько различных версий, но ни одна из них не удовлетворила меня. Легко приписать моим взглядам очень веские и убедительные аргументы, но полное объяснение ситуации оказалось более трудным, чем я ожидал, что без сомнения является следствием того факта, что предмет близко соотносится и частично тождествен, основным проблемам философии, а именно вопросу об объективной реальности концепций и их отношений. С другой стороны, ввиду широко распространенных предрассудков представляется, что публикация работы, сделанной наполовину, принесет больше вреда, чем пользы»⁹.

Как уже было отмечено в цитированном выше пассаже П. Бенаццерафа, Гёдель искал метафизику, которая отрицалась Венским кружком. Сам Гёдель не имел систематической философии; больше того, он полагал, что текущая философия находится в самом зачаточном состоянии, и писать в рамках принятых стандартов, видимо, он не желал. В частности, он отмечал, что философия должна сделать с метафизикой то, что Ньютон сделал с физикой своего времени.

Философским поискам Гёделя особенно была созвучна философия Лейбница. Сам он охарактеризовал свои взгляды как рационалистические, идеалистические, оптимистические и теологические¹⁰. Это буквально повторяет то, что можно сказать о взглядах Лейбница. Лейбница и Гёделя сближает многое. Начать с того, что Лейбниц

⁹ *Gödel K. Collected Works V: Correspondence H-Z /ed. Feferman S. et al. Oxford University Press, 2002. P. 224.*

¹⁰ *Wang Hao. A Logical Journey: From Gödel to Philosophy. Cambridge, MIT Press, 1996. P. 8.*

хотел сконструировать символический язык так, чтобы философская аргументация была представлена исчислением. Для этой цели он приписывал т.н. «характеристические» числа примитивным концепциям. Но для этого нужно было иметь в распоряжении перечень всех таких концепций, чтобы перенумеровать их. Если рассматривать язык как исчисление символов, тогда значение символов усматривается из их структурных взаимоотношений, а не из их субстратных характеристик. Если последнее несущественно, с символами можно обращаться механическим способом. В этом случае объект заменяется символом, и в некотором смысле символ представляет фикцию¹¹. Лейбниц полагает, что характеристические символы при этом как-то уже даны нам. Гёдель решил эту проблему с помощью технического приема, который называется Гёделевской нумерацией. Гёделевы числа становятся частью арифметики, и соответствующие вычисления позволяют говорить об утверждениях языка. Если мы представим себе перечень примитивных концепций, и с помощью Гёделевой нумерации закодируем их, тогда вопрос об истинности любого утверждения языка может быть разрешен механической манипуляцией над символами, или же вычислением. Таким образом, идея Лейбница получила воплощение в работах Гёделя. Видимо, такой метод работы Гёделя усмотрел Г. Крайзель:

«...Гёдель видел в своих первых успехах реализацию следующей, часто забываемой, но плодотворной идеи».

¹¹ См.: *Tasic V. Mathematics and the Roots of Postmodern Thought.* – Oxford University Press, 2001. P. 74. Приписывая эту идею Лейбницу, В. Ташич ссылается на книгу: *Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре.* М., 2007.

творной общей схемы. Внимательно рассматривая подходящие традиционные философские концепции и вопросы, анализируя их и, возможно, добавляя чуть-чуть точности, мы безболезненно приходим к нужным понятиям, правильным гипотезам и достаточно простым доказательствам»¹².

В частности, Гёдель полагал, что в метафизике существуют такие фундаментальные примитивные (ни к чему не сводимые) концепции, открытие которых будет подлинным прорывом в философии. Действительно, при сопоставлении философских подходов Гуссерля и Лейбница Гёдель замечает:

«Феноменология не является единственным подходом. Другой подход состоит в нахождении перечня главных категорий (например, причинность, субстанция, действие) и их взаимоотношений, к которым, однако, нужно прийти феноменологически. Эта задача должна быть решена в правильной манере»¹³.

В связи с интересом Гёделя к Лейбницу интерес представляет его реконструкция онтологического аргумента о бытии Бога¹⁴. Вряд ли стоит думать, что сам Гёдель полагал, что этим аргументом доказывается реальность Бога. Однажды на прямой вопрос, что Гёдель хотел этим сказать,

¹² Крайзель Г. Биография Курта Гёделя. М., 2003. С. 7.

¹³ Wang Hao. A Logical Journey: From Gödel to Philosophy. Cambridge, MIT Press, 1996. P. 166.

¹⁴ Существует довольно обширная литература о значимости аргумента. Здесь важно подчеркнуть, что версия Гёделя была инспирирована методом Лейбница.

он улыбнулся и сказал, что аксиоматический метод является очень мощным инструментом¹⁵.

Вообще, не следует усматривать в философских воззрениях Гёделя полную упорядоченность взглядов. Несмотря на то, что общепринято считать Гёделя платонистом, особенно после его знаменитого пассажа об аналогии между чувственным ощущением и математической интуицией, мы встречаемся с такими утверждениями:

«Результат предшествующей дискуссии состоит в том, что наши аксиомы, если их интерпретировать как осмысленные утверждения, необходимо предполагают некоторый вид платонизма, который не может удовлетворить никакой критический ум»¹⁶.

Достаточно интересно то, что рационализм как метод мышления с точки зрения Гёделя не требовал никакой аргументации в его пользу. У него нельзя найти критического обсуждения понятия рационализма, и это все при том, что рационализм был в центре всех его обсуждений. Есть много свидетельств, что Гёдель много размышлял над этими проблемами, но опять таки в силу ряда психологических обстоятельств он не вступал в полемику с философами, предпочитая иметь свою версию Канта, Лейбница, Гуссерля. И если он отступал от этого правила, то это было связано с широтой его интересов. Так, в уже упомянутой выше наиболее известной философской статье «Расселовская математическая логика» Гёдель, как отмечает Крайзель,

¹⁵ Barrow J. *Pi in the Sky*. Oxford, Clarendon Press, 1992. P. 124.

¹⁶ Gödel K. *Collected Works III: Unpublished Essays and Lectures* // ed. Feferman S. et al. Oxford University Press, 1995. P. 50.

«смог подвести итоги своего логического опыта, совершенно не впадая в самолюбование: работы Рассела затрагивали все вопросы, какие вообще могут прийти кому-нибудь в голову»¹⁷.

Одна из причин подобного положения заключалась в том, что Гёдель, вслед за Лейбницем, полагал идеалом философии математику, точнее, дедуктивный метод. В некоторых своих высказываниях он утверждает, что философия еще не развилась в достаточной степени, чтобы утверждать что-то с нужной определенностью¹⁸. У самого Гёделя, согласно Хао Вану, было определенное видение философского метода:

«Фундаментальные идеи [Гёделя] таковы: С помощью наблюдений мы можем открыть примитивные концепции метафизики и аксиомы, управляющие ими. С помощью аксиоматического метода мы можем прийти к точной теории метафизики, которая в своем лучшем виде представлялась Гёделю чем-то вроде монадологии. Для эффективного поиска мы должны понять, что способны иметь только вероятностное знание. Мы должны научиться выбирать и концентрироваться на том, что фундаментально и существенно. Следовательно, для того чтобы сфокусироваться в процессе непрерывного

¹⁷ Крайзель Г. Биография Курта Гёделя. М., 2003. С. 19.

¹⁸ Он даже говорит более жестко о «недоразвитости философии на нынешнем этапе». (*Gödel K. Collected Works III: Unpublished Essays and Lectures* // ed. Feferman S. et al. Oxford University Press, 1995. С. 311).

внимания, мы должны стремиться к внезапному прозрению»¹⁹.

Близость к методам математики очевидна. Действительно, для совершенствования философии требуется, чтобы она заимствовала математическую строгость. Обычно под последней понимают понятие доказательства. Между тем не менее важным является то, что математика содержит некоторые исходные, или примитивные, понятия. Судя по всему, подобные исходные понятия Гёдель искал в философии. Сведение системы рассуждений к примитивным понятиям со времени изобретения математической логики стало общим местом, особенно в аналитической философии. Гёделя же, в отличие от аналитических философов, интересовали сами эти примитивные понятия, которые должны быть простыми. Точнее, он считал, что если аналитические философы и проявляли интерес в природе этих примитивных понятий, то они приписывали им явно неверные характеристики. Некоторые интерпретаторы философии Гёделя заходят так далеко, что утверждают, что в сочинениях Лейбница он искал скрытые аксиомы, которые объясняют природу мира. Это вполне созвучно с его известной мыслью о том, что пониманию природы чисел зависит от новых аксиом, которые еще предстоит открыть.

Но одновременно с математическими оказались важными и философские аргументы о соотношении человеческого мышления и машинного «мышления». Теоремы о неполноте Гёделя оказались в центре философской полемики двух направлений – менталистов и механицистов: менталисты, в отличие от механицистов, предполагают

¹⁹ *Wang Hao. A Logical Journey: From Gödel to Philosophy. Cambridge, MIT Press, 1996. P. 290.*

принципиальное превосходство человеческого ума над машиной. Полемика подобного рода стала относительно известной с публикацией физиком и математиком Р. Пенроузом своих книг, где программа ментализма приобрела довольно четкие очертания через апелляцию к теоремам о неполноте. Шквал критики со стороны математиков-механицистов в адрес Пенроуза, с обвинениями в недостаточном знании им математической логики, иссяк, когда оказалось после публикации материалов Гёделя, что тот является менталистом. Как сухо выразился один из свидетелей, многие критики ментализма, не желая оспаривать авторитет Гёделя, «тихо отошли в сторону». Материал, о котором идет речь, содержался в ныне знаменитой лекции, прочитанной Гёделем в 1951 году в университете Брауна; эта лекция была из серии лекций в честь математика Дж. У. Гиббса. Её текст не была опубликован при жизни Гёделя, хотя он и намеревался это сделать. Впоследствии он вошёл в третий том его собрания работ, извлеченных из записных книжек (Nachlass) Гёделя²⁰. Публикация этой лекции, которая называется ради краткости Гиббсовской лекцией Гёделя, стала важным событием в философии математики. В ней Гёдель предложил интригующую дилемму (см. формулировку Г. Крайзеля выше), которая, с его точки зрения, следует из его же второй теоремы о неполноте:

«Либо математика незавершаема в этом смысле, а ее очевидные аксиомы никогда не могут быть проявлением конечного правила, то есть челове-

²⁰ Gödel K. Some Basic Theorems on the Foundations of Mathematics and their Implications // Collected Works. Vol. III: Unpublished Essays and Lectures / S. Feferman et al., eds. N.Y., Oxford University Press, 1995. P. 304–323. (Содержится в данной книге).

ский ум (даже в пределах чистой математики) бесконечно превосходит возможности любой конечной машины, или же существуют абсолютно неразрешимые диофантовы утверждения отмеченного типа»²¹.

Происхождение этой поразительной дилеммы коренится в ряде предположений Гёделя о природе математического знания, да и не только математического, поскольку речь идет о природе человеческого знания вообще. В частности, Гёдель в связи с дилеммой различает объективную и субъективную математику; последнюю он называет человеческой (human) математикой. В значительной степени сама по себе дилемма связана с вопросом о соотношении человеческого ума и машины и может быть интерпретирована в качестве поддержки позиции ментализма против механицизма.

Известно, что любое вычисление может быть закодировано как полиномиальное. Другими словами, для каждой машины Тьюринга существует эквивалентное диофантово уравнение, и свойства решения этого уравнения в точности отражают вычислительные возможности соответствующей машины Тьюринга. Таким образом, формальные системы и диофантовы уравнения на абстрактном уровне идентичны. Именно это объясняет, почему Гёдель говорит об абсолютно неразрешимых диофантовых уравнениях. В этом смысле можно просто говорить о неразрешимых проблемах.

Дизъюнкция Гёделя воспринимается им самим как математически установленный факт, который имеет важные философские следствия. Больше того, сам Гёдель считает

²¹ Там же. С. 310.

ее переформулировкой его теорем о неполноте. В самом деле, можно рассуждать так. Представим дизъюнкцию в другой форме: аксиомы математики схвачены конечным правилом, и не существует абсолютно разрешимых диофантовых проблем. Другими словами, пусть человеческий ум представляет собой конечную машину и не существует абсолютно неразрешимых предложений. Тогда предположение принимает вид: человеческий ум есть машина Тьюринга и не существует абсолютно неразрешимых диофантовых проблем. Но это утверждение ложно, потому что согласно теоремам о неполноте для каждой машины Тьюринга есть абсолютно неразрешимое предложение. Признание ложности предыдущего утверждения и представляет дизъюнкцию Гёделя: человеческий ум превосходит или нет машину. Характер дизъюнкции как установленного математического факта состоит в том, что нельзя отрицать оба члена дизъюнкции.

Но здесь есть неявное предположение, что это исключаящая дизъюнкция, то есть истинным может быть только один ее член. Сам Гёдель, судя по всему, придерживался именно такой точки зрения и явно отдавал предпочтение менталистским взглядам, а именно, что ум превосходит конечную машину. Однако возможна и такая интерпретация «установленного математического факта», на которую обратили внимание некоторые исследователи, а именно, когда оба члена дизъюнкции истинны²². Какими они?

²² *Feferman S.* Are There Absolutely Unsolvable Problems? Gödel's Dichotomy // *Philosophia Mathematica*. Vol. 14, n. 2. 2006. P. 134–152. *Tieszen R.* After Gödel: Mechanism, Reason, and Realism in the Philosophy of Mathematics // *Philosophia Mathematica*. Vol. 14, n. 2. 2006. P. 229–254.

1. Человеческий ум есть конечная машина, и для него существуют абсолютно неразрешимые математические утверждения.

2. Человеческий ум бесконечно превосходит конечную машину, и существуют абсолютно неразрешимые математические утверждения.

3. Человеческий ум бесконечно превосходит конечную машину, и не существует абсолютно неразрешимых математических утверждений.

Из ранее сказанного следует, что Гёдель как менталист предпочитал последнее утверждение, что подтверждается из других его заметок.

Сама по себе формулировка дилеммы обязана в первую очередь понятию незавершаемости математики. Существование неразрешимого утверждения для любой формальной системы позволяет построить новую формальную систему путем добавления к прежней истинного неразрешимого утверждения в качестве аксиомы. Действительно, теорема Гёделя о неполноте (первая) является конструктивной по своему характеру. Если формальная система Φ , содержащая арифметику, ω -непротиворечива, тогда можно эффективно найти предложение G такое, что ни G , ни $\neg G$ не являются теоремами Φ . Далее, если каждая арифметическая теорема Φ истинна, тогда истинно и G . Но в этом случае можно добавить G в качестве новой аксиомы к аксиомам Φ , получая при этом новую систему Φ_1 . Для этой новой системы опять-таки эффективно можно получить предложение G_1 , и так далее. Таким образом, мы получаем расширение арифметики, и такое расширение с первого взгляда оказывается бесконечным²³. В этой связи

²³ На самом деле, этот очень сложный вопрос – как далеко могут зайти в этом бесконечном процессе человеческий ум и машина? – связан с принципами рефлексии в математической логике.

Гёдель говорит о «незавершаемости или неисчерпаемости математики». Вместо ограниченной арифметики мы получаем незавершаемую арифметику. Принципиальным в философском отношении является вопрос о том, может ли этот процесс незавершаемости математики осуществляться конечной машиной или же только человеком. Если это доступно только человеку, тогда он действительно превосходит по своим возможностям конечную машину.

Однако Дж. Булос полагает, что выводы Гёделя никак не следуют из теорем о неполноте уже по той самой причине, что в этих выводах используются весьма неясные понятия типа «человеческий ум эквивалентен конечной машине»²⁴. Интуитивно при этом предполагается, что работа человеческого мозга успешно представляется машиной Тьюринга, однако не дается особых пояснений, что это за представление. В частности, мы должны понимать, как машина конструирует математические доказательства, обозначая при этом параллели с доказательствами, производимыми человеком. Пока же мы можем только фиксировать тот факт, что машина все-таки доказывает их.

Предположение о существовании абсолютно неразрешимых математических утверждений означает существование истин, которые в принципе недоступны человеческому познанию. Это ведет к различению Гёделем объективной и субъективной, или же «человеческой», математики.

Реконструкция Гёделевской мысли представляет собой зачастую довольно трудную задачу. Для того чтобы почувствовать своеобразие философской аргументации Гёделя, имеет смысл привести довольно большой пассаж из упо-

²⁴ Boolos G. Introductory Note to Gödel's Collected Works III. Oxford University Press, 1995. P. 290–304.

мянutoй выше его Гиббсовской лекции относительно следствий теорем о неполноте:

«Незавершенность математики следует из второй теоремы. Потому что *невозможно для кого-либо установление определенной системы аксиом и правил, и в то же время сделать непротиворечивое утверждение такого типа: все эти аксиомы и правила, которые я воспринимаю, должны быть правильными, и больше того, я верю, что они содержат всю математику.* Если некто делает такое утверждение, он противоречит самому себе. [Сноска Гёделя: Если человек говорит «Я верю, что способен воспринимать аксиому одну за другой как истинные (где число их бесконечно), он не противоречит сам себе.] Потому что если он воспринимает аксиомы как истинные, он также воспринимает их (с той же определенностью) как непротиворечивые. Отсюда, он имеет математическое прозрение, не выводимое из его аксиом. Однако следует быть осторожным для того, чтобы понять значение этого состояния дел. Означает ли это, что никакая вполне определенная система правильных аксиом не может содержать всей математики? Это так и будет, если под математикой понимать систему всех истинных математических утверждений; это будет не так, если под математикой понимать систему всех доказуемых утверждений. Я буду различать два эти значения математики как объективную и как субъективную: очевидно, что никакая вполне определенная система правильных аксиом не может вместить в себя всю объективную математику, так как предложение, которое устанавливают непротиворе-

чивость системы, истинно, но не доказуемо в системе. Однако то, что касается субъективной математики, вовсе не возбраняется, что должно существовать конечное правило, которое производит все очевидные аксиомы. Однако если такое правило существует, мы с нашим человеческим пониманием никогда не смогли бы узнать, что оно таково, то есть мы могли бы не узнать с математической определенностью, что все производимые предложения правильны. [Сноска Гёделя: Потому что это составляло бы математическое прозрение, не выводимое из аксиом и правил, в противоречие с предположением.] Или же другими словами, мы могли бы воспринимать истинным только одно предложение за другим, для любого конечного числа их. Однако утверждение, что все они истинны, могло бы быть известно самое большее с эмпирической определенностью, на основании достаточного числа примеров или же путем индуктивного заключения. Если это было бы так, тогда это означало бы, что человеческий ум (в области чистой математики) эквивалентен конечной машине, которая, однако, не способна понять полностью свое функционирование. [Сноска Гёделя: Конечно, физическая работа мыслящего механизма могла бы быть хорошо понята; прозрение, однако, что этот конкретный механизм должен всегда вести к правильным (или только непротиворечивым) результатам, должно превышать силу человеческого разума]»²⁵.

²⁵ *Gödel K. Some Basic Theorems on the Foundations of Mathematics and Their Implications // Collected Works III. Oxford University Press, 1995. P. 309.*

Н. Салмон так комментирует этот весьма трудный пассаж Гёделя:

«Этот аргумент сводится к следующему. Предположим, что человеческая способность к восприятию доказательства есть эффективно описываемый феномен, подобно детерминированной работе машины Тьюринга, так что сам процесс, посредством которого ум постигает, или может постичь, чисто математическое знание с математической определенностью, полностью схвачен некоторым конечным эффективным правилом (даже если оно очень длинное). Следствием второй теоремы о неполноте является то, что ум не может знать с математической определенностью, что это правило порождает только правильные результаты, или даже то, что эти результаты являются внутренне непротиворечивыми. Потому что если ум может знать с математической определенностью все утверждения чистой математики, это позволит ему доказать истинность всех из них, тогда он может знать с математической определенностью, что они формально непротиворечивы, — а именно это запрещено теоремой. Поскольку непротиворечивость системы теорем может быть выражена как чисто математическое предложение, отсюда следует, что если ум, в своей доказывающей теореме способности, есть конечная машина, тогда имеются чисто математические истины, которые он не может знать с математической определенностью; в частности он не может доказать своей собственной непротиворечивости, и отсюда, не может полностью понять своего собственного функционирования»²⁶.

²⁶ *Salmon N. The Limits of Human Mathematics // Philosophical Perspectives. Vol. 15, Metaphysics, 2001. P. 96.*

Сам Гёдель, во вполне менталистском духе, предположил, что человек имеет способность разрешать вопрос о том, является ли некоторое предложение арифметической истиной, и в таком случае не существует абсолютно неразрешимых арифметических предложений (и поэтому механизм ложен)²⁷:

«Человеческий ум не является полностью иррациональным, задавая вопросы, на которые нет ответа, предполагая при этом, что только ум готов дать их... те части математики, которые систематически и полностью развиты... показывают удивительную степень красоты и совершенства. В этих областях, с помощью законов и процедур, о которых даже не подозревали, обеспечивается не только решение всех соответствующих проблем, но также и решение их наиболее красивым и совершенным образом. Этот факт может быть назван “рационалистическим оптимизмом”».

Встает вопрос, не слишком ли оптимистичен Гёдель в данном случае. Его известная дилемма утверждает, что либо все математические истины не могут быть порождены машиной и человек превосходит машину в этом отношении, либо существуют абсолютно неразрешимые математические утверждения. Дилемма состоит в том, что либо механистический взгляд ложен, либо оптимизм Гёделя неоправдан. Однако дилемма Гёделя не является исчерпывающей все мыслимые ситуации. Так, Дж. Булос рассматри-

²⁷ Wang H. From Mathematics to Philosophy. L.: Routledge and Kegan Paul, 1974. P. 324–326.

вает такой случай, когда могут существовать такие математические утверждения, для которых не может быть дано доказательство, которое было бы постижимо для человеческого ума²⁸. В этом смысле опять-таки рационалистический оптимизм Гёделя может быть неоправдан. Именно для спасения своего оптимизма Гёделю приходится различать «человеческую» и объективную математику.

В то время как вопрос о соотношении объективной и субъективной математик затрагивает технические детали, на которых мы не останавливаемся здесь, объективизм в философии Гёделя увязан с его более общими представлениями, частью которых является его рационалистический оптимизм. Объективизм как философский взгляд присущ, с одной стороны, Гёделю в связи с техническим вопросом о превосходстве ума над машиной, а с другой стороны, совпадает с его основными целями в философии. В данном вопросе нельзя игнорировать две установки Гёделя: его мистицизм и склонность к идеализму. Объективизм платонистского толка в философии математики он переносил на всю философию, и именно это было причиной того, что в философии он придавал огромное значение математике. Объективная математическая истина доступна математической интуиции человека точно так же, как доступны его чувственному восприятию физические объекты. Этот знаменитый параллелизм позволял большинству философов зачислять Гёделя в эпистемологические платонисты. Однако философская мысль Гёделя двигалась довольно своеобразно, и не может быть схвачена каким-то одним ярлыком.

²⁸ Boolos G. Introductory Note // Gödel K. Collected Works III. Oxford University Press, 1995.

Дело в том, что для Гёделя основным был вопрос о способности человеческого ума к обретению той способности, которая связана с понятием математической определенности. Знание, с его точки зрения, есть знание с математической определенностью, и именно эта особенность характеризует априорное знание, которому Гёдель придавал основополагающее значение. Познание с математической определенностью математических утверждений, которые получаются выводом из других математических утверждений, познанных таким же образом, не представляет особых проблем. Но познание исходных утверждений с математической определенностью должно быть по своему характеру особым: согласно долгой традиции в математике, аксиомы должны быть очевидными. Очевидность зиждется в интуитивной ясности или в возможности непосредственного «схватывания» истины.

Таким образом, в центре внимания у Гёделя оказывается эпистемический статус аксиом. В собственно математике аксиомы не имеют какого-то выделенного статуса очевидных истин, поскольку аксиоматизация носит скорее систематизирующий, нежели эпистемический характер. Исключением, быть может, являются аксиомы теории множеств, которые часто имеют эвристический характер и всегда обладают экзистенциальным статусом. Не случайно, что Гёдель, погруженный в поиск новых аксиом теории множеств, которые сделали теорию более интуитивной и постигаемой, поднял в последние годы вопрос об эпистемическом статусе именно аксиом. Отметим только, что Гёдель в последние два-три десятка лет активно изучал феноменологию Гуссерля, пытаясь, видимо, найти очищенную сущность интуитивного схватывания истины.

Тесное переплетение математических и философских мотивов в рассуждениях Гёделя приводит его к интересно-

му выводу. Если мы достигнем достаточной ясности в философии математики, тогда философские выводы приобретут статус математически определенных утверждений. Другими словами, философия математики должна стать частью самой математики, приобретая определенность, и в то же время, теряя характер собственно философский. Трудно представить себе, каким образом философская аргументация с ее относительной свободой и неопределенностью может быть математически определенной, как, например, доказательство. Само по себе это направление мысли Гёделя является оправданным, и аналитическая философия преследует именно эту цель. Другое дело, в какой мере это предприятие вообще осуществимо, и стремление к его реализации может идти в двух направлениях. С одной стороны, это попытка достичь окончательной ясности в мышлении, как это пытаются сделать феноменологи, и с другой стороны, все более полная формализация философского дискурса с тем, чтобы она удовлетворяла критериям математической строгости. При этом важнейшим вопросом остается природа этой строгости, и именно математической стороне этого вопроса Гёдель придавал огромное значение. В этой связи важно, что дизъюнкция Гёделя воспринимается им самим как математически установленный факт, который имеет важные философские следствия. Больше того, сам Гёдель считает ее переформулировкой его теорем о неполноте.

Как видно, утверждение дилеммы Гёделя, которое он считал математически определенным фактом, включает в себя множество предпосылок, которые носят откровенно философский характер. Погружение Гёделя в философию, как видно, не является «чужаством профессора» или же хобби почитывающего философские опусы образованного человека. Точно так же его рационалистический оптимизм

мало похож на оптимизм сайентистского толка, или же оптимизм политических утопистов. Философия в лице Гёделя находит истового сторонника глубоких размышлений над «вечными» проблемами. В отличие от усталых скептиков, Гёдель верит в возможность рационалистического решения этих проблем. То обстоятельство, что в качестве средства он избрал математику, конечно же, придает его пути еще большую сложность, поскольку достижение математической точности в философии многие считают уже не оптимизмом, а утопией. И, тем не менее, он считал такой путь вполне оправданным:

«Сильная заинтересованность Гёделя в объективизме в математике, с одной стороны, и в превосходстве ума над материей, с другой, тесно связана с его главной целью в философии. Превосходство ума несомненно важно для его онтологического идеализма, в соответствии с которым ум предшествует материи. Главное приложение его рекомендаций... это его собственное обобщение от объективизма в математике к объективизму в философии. Это, по моему мнению, была причина, по которой он придавал столь большое значение философии математики в развитии философии. Подобно большинству нынешних философов, однако, я не способен оценить правдоподобность этой экстраполяции»²⁹.

В какой мере настоящее Гёделя на объективизме в математике повлияло на получение им впечатляющих мате-

²⁹ Wang Hao. *A Logical Journey: From Gödel to Philosophy*. Cambridge, MIT Press, 1996. P. 288.

матических открытий, вопрос открытый, хотя многие видят тут прямую зависимость. Философские симпатии Гёделя часто усматривались из его немногочисленных прижизненных публикаций, главными из которых считаются уже упоминавшиеся выше «Расселовская математическая логика»³⁰ и «Что такое континуум-гипотеза?»³¹. Как это иногда бывает, частое цитирование этих двух работ в значительной степени исказило подлинное философское кредо Гёделя. Г. Крайзель, который оставался в близком контакте с Гёделем начиная с 1955 г. до его болезни в конце 1960-х, говорит:

«...меня просто отпугивали его общие эссе [упомянутые выше], особенно наиболее часто цитируемые места... [о Гёделевском платонизме. – В.Ц.] и я не делал секрета из этого факта. Терпеливо и с непогрешимой рассудительностью Гёдель подводил наши беседы к вопросам, представляющим взаимный интерес. Я сразу же открыл для себя многочисленные привлекательные места в [этих работах], которые вообще никогда не цитируются. В надлежащее время я вернулся к неприятным местам и увидел их в новом свете...»³²

Часто цитируемым местом является пассаж из п. 4 Дополнения ко второму изданию статьи «Что такое контину-

³⁰ Gödel K. Russell's Mathematical Logic // Philosophy of Mathematics / eds. Benacerraf P., Putnam H. Cambridge University Press, 2-nd ed., 1983. P. 447–469.

³¹ Gödel K. What is Cantor's Continuum Problem? // Philosophy of Mathematics / eds. Benacerraf P., Putnam H. Cambridge University Press, 2-nd ed., 1983. P. 470–485.

³² Крайзель Г. Биография Курта Гёделя. М., 2003. С. 21.

ум-гипотеза?», который, как полагают многие, характеризует философское кредо Гёделя:

«Но вопреки отдаленности от чувственного опыта, мы имеем что-то подобное восприятию объектов теории множеств, что видно из того факта, что аксиомы вынуждают нас считать их истинными. Я не вижу никаких причин иметь меньшее доверие к такого рода восприятию, то есть к математической интуиции... Вопрос об объективном существовании объектов математической интуиции... есть точная реплика вопроса об объективном существовании внешнего мира»³³.

Свидетельство Крайзеля содержит некоторый намек на то, почему приписываемый Гёделю на основании упомянутых двух статей Гёделя платонизм так раздражал его. Проблема объективности математических объектов и самой математики была для Гёделя одним из центральных вопросов. Кстати, сам Крайзель различал платонизм в отношении существования математических объектов и объективность математических утверждений, которая заключалась в том, что эти утверждения должны быть либо истинными, либо ложными. Очевидно, в разговорах Гёделя с Крайзелем раскрывался богатый фон общих философских взглядов Гёделя, превосходивший стандартные философские клише. Действительно,

«...он [Гёдель] постоянно подчеркивал конфликт своих взглядов с “духом времени” (Zeitgeist)...»³⁴

³³ Gödel K. What is Cantor's Continuum Problem? // *Philosophy of Mathematics* / eds. Benacerraf P., Putnam H. Cambridge University Press, 2-nd ed., 1983. P. 483–484.

³⁴ Крайзель Г. Биография Курта Гёделя. М., 2003. С. 23.

Оказалось, что «дух времени» является ключом к пониманию философии Гёделя в гораздо большей степени, чем это можно было предположить из оброненной Крайзелем фразы. Действительно, публикации его рукописей в последние полтора десятка лет показали гораздо более разнообразную картину философских поисков Гёделя. В частности, речь идет об опубликованной в 3-м томе его работ в 1995 году статье, которую он, видимо, готовил для выступления на конференции Американского философского общества и которая осталась при его жизни неопубликованной – «Современное развитие оснований математики в свете философии»³⁵. В некотором смысле эта статья может считаться наиболее четким выражением общего «философского настроения» Гёделя, которое многое объясняет в его, как уже говорилось выше, часто трудно понимаемых утверждениях. Например, описанная выше дилемма не может быть полностью понята, если не принять во внимание его философские установки.

Суть статьи состоит в описании в философских терминах развития исследований оснований математики помещением их в общую схему возможных философских картин мира (*Weltanschauungen*). Эти картины мира располагаются Гёделем в шкале в соответствии с их близостью или отдаленностью от метафизики или религии. Слева помещаются как наиболее далекие от метафизики скептицизм, материализм, позитивизм, эмпиризм и пессимизм, а справа – спиритуализм, идеализм, теология, априоризм и опти-

³⁵ Gödel K. The Modern Development of the Foundations of Mathematics in the Light of Philosophy // Gödel K. Collected Works. (Содержится в данной книге). Vol. III: Unpublished Essays and Lectures / eds. Feferman S. et al. N.Y.: Oxford University Press, 1995. P. 375–387. (Статья представлена в двуязычном варианте).

мизм. Согласно Гёделю, развитие философии со времени Возрождения идет справа налево. В полном противоречии со сложившейся во многих текстах традицией, которая ассоциирует Гёделя с Венским кружком, он выражает свою симпатию с правой частью этого несколько удивительного спектра позиций. Для профессионального философа такая классификация покажется весьма странной, но важен контекст, в котором главную роль играет концепция «духа времени» (*Zeitgeist*). Для Гёделя очевидно то обстоятельство, что дух времени связан прежде всего с отказом от объективности:

«В частности, в физике это развитие достигло пика в наше собственное время, и проявляется это в том, что по большому счету отрицается возможность знания объективированных состояний дел, и утверждается вместо этого, что мы должны довольствоваться предсказанием результатов наблюдения. Это на самом деле есть конец всех теоретических наук в обычном смысле слова (хотя такие предсказания опыта могут быть вполне достаточны для практических целей, таких как сооружение телевизионной сети или конструирование атомной бомбы)»³⁶.

Однако интерес Гёделя прикован к воздействию «духа времени» на математику, усматриваемому в весьма специфических вопросах разрешения парадоксов в основаниях математики:

«Математика, по своей природе как априорная наука, всегда имеет сама по себе склонность нахо-

³⁶ Там же. С. 377.

дится вправо [в спектре], и по этой причине уже долго противостоит духу времени (Zeitgeist), который главенствует со времен Возрождения; например эмпиристская теория математики в том виде, как выдвинута Миллем, не нашла какой-то ощутимой поддержки. В самом деле, математика развивалась по пути все больших абстракций, все удаляясь от материи и ко все большей ясности в своих основаниях (например, давая точные основания для исчисления бесконечно малых и комплексных чисел) – таким образом, удаляясь от скептицизма»³⁷.

Гёдель полагает, что ситуация с парадоксами относится к границе математики и философии, и именно последняя подвержена духу времени, и влияя на математику, сдвигает ее влево. Гёдель продолжает:

«Но такие аргументы [о принадлежности математики к правой части спектра], однако, бесполезны против духа времени, и поэтому в результате многие математики, если не большинство, отрицали, что математика, как она развивалась прежде, представляет собой систему истин...»

Особое сопротивление у Гёделя вызывал формализм Гильберта. Очевидно, что Гёдель не принял идеи Гильберта, которая ошибочно интерпретирована как игра с символами не по причине опровержения им своими теоремами о неполноте Программы Гильберта, а в значительной степени по философским мотивам. Действительно,

³⁷ Там же.

«хотя эти нигилистические последствия находятся в полном согласии с духом времени, в них заложена реакция – ясно, что не по части философии, но скорее по части математики, которая по своей природе, как я уже говорил, не капитулирует перед *Zeitgeist*. И именно на этом пути возникает любопытный гермафродит, который представляет формализм Гильберта, который стремится отдать должное как духу времени, так и природе математики. Его суть такова: с одной стороны, в согласии с идеями, превалирующими с нынешней философии, признается, что истинность аксиом, с которых начинается математика, не может быть обоснована или распознана никаким образом, и, следовательно, выведение следствий из них имеет смысл только в гипотетическом виде, в то время как само выведение следствий (для того чтобы удовлетворить еще больше духу времени) конструируется как просто игра с символами согласно определенным правилам, не поддерживается прозрением»³⁸.

Соппротивление «духу времени» явно считается Гёделем добродетелью, и он всеми силами пытается отстоять правый фланг набросанной им классификации, не смущаясь нисколько тем, что это выглядит достаточно ретроградным намерением. Он с трудом уступает современным тенденциям, говоря, что поскольку

³⁸ *Gödel K. The Modern Development of the Foundations of Mathematics in the Light of Philosophy // Gödel K. Collected Works. Vol. III: Unpublished Essays and Lectures / eds. Feferman S. et al. N.Y.: Oxford University Press, 1995. P. 379.*

«Гильбертовская комбинация материализма и аспектов классической математики, таким образом, оказывается невозможной... остаются только две возможности. Одна состоит в том, чтобы отказаться от старых, находящихся справа аспектов математики или же попытаться противопоставить их духу времени. Ясно, что первый курс является единственным, который устраивает наше время, следовательно, именно он обычно и принимается. Однако следует иметь в виду, что это чисто негативная позиция. Она просто отказывается от тех аспектов, которые в любом случае были бы очень желательными, и которые зарекомендовали себя: а именно, с одной стороны, обезопасить для математики определенность ее знания, и с другой – придерживаться веры, что для ясно поставленных разумом вопросов этот разум должен иметь ясные ответы. И как должно быть отмечено, от этих аспектов отказываются не потому, что достигнутые математические результаты вынуждают сделать это, а потому что это единственный способ, вопреки этим результатам, сохранить согласие с превалирующей философией»³⁹.

Следует обратить внимание на то, что при сопоставлении двух возможностей упор Гёделем делается на философию, которая навязывает математике «дух времени», а математика при этом упорно сопротивляется. Если это и является несколько карикатурным видением ситуации, то оно не более карикатурно, чем сама классификация Гёделя и место в ней «духа времени». Отношение работающих ма-

³⁹ Там же. С. 381.

тематиков к такого рода идеям является в лучшем случае сдержанным, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо заметных откликов после публикации упомянутой статьи. Очевидно, считается, что гений имеет право на чудачества, которые проявляются в поразительно упрощенческой трактовке тенденций в современной философии. Гёдель не может не признать, что «новые веяния» не лишены смысла, и неохотно призывает к компромиссу.

«Сейчас никто никоим образом не закрывает глаза на огромные достижения, которые являют себя в наше время, и с известной долей справедливости можно утверждать, что эти достижения обязаны как раз духу философии и мировоззрений, располагающихся влево. Но с другой стороны, если рассмотреть это в собственно исторической перспективе, должно заключить, что полезность материализма зиждется частично только в эксцессах и неверном направлении предшествующей философии, находящейся справа. Что касается правоты и неправоты, или соответственно истинности и ложности, этих двух направлений, правильной мне кажется позиция, что истина лежит посередине или заключается в комбинации этих двух концепций⁴⁰.

Коль скоро с точки зрения Гёделя философия в значительной мере ответственна за неудовлетворительную ситуацию в основаниях математики, он ищет в произведениях философов методы, которые бы сделали философию гораздо более точной и не подверженной столь сильно духу времени. Как известно, он находит ее в феноменологии

⁴⁰ Там же.

Гуссерля, которого тщательно читал последние два десятка лет своей жизни. Он также полагает, что буквальное прочтение Канта приводит к неверным представлениям, и требуется переосмысление его философии как раз в свете философии Гуссерля.

«Я полагаю общей особенностью многих кантовских утверждений, что понятые буквально, они ложны, но в более широком смысле содержат в себе глубокие истины. В частности, весь феноменологический метод, как я набросал его выше, есть возврат к центральной кантовской идее, и сделанное Гуссерлем состоит в том, что он впервые сформулировал ее более точно, сделав ее полностью сознательной и действительно выполнимой для конкретных областей»⁴¹.

Однако главной инвективой против современной философии (и науки) у Гёделя является тот самый *Zeitgeist*, «дух времени». Р. Тизен уточняет, что имеется в виду «механистический дух времени», который превалирует в современной интеллектуальной культуре⁴². Это доминирование не позволяет утвердиться идее, что человеческий ум превосходит машину, или, в современной терминологии, ум не превосходит компьютер. Гёдель полагал, что его теоремы о неполноте подрывают этот дух времени, в частности, его проявление в устранении из картины мира ума и абстрактных сущностей или концепций. В определенном смысле такое намерение Гёделя ставит полемику «ментализма»

⁴¹ Там же, с. 385.

⁴² *Tieszen R.* After Gödel: Mechanism, Reason, and Realism // *Philosophia Mathematica*. Vol. 14, n. 2. (2006). P. 229–254.

и «механизма» в новые рамки по сравнению с тем, что собственно имели в виду менталисты Лукас и Пенроуз. Здесь можно усмотреть историческую параллель в реакции средневековых философов на демистификацию природы в результате рождения ньютоновской механики. Учитывая неподдельный интерес Гёделя к демонологии, о котором свидетельствуют многие источники, эта параллель становится еще более убедительной.

Можно предположить, что в основе реакции Гёделя на *Zeitgeist* лежали приблизительно следующие мотивы. Механистический взгляд на природу, возникший благодаря Научной Революции XVII века, представляет собой такую схему интерпретации мира и его объектов, в которой главную роль играет математизация нашего опыта. Разделение Дж. Локком качеств на первичные и вторичные подразумевает объективность первых и субъективность вторых, и как следствие, математическую трактовку форм, величин, движения и пр. Объективность мира связывается с его материальными аспектами, и устранением человеческой субъективности. В картине мира сознание играет все меньшую роль, и при этом упускаются важнейшие характеристики мышления, играющие в действительности важнейшую роль в понимании процессов познания мира. Сюда входят интенциональность сознания, природа значения в концептуальном структурировании мира, природа гештальта в сознании, психологические установки субъекта, способность к идеализации, воображению и абстракции. Последнее особенно занимало Гёделя, который считал использование абстракций важнейшей характеристикой деятельности ума, которая упускается в «механизме». Фактически протест Гёделя был направлен против переноса ранних представлений о человеке как машине на работу челове-

ского ума, которая сродни работе компьютера. В полемике относительно гипотетического принципиального превосходства человеческого ума над компьютером используется весьма сложная аргументация математической логики, связанная, конечно же, с теоремами о неполноте Гёделя⁴³.

Однако нельзя сказать, что в этой полемике поставлена точка, несмотря на появление на арене фигуры Гёделя в виде посмертно опубликованных его материалов. Одной из причин такого положения дел явилась как раз неубедительность аргументации Гёделя против «духа времени», которая выглядит несколько ретроградной. Впрочем, и сам Гёдель отчасти, видимо, понимал это, поскольку в конце концов предлагал некоторую комбинацию «правых» и «левых» направлений для получения удовлетворительной картины. Его усилия в этом направлении модифицированы Тизеном, с использованием феноменологических концепций, со следующим результатом:

«Новая комбинация правых и левых идей... не влечет никакого иррационализма. Напротив, она вполне приемлема, в то же время занимая позицию здорового скептицизма в отношении суеверий, мистицизма, пророчеств и т.п. Мы предпочитаем рациональный скептицизм как сопровождение нашего широкого взгляда на разум, науку, логику, математику, и свидетельства вместо преувеличенного эмпиристского скептицизма, который устраняет ум и

⁴³ См.: *Целищев В.В.* Алгоритмизация мышления: Гёделевский аргумент. Новосибирск: Параллель, 2005; *Ершов Ю.Л., Целищев В.В.* Алгоритмы и вычислимость в человеческом познании. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013.

его направленность на абстрактные объекты в естественных науках математики и логики...»⁴⁴

Уже из этого пассажа видно то, что стоит в повестке дня для осмысления философского наследия Гёделя. Оно может идти в нескольких направлениях, принимая во внимание сложность рассматриваемых проблем. Одно из них состоит в экспликации того, что принял Гёдель в феноменологии Гуссерля. Не менее перспективным, с нашей точки зрения, является исследование различий в философских взглядах Гёделя и Гильберта при апелляции обоих к Канту. Наконец, в какой степени *Zeitgeist*, критикуемый Гёделем, реализован в программах нынешних исследований в области оснований математики. И еще более интересный вопрос состоит в том, каково же место философии в развитии того направления, вклад в которое самого Гёделя оказался столь важным и решающим.

Что касается экстраполяции от математики к философии, то тут лишь немногие философы могут последовать за Гёделем. Дело в том, что философский идеализм Гёделя психологически связан с его откровенным мистицизмом, который не является неперменным ингредиентом рационального мышления. Хотя мистицизм Гёделя проявлялся в его философских взглядах, но сам по себе он выражался им и в более простых терминах. В этом отношении весьма характерно признание Р. Рукера, математика и писателя, который среди немногих имел шанс поговорить с Гёделем:

«Я спросил Гёделя, верит ли он, что за всеми различными явлениями и действиями в мире стоит

⁴⁴ *Tieszen R.* After Gödel: Mechanism, Reason, and Realism // *Philosophia Mathematica*. Vol. 14 (2006). n. 2. P. 250.

единый Ум. Он ответил утвердительно, и что Ум структурирован, но при этом Ум существует независимо от индивидуальных свойств. Тогда я спросил, верит ли он, что Ум находится везде, в противоположность тому, что локализуется в мозгах людей. Гёдель ответил: "Конечно. Это основа мистического учения"»⁴⁵.

Возможно, что не стоит обращать внимание в философии Гёделя на мрачную сторону мистицизма. Видный логик Раймонд Смаллиан, много делающий для популяризации математических достижений Гёделя, в одной из своих книг о восточной философии описывает беседу, в которой принимают участие «логический позитивист» и «мистик»⁴⁶. В ней мистик употребляет замечательную фразу «когда время созреет». В этом духе можно предположить, что Гёдель мог рассчитывать как рационалистический оптимист на то, что «однажды, но никак не ранее, время придет», когда не будет опасений перед абсолютно неразрешимыми проблемами.

Рационалистический оптимизм Гёделя очевидно перекликается с оптимизмом величайшего математика Давида Гильберта. Его знаменитое «Мы должны знать – мы будем знать!» и убеждение, что «в математике нет непознаваемого», являются лозунгом, который, как считается, был подорван именно теоремами Гёделя о неполноте. Некоторые критики Гильберта заходят так далеко, что утверждают:

⁴⁵ *Rucker R. Infinity and the Mind. N.Y., Bantam Books, 1983. 3, 183.*

⁴⁶ *Смаллиан Р. Молчаливое Дао. М., Канон, 2012.*

«Именно чрезмерный оптимизм Гильберта побуждал Гёделя доказывать существование [неразрешимых предложений]»⁴⁷.

Нет никаких свидетельств, что именно разочарование в оптимизме Гильберта послужило Гёделю поводом для поисков неразрешимости. Это подтверждается попыткой еще в 1926 г. Пауля Финслера построить неразрешимое утверждение, да и опасением самого Гёделя (по свидетельству Крайзеля), что не пройдет трех-четырёх месяцев, как кто-нибудь нападет на эту идею, которая буквально носилась в воздухе. Напротив, вся его математическая и философская работа была проникнута гильбертовским оптимизмом, и только по иронии судьбы он стал именно тем человеком, с которым связывают необоснованность такого оптимизма.

Что нам следует думать о рационалистическом оптимизме Гёделя? Пожалуй, тут наиболее уместно считать такой оптимизм проявлением нормативной деятельности в науке:

«Оптимизм Гильберта, от которого не хотел отказаться Гёдель, может рассматриваться как регулятивный идеал в кантианском или гуссерлианском смысле. Идеал разрешимости регулирует наше научное мышление... является постулатом разума... Мы могли бы сказать, что именно осознание этого идеала поз-

⁴⁷ Арнольд В.И. Русское издание сочинений Давида Гильберта // Природа. п. 4. 1999.

воляет нам понять, что мы не достигли цели и что наше знание неполно⁴⁸.

Поиски Гёделем знания с математической определенностью представляют собой попытку добраться до истоков нашей способности к априорному знанию. До сих пор споры о природе математического знания удивляют нас не только «непостижимой эффективностью математики в естественных науках», но и живучестью тех философских проблем, которые поставил еще Платон. Рожденные практически одновременно античными гениями дедуктивная математика и философия до сих пор демонстрируют в лице Гёделя свою поразительную взаимосвязь.

⁴⁸ *Tieszen R.* After Gödel: Mechanism, Reason, and Realism in the Philosophy of Mathematics // *Philosophia Mathematica*. Vol. 14, n. 2. 2006. P. 251–252.

Аннотированный список книг издательства «Канон⁺»
РООИ «Реабилитация» вы можете найти на сайте
<http://www.kanonplus.ru>
Заказать книги можно, отправив заявку по электронному адресу:
kanonplus@mail.ru

Научное издание

Яакко Хинтиikka

О ГЁДЕЛЕ

Курт ГЁДЕЛЬ

СТАТЬИ

Составление, редакция и перевод
В.В. Целищева и В.А. Суровцева

Директор — *Божко Ю. В.*
Ответственный за выпуск — *Божко Ю. В.*
Компьютерная верстка — *Липницкая Е. Е.*
Корректор — *Филиппова И. К.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.04.2014.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 1000 экз. Заказ 999.

Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация».
111672, Москва, ул. Городецкая, д. 8, корп. 3, кв. 28.
Тел./факс 8 (495) 702-04-57.
E-mail: kanonplus@mail.ru
Сайт: <http://www.kanonplus.ru>

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.